

Н. Кондратьев

НАНЛИ В
ЖЕЛЕЗНОЙ
АЗИН

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1960

* < *
'V»

От имени Центрального Исполнительного Комитета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов прошу Вас, товарищ, передать сердечное приветствие и глубокую благодарность доблестной 28-й дивизии, стойко и мужественно защищающей Советскую Россию против темных банд Колчака.

Считаю своим долгом довести до сведения Рабоче-Крестьянского Правительства о героических и самоотверженных боях славной дивизии.

Слава героям - красе и гордости нашего Социалистического Отечества!

Председатель ЦИК М. И. КАЛИНИН
(Телеграмма командарму 2 - В. И. Шорину)

Приходил ко мне на пароход в Елабуге красный командир тов. Азин... Был беспощаден к белым, к перебежчикам и отчаянно смел. Говорил он со мной главным образом о своей заботе о красноармейцах. Красноармейцы его любили...

И. К. Крупская
(Воспоминания о Ленине)

ОТ АВТОРА

Книга посвящена светлой памяти выдающегося героя гражданской войны начальника прославленной в боях 28-й Железной стрелковой дивизии Владимира Мартыновича АЗИНА.

При написании книги автор широко использовал архивные документы и литературные материалы. Большую, плодотворную помощь автору оказали боевые друзья и соратники начдива 28: Гундорин А. П., Гребнев С. П., Зевин Я. Л., Смирнов М. А., Лобанов А. Г., Хрупкий В. Н., Айтов Л. Х., Кочубеев А. Н., Назаров Н. С., Петров Н. Г., Майстрах Б. В., Саулит Ю. Я., Храмов В. М., Мельников П. И., Демьянов К. Д., Николаев И. Н., Чистякова К. И., Розовский В. Г., Анищенков И. Н., Рабышко А. Г., Калганников И. И., Видякин Г. И., Битовт А. А., Зевцова-Лобанова Г. М., Виноградский А. С. Автор приносит глубокую благодарность этим товарищам за участие в создании биографического очерка «Начдив железной Азин».

Иллюстративные материалы получены от матери В. М. Азина Евы Ивановны Азиной, из Центрального музея Советской Армии и Центрального государственного архива кинофотофонодокументов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Начдив железной Азин» — так назвал свой новый труд Николай Кондратьев. Начинает он эту книгу с хороших, теплых слов Председателя ЦИК Михаила Ивановича Калинина по адресу прославленной своими боевыми делами 28-й дивизии Азина. И тут же, на первой странице, автор приводит замечательную характеристику, данную начдиву Азину Надеждой Константиновной Крупской.

Азин воевал на фронтах гражданской войны более двух лет, но не удалось ему быть свидетелем окончательного разгрома всех сил интервентов и внутренней контрреволюции. Владимир Мартынович погиб смертью храбрых уже в тот период, когда на Северном Кавказе добивались последние остатки войск Деникина.

Имя легендарного начальника 28-й дивизии В. М. Азина хорошо известно в Удмуртской, Татарской АССР, в Прикамье, в Приуралье, на Нижнем Поволжье и на Дону.

К сожалению, образ В. М. Азина до сих пор не получил сколько-нибудь целостного, полного и всестороннего отображения в исторической и художественной литературе. Некоторые же историки допустили явные извращения и своим произвольным толкованием фактов исказили облик В. М. Азина.

Автор книги «Начдив железной Азин» Николай Кондратьев провел кропотливую исследовательскую работу, нашел много весьма ценных документов и материалов. Проявив научный подход к делу, автор опроверг неправильные суждения некоторых историков и краеведов и создал правдивый биографический очерк о легендарном начдиве.

Книга Н. Кондратьева представляет большую ценность, является важным вкладом в нашу военную литературу, правдиво рисует события на Восточном фронте в 1918—1919 гг.; на иллюстрациях в книге мы видим Азина и его боевых товарищей. Особенно отрадно, что книга написана очень просто, популярно, легко читается.

Азин был незаурядным организатором, выдающимся военным начальником. Ему удалось объединить 18 больших и малых, в большинстве своем партизанских, отрядов, прибывших во второй половине августа 1918 года под Казань, сформировать из них роты и батальоны, навести в них порядок, укрепить дисциплину, создать единое командование.

Азин изучал способности командного состава на опыте выполнения ими боевых задач. Он с первой встречи запоминал фамилию любого подчиненного ему командира. Если командир или боец отлично выполнит задачу, Азин его никогда не забудет, поставит в пример другим. Но в то же время Азин умел всегда подметить недостатки и давал указания об устранении их.

Автор сумел правдиво изобразить большевика Владимира Азина, беспрдельно преданного делу партии, делу рабочего класса.

Азин высоко ценил деловых и грамотных политработников. В лице комиссара он видел друга и товарища, быстро сживался с ним и очень дорожил сработанностью. Он очень жалел об уходе комиссаров дивизии Кузьмина, Зорина и особенно Пылаева и даже возбуждал ходатайство об оставлении их в дивизии.

Автор подметил, что Азин страстно любил Ленина. Следует заметить, что ни одно серьезное указание, ни один сколько-нибудь деловой разговор не обходился без упоминания Азиным имени Ленина. Имя Ленина было символом борьбы у всего личного состава дивизии, и Азин всегда особо подчеркивал это; он знал, что одно упоминание имени Ленина цементирует войска и дает им еще больше уверенности в победе. Беспредельная вера в дело Ленина создала Азину большой авторитет.

Азин обладал незаурядным даром слова. Его речи на митингах и собраниях были всегда политически зрелыми, глубоко содержательными, последовательными.

Автор подмечает, что Азин упорно изучал военное дело, хорошо знал общевойсковую тактику, был подго-

товлен технически. Ему удалось хорошо изучить боевые свойства оружия. Азин очень хорошо стрелял из ручного и станкового пулеметов, из нагана и пистолета «Кольт». В верховой езде Азину мог позавидовать хороший кавалерист.

Азин хорошо знал историю военного искусства, великих полководцев мира. Иногда, в свободное время, рассказывал об их исторических походах и сражениях. Особенно уважал начдив А. В. Суворова, часто употреблял его изречения и афоризмы.

Азин внимательно следил за событиями на фронте не только 2-й армии, в которую входила дивизия, но и соседних армий. Уже в середине декабря 1918 года, когда стало известно, что противник начал сосредоточивать силы против стыка 2-й и 3-й наших армий, и было видно, что сюда подходит 2-й Сибирский корпус и корпус генерала Капеля, Азин говорил: «У нас замедлилось продвижение, а противник что-то затевает против наших соседей». А когда пал Кунгур, Азин, информируя в штабе дивизии о создавшейся обстановке, в узком кругу говорил: «Противник увлекся, наступает клином на 3-ю армию. Удобный момент ударить бы первой бригадой прямо на Кунгур, во фланг и по тылам... Все бы полетело... Я попробую доложить командарму». Как видно, Азин докладывал этот план, но командарм Шорин боялся выйти из полосы действий армии и, по всем данным, не доложил об этом проекте командующему фронтом.

Азин очень много уделял внимания подготовке любой операции, обеспечению ее всем необходимым. Организуя оборону, он всегда думал о наступлении. В течение четырехмесячных тяжелых боев в январе — апреле 1919 года 2-я армия отошла более чем на 400 верст. К 10 мая 28-я дивизия полностью переправилась на правый берег реки Вятки и заняла оборону от устья Вятки до Вятских Полян и даже на 10 верст севернее их. Благодаря умелой подготовке к наступлению переправа частей дивизии оказалась бескровной. В первый же день боя дивизией было разбито шесть полков противника. Эта переправа 28-й дивизии через реку Вятку в ночь на 25 мая 1919 года под руководством Азина остается и до сих пор поучительной.

Азин был человеком высокой культуры, всесторонне развит и начитан. Прекрасно знал русский язык, быстро

и красиво, твердым почерком писал. Хорошо знал немецкий и французский языки.

Жители Прикамья и Приуралья видели в Азине выдающегося руководителя и начальника. Всюду, где проходила 28-я дивизия, катилась слава об Азине. Люди стремились увидеть Азина, чтобы поприветствовать и поблагодарить его.

Азин поражал всех своей неутомимостью; его кипучая боевая натура не знала усталости; он не любил праздности, всегда был занят делом. Командарм Шорин дал Азину отличную характеристику: «Изумительно энергичный, неутомимый, исполнительный, под его начальством дивизия совершила много славных дел».

Азин был требовательным к себе и к подчиненным. Приказ старшего начальника для него всегда был непреложным законом. «Умри, но выполни приказ», — говорил он. Был сам дисциплинирован и добивался твердой дисциплины и должного порядка в подчиненных ему частях. Имел хорошую строевую выправку, ходил твердым уверенным шагом, всегда был чисто одет и тщательно брит.

Азин обладал железной волей, был настойчив. Уже если он принял решение, то проведет его в жизнь.

Азин показывал подчиненным пример храбрости, отваги, мужества. Был пять раз ранен. При последнем ранении, как отмечает автор книги, Азин лишился правой руки. Под ним на Восточном фронте было убито три лошади, на Южном — четыре.

Азин быстро ориентировался в обстановке, хорошо анализировал намерения противника, действовал самостоятельно, смело и решительно. Если позволяло время, спрашивал мнение подчиненных, стремился постоянно развивать у них инициативу.

Азин знал способности командиров противостоящих ему белогвардейских частей и соединений. Ему удавалось иногда включаться в телефонную сеть противника, особенно при весенне-летнем наступлении в 1919 году. Азин внимательно слушал разговоры противника, делал пометки на карте и записи в полевой книжке и, выждав удобный момент, включался в разговор с противником. Обычно он говорил от имени старшего начальника с требованием выполнить какое-либо приказание.

В заключение следует отметить, что всеми своими успехами в решении сложных оперативных задач в период гражданской войны командарм Шорин обязан прежде всего начдиву Азину (во 2-й армии вначале было две дивизии, потом стало три).

Дивизия Азина нанесла главный удар по войскам мятежников ижевско-воткинской группировки в ноябре 1918 года и полностью уничтожила эту группировку. Фланговый удар 28-й дивизии на Кунгур в январе 1919 года по Сибирской армии генерала Гайда оказал решающее влияние на локализацию нашего поражения под Пермью.

При вынужденном отходе 2-й армии в феврале—апреле 1919 года дивизия Азина послужила щитом армии. В течение всего 400-верстного отхода дивизия Азина следовала последней, нанося контрудары по флангам наступающих войск противника. Как справедливо отмечает Н. Кондратьев, своими активными действиями при отходе «полки дивизии Азина спасли тысячи своих товарищей по оружию из 21-й и 7-й дивизий».

Дивизия нанесла главный удар на фронте 2-й армии при весенне-летнем наступлении в 1919 году; она наступала все время клином впереди других дивизий и наносила фланговые удары по войскам противника. Дивизия освободила ряд городов, в том числе столицу Урала Екатеринбург.

На Южном фронте 11 и 12 августа 1919 года дивизия Азина нанесла удар по войскам противника в районе южных подступов к Саратову и спасла этот город от захвата его противником.

Боевая деятельность начдива В. М. Азина, стойкого коммуниста, положившего свою голову за власть Советов, навсегда останется в памяти наших советских людей.

Книга «Начдив железной Азин» представляет большой интерес; она является пока лучшим трудом, написанным о легендарном герое В. М. Азине.

Бывший начальник артиллерии
28-й стрелковой дивизии
генерал-майор в отставке
А. Г у н д о р и н

Славным бойцам, командирам и политработникам 28-й Краснознаменной Горской стрелковой, народом прозванной Железной, дивизии с глубочайшей благодарностью посвящаю,

АВТОР

I. ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ

1

...У крайней хаты Азин остановил боязливо фыркающего коня. Огонь с неистовым хрустом пожирал старые, потрескавшиеся бревна и зеленоватую соломенную крышу. Ветер тянул к небу длинные языки пламени, далеко разбрасывал алые угли.

Пожар никто не тушил. Хозяин дома лежал у тлеющего крыльца. Глядя на него, Азин подумал: «По-видимому, сильный был человек, отчаянно защищал себя и семью». Холщовая рубаха на убитом изодрана в клочья, на руках огромные синяки. В распоротом животе торчит обоюдоострый австрийский штык. В разодранный, окровавленный рот забита краюха хлеба.

Азин соскочил с коня; прикрывая лицо ладонью от летящих искр, подошел к мертвому, поднял его и отнес к придорожным липам. Долго не мог отвести глаз от лица убитого. И черные, расчесанные на пробор волосы, и широкие густые брови, и глубоко запавшие голубые

И

глаза, и обвислые густые усы показались страшно знакомыми. «Неужели отец? Но как он мог попасть сюда, в Вятскую губернию?» Наклонился. Приподнял тяжелую руку. «Чужой! Пальцы короткие, толстые, с обломанными ногтями. А у отца пальцы длинные, исколотые иглой, припеченные утюгом, покрытые мелкими жесткими волосами».

Гулкие выстрелы оборвали раздумье. Азин вскочил на коня, поскакал к своему отряду. У синей от дыма рощи встретил возвращавшихся в деревню всадников. Впереди ехал латыш Карл Стек.

Азин осадил коня, платком вытер покрытое пылью лицо, спросил сердито:

— Упустили?

— Пеших порубили, конные утекли,— хриловатым баском ответил Стек.

Азин привстал на стременах, крикнул:

— Догнать! За мной...

Вперед вырвался Стек. Чувствуя себя виноватым перед командиром отряда, он часто поворачивался и повторял одни и те же слова.

— Не уйдут... Выведем под корень вражье племя...

Бандитов догнали у реки Летки. Услышав цокот копыт, они поняли, что пощады не будет, открыли пальбу по отряду и погнали коней в воду.

Пуля пробила Азину ногу. Морщась от боли, он приказал:

— Огонь! Залпом огонь!..

Половину отряда составляли латышские стрелки, прибывшие с Азиным в Вятку с Псковского фронта. Это были спокойные, хорошо понимающие воинские команды люди. Они быстро спешились, залегли на высоком берегу и вторым залпом выбили всех бандитов с седел.

Довольный успешным завершением схватки, Карл Стек перекинул карабин за плечо, побежал к Азину. Увидев искаженное болью лицо командира, испуганно крикнул:

— Что с тобой, Владимир? Ты ранен?

— Зацепила, окаянная... Вот не вовремя,— сказал Азин и, обняв коня за шею, медленно сполз на землю.

Стек посмотрел на залитую кровью ногу командира, сбросил с себя гимнастерку, нижнюю белую рубаху и

располосовал ее. Он хотел было разрезать сапог, но Азин сердито сказал:

— Зачем хром портить? Тяни,— и опустил на плоский теплый камень.

Карл покачал головой и, морщась, словно сам был ранен, осторожно стащил багровый сапог с ноги командира.

Капли пота выступили на побледневшем лице Азина. Покусывая нижнюю губу, он смотрел на сильные руки своего друга. Ловкие пальцы наложили тугую повязку, остановили кровь.

Пока Стек перевязывал рану, бойцы отряда обступили Азина. Он поднял голову, сердито спросил:

— Северихин! Лошадей взяли?

— Так точно, товарищ Азин. Поймали восемь, одна, раненная, утонула,— отрапортовал его помощник Алексей Северихин.

— Надо бы вас на бричку пристроить,— с глубоким сочувствием сказал заместитель командира отряда по хозяйственной части Иван Земский.— Дорога длинная, тяжелая...

— Кость не задета. Доеду в седле,— сказал Азин и, резко оттолкнувшись от камня, встал на правую, здоровую ногу, скомандовал:

— По коням!

Северихин, Стек и Земский подхватили Азина на руки, посадили в седло.

Азин посмотрел на высокие багровые клубы дыма, сказал с горечью:

— Выгорит вся деревня. Надо погасить...

— Товарищ командир, мужики без нас управятся,— робко заметил Северихин.— Вам надо спешить в Вятку, в больницу.

— Успеем! — строго оборвал Азин.— Земский, веди отряд. Даю час сроку. Сам проверю.

— Собьем моментом,— сказал Земский и, обернувшись к всадникам, прокричал:

— Отряд, за мной, рысью марш!

Когда улеглось облако пыли, Азин тронул шпорами коня. Ехал медленно, выставив вперед раненую ногу. За ним, на расстоянии десяти шагов, следовали Северихин и Стек.

День был жаркий. Азина мучила нестихающая боль и жажда. У синей, пропахшей гарью рощи у него закружилась голова, и он с трудом удержался в седле. Сказались усталость (два дня гонялись за бандой) и потеря крови.

Стек посмотрел на беспомощно склонившегося над гривой коня Азина, покачал головой, тихо сказал Северихину:

— Последи за ним, как бы не сполз. А я мигом бричку пригоню.

Объехал Азина стороной, хлестнул коня плеткой, усккал.

Азин остановился, подождал Северихина» строго спросил:

— Куда это он умчался?

— За бричкой...

— А почему не доложил? Рано списываете, голубчики! Командование отрядом никому сдавать не собираюсь. Понятно?

— Все понятно, товарищ Азин. Отряд свой долг выполнил, теперь должен отдохнуть недельку — другую. А за это время медицина наведет полнейший ремонт.

— Отдыхать не придется. Белочехи рвутся на Казань и Саратов. Сформируем в Вятке революционный полк и поедем на главный фронт. А с кулаками и дезертирами губвоенком Малыгин без нас справится.

•— Обязательно сформируем и поедем,— не желая раздражать вспыльчивого командира отряда, торопливо согласился Северихин.— Время наступило такое тяжкое — или мы их или они нас в дугу свернут.

— Никаких «или»! — воскликнул Азин.— Во имя Революции мы вырубим вражье племя под корень. Это приказ самой истории. Понятно?

— История за нас, это точно,— сказал Северихин,— А за них весь мировой капитал — вильгельмы, Пуанкаре, вильсоны... Германцы половину России заплонили, американцы и англичане в Архангельскую губернию залезли, японцы на Дальнем Востоке высадились, а белые чехи в самое сердце стучатся...

— Хватит! — сердито оборвал собеседника Азин.— Сам газеты читаю, когда время позволяет. Многие на Россию с оружием ходили, да немногим обратно удавалось ноги унести. Придет время — освободим всю на-

шу землю и поможем мировому пролетариату, протянем ему братскую руку помощи, как говорит товарищ Ленин.

Северихин молча смотрел на бледное, удивительно красивое, вдохновенное лицо командира отряда и про себя ругал Стека: «Где же обещанная бричка?» — и эту тяжелую ухабистую дорогу. «Азин с трудом держится в седле, но виду не показывает — гордый, сильный человек».

Азин вытер мокрое лицо, посмотрел на деревню, сказал с нескрываемой гордостью:

— А пожар-то пригнули к земле. Молодцы! Сейчас проведем митинг и тронемся на Вятку.

— Какой там митинг, — не выдержал Северихин. — Люди с ног валяются, да и вам покой крайне нужен, товарищ Азин.

— Не будет у нас покоя, Северихин, не будет. Если ты покой ищешь — уходи из отряда. Мужикам надо правду сказать, направить на путь истинный. А за меня не беспокойся. Выстою.

На дороге из-за облака пыли показалась бричка.

— Стек едет, — обрадовался Северихин. — Вот вам и трибуна. Опять хмуритесь. С брички тоже можно выступать.

Азин ничего на это не ответил. Он думал, привез ли Карл Стек хоть немного воды. Неужели не догадался? Хотя бы глоток, один глоток...

Стек ловко повернул и остановил бричку. Лицо его казалось чугуном от пыли и пота.

— Воды привез? — с тревогой спросил Азин.

— В бричке и вода и молоко — на выбор. Пейте,правляйтесь, — улыбаясь, ответил Стек.

— Спасибо, Карл! Быть тебе ординарцем. Заслужил, — пообещал Азин и попросил воды.

Пил жадно, влага булькала в напряженном горле. Глубоко вздохнув, воскликнул:

— Сто пудов с плеч свалилось. Стек, садись за кучера, рассказывай, что там в деревне делается...

Бричка тронулась, и Стек ответил:

— Бегают, кричат, плачут. Тяжело народу. Подумать только, наживали годами, а пожар все сожрал за полчаса. Хорошо, что наши вовремя подскакали, отстояли половину деревни.

— Из наших никто не пострадал?

— Не успел расспросить. К вам торопился. Бричку у местного богатея-бандита отобрал.

Рассказ Стека напомнил Азину о человеке, погибшем у крайней хаты. «Удивительно похож на отца. Где-то сейчас скитаются его старики? Живы ли они?» Азин прикинул, сколько дней прошло с последней встречи: в армию был мобилизован в январе прошлого года, а сейчас июль. Выходит— 18 месяцев. За это время в родной Ольховке, наверное, много перемен произошло. Самое страшное — туда ворвались немцы...

У деревни в лицо Азину пахнуло зноем от раскаленных пепелищ и запахом паленой шерсти и горелого мяса. Отмахиваясь ладонью от летящих хлопьев пепла, Азин угрюмо сказал Стеку:

■— Остановимся у качелей. Проведем митинг.

— Желательно покороче,— попросил Стек.— Жара, пыль. Рана может загноиться.

— Будешь ныть — откомандирую в сестры милосердия,— сказал Азин.— У тебя к медицине ярко выраженное тяготение... Понимать надо, Карл,— люди горем убиты. Им сейчас наша партийная правда, как хлеб, нужна.

У качелей к бричке подбежал Земский, щелкнул каблуками, отрапортовал:

— Товарищ командир, приказ выполнен. Спасли двадцать семь домов, не считая разных пристроек. Личный состав отряда налицо. Обожженных нет.

■— А кто пострадал из местного населения? — спросил Азин.

— Бандитами убит председатель комбеда Васильев.

— Постройте отряд и соберите бедноту. Я им скажу, что делать надо, как жить в текущий момент.

Местные жители, напуганные недавней стрельбой и пожаром, собирались медленно, держались боязливо. Их нерешительность и робость злили Азина. Неужели мужики не могут друзей от врагов отличить? Во имя их свободы и счастья отряд уничтожил банду кулаков и дезертиров. Жизнью рисковали. Это сердцем понять надо.

— Кажется, все в сборе,— доложил чуть слышно подошедший Земский.— Народ бедой придавлен, товарищ Азин...

— Вижу,— тихо сказал Азин и, опираясь на плечо Стека, встал, выпрямился, поднял руку.

— Тише, тише, граждане! — крикнул Земский. —■
Азин будет говорить...

Люди у качелей сомкнулись, подвинулись вперед, замерли, и только у пепелищ все так же громко и безутешно причитали погорельцы.

■— Товарищи! Наша маленькая победа омрачена вашей большой бедой, — с глубокой грустью произнес Азин. — Банда кулаков и дезертиров убила председателя комбеда Васильева, сожгла половину деревни. Мы вам очень сочувствуем. Все мы вышли из народа и потому плачем вместе с вами и вместе с вами думаем, как горе свалить и счастья добиться.

— Какое там счастье! — угрюмо оказал стоявший у брички седобородый мужик. — Надевай суму — иди по миру.

Азина мучила рана. Обращаясь к седобородому, с трудом проговорил:

— Не по миру идти — миром жить надо! Советская власть не оставит своих людей в беде. Вы получите бесплатно строевой лес, денежную ссуду. Помогайте друг другу строиться. Жить помогайте друг другу. Когда мы вместе, когда мы едины, нас никто никогда не победит. Павшего героем товарища Васильева предлагаю похоронить с уважением и почетом, его вдову поселить в доме местного богатея. Поделитесь с погорельцами кто чем может, ведь свои люди. Поймите — вся Россия в огне. В крови и мучениях небывалых рождается новая жизнь. У нас много врагов, но друзей — куда больше, и мы победим!

Азин вытер пот, спросил:

— Какие вопросы будут? Что не ясно?

Мужики молчали. Из толпы женщин донесся чей-то приглушенный, необычно взволнованный голос:

— Ой, бабоньки! До чего ж красив старшой-то. Первый раз такого вижу.

Азин укоризненно покачал головой. Седобородый мужик крикнул:

— Тише вы, балаболки! Человек дело говорит...

Из-за спины Азина донесся пугливый голосок:

— Говорят, иноземцы какие-то наступают. Построимся — снова спалят...

— Не пустим! — живо сказал Дзнн, — Иноземцев всех мастей вышвырнем из России! — Мржете работать спокойно.

— Спасибо, гражданин начальник, — низко поклонившись Азину, сказал седобородый мужик. Повернулся к усталым, черным от пыли и сажи бойцам и с торжественной, задушевной теплотой произнес:

— Спасибо вам, сынки, что жилье наше от лихого пламени отстояли. От всего общества спасибо. Дай вам бог здоровья на многие, многие лета. Счастливого пути, родные.

И снова наступила тишина.

— Может, кто выступить желает? — спросил Азин.

— А чего там. Все сказано.

— Лучше Степана Иваныча не выразишь.

Облегченно вздохнув, Азин медленно опустился на сено, вытянул онемевшие ноги, тихо сказал Земскому:

— Распорядись от моего имени: даю отряду два часа отдыха. Пусть умоются, пообедают, покормят коней. Проследи за порядком. Если чужое кто тронет — расстреляю! Понятно?

— Так точно! — сказал Иван Земский и, молодецкато повернувшись, гулким строевым шагом направился к отряду.

— Пить, — чуть слышно попросил Азин.

2

...На жесткой больничной койке Азин снова вернулся к мучительному вопросу: «Живы ли родные и где-то они сейчас?»

Впервые за последние напряженные, тяжелые месяцы у Азина оказалось очень много совершенно свободного времени для раздумий и воспоминаний. И, не спеша подытоживая прожитое и пережитое, Азин приходил к мысли, что мало он жил в семье, в памяти сохранились только детские воспоминания. Вспомнил отца, сутулого, слегка прихрамывающего, всегда усталого и недовольного своей судьбой. Всю жизнь, изо дня в день, он боролся с нуждой, но так и не смог ее, окаянную, положить на лопатки. Отец и мать рассказывали о том, как их родители уехали из родной Латвии на свободные земли Белоруссии. Осели в деревушке Марьяново Артиковецкой волости Полоцкого уезда, на земле, которую местные власти считали никому не нужной, никудашной. Узкие полоски со всех сторон были окружены болотами

и глухим сосновым лесом. И вот эту скупую подзолистую землю трудолюбые переселенцы очистили от камней и кустарника, оградили глубокими канавами от затопления и заставили родить картошку и рожь. Полосы Андрея Азина прижимались к участку Ивана (в Латвии он был Яном) Индена. Земляки дружили, помогали друг другу и наконец породнились: Мартын Азин женился на Еве Инден. Молодым срубили небольшую хатку, дали клочок землицы и сказали:

— Живите с богом!

В этой хатке 26 сентября 1895 года Ева Ивановна Азина родила сына. Первенца назвали Владимиром.

Клочок земли не мог прокормить растущую семью, и Мартын Азин на тридцатом году жизни вынужден был пойти в ученики к портному. За зиму освоил специальность и получил от учителя в награду старенький аршин и ножницы. Отец и тесть сложили свои скудные сбережения и купили Мартыну швейную машинку «Зингер». Весной он пошел по окрестным деревням искать работенку.

С тех пор за Мартыном прочно закрепилось прозвище «бродячий портной». Иногда он уходил из дому на месяц — два. Его ждали с огромным нетерпением. Возвращение отца домой превращалось в праздник. И сейчас, вспоминая свое детство, Владимир Азин невольно пришел к выводу, что все его маленькие радости связаны с удивительно теплыми, ласковыми руками отца, проходящего из дальних деревень. Сильные, ловкие руки подбрасывали к самой крыше, покрытой зеленым плюшевым мхом, расчесывали спутанные волосы и награждали удивительно сладкими гостинцами. Не потому ли так глубоко запали в память руки отца: крупные, исколотые иголкой, припеченные утюгом, всегда усталые и всегда нежные, заботливые, щедрые.

Отец никогда не наказывал, а ведь были шалости и проказы, заслуживавшие изрядной порки. Да и мать не била, только говорила в таких случаях сердито:

— Вот возьму Оскара и Оленьку и уйду из дому. Оставайся один.

Это была самая страшная угроза. Оставаться одному очень не хотелось. И тогда, стремясь смягчить вину, Володя торопливо клялся, что «этого никогда больше не будет», и с превеликим усердием принимался за всякие

домашние дела. И хотя хозяйство было совсем маленьким, забот у мамы было очень много, она всегда что-то делала, куда-то спешила, руки ее никогда не отдыхали. Гнев проходил быстро, мать, улыбаясь, ласково говорила:

— Помощничек ты мой дорогой. Мой маленький хозяин.

И в этом была доля правды. Отец, возвратившись домой и перекусив с дороги, сразу же садился за машинку. Под ее монотонную песню дети вечером засыпали и утром просыпались. И казалось, отец не ложился спать, не разгибал свою сутулую, усталую спину. Выполнив заказы, он снова собирался в путь, целовал детишек, внушал своему любимцу-первенцу:

— Остаешься за хозяина, Володя. Помогай матери.

И приходилось собирать хворост для плиты и еловые шишки для самовара, пасти поросенка, оберегать грядки от куриного нашествия и, конечно, нянчить малышкой Оскара и Оленьку. Бывали такие тяжелые, такие грустные часы, что слезы бежали по щекам ручьем. И как не плакать: сверстники свистят за огородом, зовут в лес за грибами и ягодами, они вольные птицы — куда хотят, туда и летят, а ты привязан к дому, никуда не можешь отлучиться, надо присматривать за неугомонными и плаксивыми братишкой и сестренкой.

Все изменилось, когда исполнилось восемь лет. Школы поблизости не было, и отец вынужден был перевезти семью на хутор Ольховка. Начались необычные, очень радостные дни. Отец сшил сыну костюм, купил ботинки. Примеряли обновки всей семьей. Ботинки приятно пахли ваксой, блестели и громко скрипели. Хотелось выбежать на улицу, показать сверстникам свой первый костюм, первые ботинки, но мать неожиданно сказала:

— Костюм будешь носить только в школу. Запомни это и на улице с мальчишками не балуйся. Он нам дорого обошелся.

Утром отец отвел сына в Балбечинскую школу. По дороге неторопливо наставлял:

— На уроках не шали. Слушайся учителя Карла Николаевича, Если будешь хорошо заниматься, через четыре года поедешь в Полоцк или Витебск. Ученым человеком станешь, нам на старости лет поможешь.

Эти слова запали в мальчишечье сердце. Учился с похвальным упорством и прилежанием и по всем предметам имел неизменную оценку -- пять с плюсом. За четыре года не пропустил ни одного занятия. А ведь были и ненастные дни. Зимой северный беспощадный ветер

Семья Азиных (слева направо): Оскар,
Мартын Андреевич, Ольга,
Владимир, Ева Ивановна. Полоцк, 1905 год

выжимал слезы и они замерзали на ресницах. Вьюга заметала дорогу сугробами, и он шел, прикрывая лицо варежкой, иногда по пояс в снегу три версты. Какими длинными, бесконечными казались эти версты в трудную зимнюю пору, и тогда маленький класс радовал уютом, светом, и так было приятно прижаться продрогшей спиной к горячей, широкой печке.

В субботу вечером и днем в воскресенье отец просил:

— Почитай-ка вслух, Володя. А мы посидим тихонько и послушаем...

И они действительно сидели тихо и с восхищением смотрели на своего любимца, даже неугомонная резвушка Оленька становилась удивительно спокойной и послушной. Читал медленно, выразительно и вдохновенно стихи Пушкина, Лермонтова, рассказы Гоголя, Толстого, сказки Жуковского и Ушинского. И какая была замечательная память: стоило три раза прочесть по книжке и мог декламировать наизусть.

Запомнились слова учителя Карла Николаевича Кавецкого в последний учебный день:

— Ты был лучшим моим учеником, Володя. Тебе надо дальше учиться. Об этом я поговорю с твоим отцом.

Сдержал слово — уговорил. Осенью 1907 года Мартын Азин отвез старшего сына в Полоцкую городскую школу. Выпросил у знакомого органиста местной кирки маленькую комнатенку, служившую чуланчиком, сказал на прощанье:

— Держись молодцом, Володя. Помни: у чужих людей живешь, а не дома. Будь смирным, послушным, аккуратным.— И ушел искать работу.

Первые сутки были очень длинными и тяжелыми. Незнакомый город, неразговорчивые, чем-то недовольные люди, узенькая, прохладная, плесенью разрисованная комнатенка. Один, совсем один. И поговорить не с кем. Уткнулся лицом в мамину подушку и тихо, чтобы хозяин не услышал, заплакал...

Но книги и музыка спасли от тоски по дому. У органиста была своя библиотечка, в которой рядом со строгой церковной литературой мирно уживались ядовито цветастые развлекательные книжки типа «Пещера Лейхтвейса» и «Пинкертон», приложения к журналу «Нива» перемешались с приключенческими выпусками щедрых журналов «Вокруг света» и «Природа и люди». И любознательный, жаждущий путешествий и приключений мальчик, быстро приготовив уроки, снимал с запыленного стеллажа первую попавшуюся книгу и читал, пока глаза видели строчки. От книг часто отвлекала музыка. Органист был непризнанным прихожанами артистом, он играл самозабвенно, яростно, без остатка расплескивая

по гулкой, пустой кирке свою грусть, и возвращался в свою каморку со светлой душой, с улыбкой на пухлых губах.

Почти каждый месяц Мартын Азин навещал сына, привозил продукты — гостинцы, пытливно расспрашивал о том, как учится, как относятся учителя и товарищи-одноклассники. Приятно отвечать на такие вопросы, если успеваемость лучше всех в классе и учителя хвалят, а товарищи уважают. Особенно легко дается математика. Отстающие ученики просят объяснить решение трудных задач. Сын лавочника Абрам Беренштейн за каждый дополнительный урок платит пятак — пусть небольшие, но своим умом заработанные деньги. Во время одного такого урока в класс незаметно вошел директор школы. Постоял, послушал, сказал улыбаясь:

— Вот замечательный учитель растет. Толковые, весьма толковые объяснения.

Володя вскочил, сказал виновато:

— Товарищи просили. Говорят, попалась непонятная задачка...

— Молодец, Володя! Как кончишь школу, поступай в Обольскую семинарию. Я верю, что ты успешно сдашь экзамены. Примут.

Директор ошибся. Владимир Азин отлично сдал вступительные экзамены, но в семинарию его не приняли, как сына иноверца — латыша. Узнав об этом, Володя заплакал. Горе казалось непоправимым. Что же делать? Возвращаться в Ольховку и стать батраком? Для этого не нужно было учиться шесть лет. И после долгого, тяжелого раздумья юноша принимает решение: «Надо поехать в Ригу, к дядюшке Роберту Ивановичу Индену, он на ткацкой фабрике бухгалтером работает,— пристроит к делу».

Когда сказал об этом родителям, мать всплакнула:

— Куда ты поедешь, совсем еще мальчишка. На прошлой неделе четырнадцать лет исполнилось.

Отец подумал, подумал и сказал, как по голове погладил:

— Ничего! По годам мальчик, по уму — мужик. К своим едет, наставят на путь истинный.

И поехал Владимир Азин в большой незнакомый город — Ригу. У дяди Роберта большая семья — сам

шестой, однако племянника принял весьма радушно, но предупредил:

— Будешь слушаться и стараться — человеком сделаю, сорвешься, нашкодишь — отправлю в Ольховку. Выбирай сам.

— Я уже выбрал, — тихо сказал Владимир. — Буду слушаться... как отца.

Через неделю дядя пошел на работу вместе с племянником.

По договоренности с администрацией фабрики ученик Владимир Азин должен был, помогая дяде, постепенно освоить бухгалтерское дело. Никакой платы новичку не полагалось. Первое время Володя только присматривался к разным бумагам, проходившим через руки дядюшки Роберта, подшивал их в указанном порядке и пытливо наблюдал за проворными длинными пальцами, быстро и звонко передвигавшими костяшки на массивных счетах. Стараясь быть постоянно при деле, юноша складывал и вычитал пятизначные числа и так натренировался, что стал в уме подсчитывать быстрее и точнее, чем делал это бывалый бухгалтер на счетах. Как-то однажды, обнаружив ошибку, робко заметил:

— Промашка получилась. На рубль десять копеек.

— У кого промашка? — нахмурился бухгалтер.

— У вас, дядя Роберт. Третью цифру не так положили.

— Ты что учить меня вздумал? Рановато, рановато, — покачал головой дядя Роберт и не спеша заново подбил итог. Оказалось, что племянник прав. Еще раз пересчитал, сказал смущенно:

— А ведь ты правду сказал, Володька. Как это ты высмотрел?

— А я про себя цифры складывал. В уме...

— В уме быстрее, чем на счетах? А ведь итог-то на семнадцать с лишним тысяч. Это здорово. Из тебя получится толк, парень. Года не пройдет — будешь бухгалтером.

Но племянник внес поправку в расчеты дядюшки, освоив бухгалтерские премудрости за полгода. Однако самостоятельную работу Владимиру Азину администрация фабрики предоставила только в 1911 году, когда ему исполнилось 16 лет.

Установили приличный оклад счетовода. Наступило бурное время роста, возмужания, становления характера. Молодой, жаждущий приключений и подвигов счетовод не мог усидеть за письменным столом в памятную годовщину расстрела царскими войсками рабочих у Зимнего дворца. В понедельник, 9 января 1912 года, с обеда фабричные вышли на улицы. И Владимир Азин старался быть в гуще событий, хотелось все увидеть и услышать самому в этот необычный день. Со злорадством и глубокой ненавистью Азин смотрел на усталых, злых полицейских, рыскавших по городу на взмыленных холеных лошадях: только успели разогнать демонстрацию у Русско-Балтийского вагоностроительного завода, как возник митинг у завода «Проводник». Широкоплечий, мускулистый оратор в замасленной синей блузе поднял над головой скомканную фуражку и горячо, взволнованно бросил в толпу бесстрашные, мужественные слова:

— Долой самодержавие!

— Да здравствует демократическая республика!

Полицейские сбили оратора с ног, но он вскочил, вырвался из цепких рук и выкрикнул еще громче:

— Долой царя-кровопийцу!

Толпа сдвинулась, закрыла оратора, отстояла от полицейских. Это была победа, пока маленькая, но весьма важная победа братства и солидарности сознающих свои задачи и чувствующих свою силу рабочих.

На следующий день управляющий как бы невзначай спросил Азина:

•— Вы вчера ушли с работы и никого не предупредили. Где вы были? Как это позволите понимать, господин Азин?

У Азина не хватило смелости признаться, что он вчера был у завода «Проводник» и слушал «крамольные» речи. Не глядя на управляющего, сказал:

— В воскресенье гулял на свадьбе. Голова болела... Решил опохмелиться...

— Надеюсь, что это было в первый и последний раз. Мы ценим вашу аккуратность и исполнительность, но не потерпим самовольных отлучек в такие дни, как девятое января... Запомните это.

И Азин запомнил. Работать стал усерднее, старательнее. Потерять работу легко, найти — очень трудно. Через

три месяца до Риги докатилась весть о расстреле рабочих на Лене, и большевики призвали к забастовке протеста. Первыми оставили станки и верстаки пролетарии рижской проволоочной фабрики. За ними ушли по домам рабочие вагоностроительного завода «Феникс». Заглох трудовой шум на судостроительном заводе «Ланге и сын», на машиностроительном «Рихард Поле», на ленточной фабрике «Электра». Остановилась и текстильная фабрика, на которой работал Владимир Азин. В конторке наступила недобрая тишина. Владимир собрал деловые бумаги, спрятал их в стол, сказал дяде Роберту:

— Все подсчитано. Пойду посмотрю, что народ делает...

Роберт Инден сказал раздраженно:

— Допрыгаешься, Володька. Выставят за ворота. Народ не видал... Эх ты, фокусник...

— Все ушли. Куда народ, туда и я. На улице весна, праздник, а я тут должен барыши подбивать. К черту!

Надел пальто, шляпу и выбежал на улицу.

...На работу вышел после Первого мая. Дядюшка спас племянника от расчета — выполнил за него всю работу, а начальство заверил, что молодой счетовод загулял, простудился и провалялся в постели полторы недели.

Через полгода снова вспыхнула забастовка протеста: рабочие Риги, как и многих других городов России, требовали отмены смертного приговора над матросами Черноморского флота. Общество фабрикантов Московского промышленного района разослало письмо своим коллегам, в котором предлагало штрафовать рабочих за участие в политических забастовках. Эту возмутительную меру Союз рижских фабрикантов решил ввести с 1 января 1913 года. В традиционной массовой забастовке и демонстрации 9 января участвовали многие текстильщики Риги. На следующий день счетовод Владимир Азин получил срочное задание подготовить «штрафной лист» — удержать с каждого «смутьяна» один рубль. Это означало — лишить бастовавших трехдневной зарплаты. Азин побагровел, встал со стула и, не скрывая презрения и ненависти, заявил:

— К черту! На такую подлость я не способен. Считайте сами...

— Можете уходить. Вы совершенно свободны.

И Азина уволили с фабрики. Долгое время бродил

он в поисках работы. Быть нахлебником у дядюшек Владимир не мог: семьи большие, живут впроголодь. Словив свою гордость, пошел на явно унижительный и далеко не постоянный заработок: стал предлагать свои услуги грамотного делового человека на почте и в банке. Быстро и толково составлял различные заявления, писал жалобы, письма, оформлял денежные документы. От людей состоятельных брал от рубля до пятерки, «у среднего сословия» — от четвертака до полтинника. Умение Азина быстро и точно считать понравилось купцу-лееосплавщику, и тот предложил должность агента. Проработал Азин сезон — сам ушел. Не мог быть безмолвным свидетелем жульнических махинаций купца-хапуги. И снова началась безработица, снова тягостное и бесполезное дежурство на почте и в банке (и на этом поприще нашлись довольно ловкие и нахальные конкуренты), жестокая нужда...

В пору утомительных блужданий по городу в январе 1914 года Азин надолго запомнил день похорон революционера-большевика Индрика Асара. Любопытство втянуло Азина в огромную толпу, идущую за гробом к Зиепникалнскому кладбищу. Судя по одежде, умершего провожали простые люди — рабочие, ремесленники, безработные. Их ряды пополнялись на каждой улице, и Азин не заметил, как очутился в центре похоронной процессии. Неожиданно на перекрестке дорог на идущих за гробом напали полицейские. Словно по команде, суровые печальные люди сомкнулись, взяли за руки. Не беспомощная толпа, а железная стена выросла перед изумленными усмирителями «уличных беспорядков». Полицейским не удалось разорвать твердые рабочие руки, рассеять траурное шествие. И только на кладбище идущие рядом с Азиным рабочие разжали крепкие, сильные пальцы, выпустили его оцепеневшие от напряжения ладони. У могилы стояла жидкая цепочка полицейских. Толпа оттеснила непрошенных свидетелей прощания с командиром боевой дружины Торнякална¹, замученного царскими палачами в центральной тюрьме. Над холмиком из венков и искусственных цветов неизвестный оратор в одежде простолюдина произнес короткую, полную гнева и ненависти речь, потребовал беспощадного суда

¹ Торнякалн — рабочий район на окраине Риги.

над царем и его приспешниками, убивающими лучших людей рабочего класса. Полицейские кинулись к оратору, но он уже исчез в толпе. На его место встал худощавый, седой, сутулый человек и, помянув добрым словом усопшего, призвал товарищей, стоявших у свежей могилы, честно и самоотверженно продолжать бессмертное дело, за которое отдал свою светлую жизнь Индрик Асар. На кладбище ворвалась новая свора полицейских и солдат, они дубинками и прикладами проложили дорогу к могиле. Азин видел, как два полицейских завернули за спину руки оратора и потащили его с кладбища. Человек шел спокойно. Ветер шевелил его седые длинные волосы. Его били, толкали, ему грозили расправой, а он не обращал внимания на своих мучителей и только у самых ворот повернулся, с улыбкой кивнул товарищам головой. Азин видел, как полицейские арестовали еще пять человек, слышал, как под тяжелыми сапогами хрустели венки на свежей могиле, как плакали женщины и глухо роптали мужчины...

Возвращаясь с кладбища, Азин с глубоким восхищением думал о мертвом Индрике Асаре и о его живых товарищах. Какие это бесстрашные, беспредельно преданные своему делу люди! Их вешают и расстреливают, морят на каторге и в тюрьмах, ссылают в края вечной мерзлоты, а ряды их не редуют, вместо одного погибшего в партию вступают десятки новых бойцов. И впервые Владимир Азин подумал о том, мог ли он быть в партии, к которой принадлежал Индрик Асар, хватило бы у него мужества и силы воли, чтобы перенести все невзгоды, все тяжкие испытания и встретить смерть спокойно и мужественно, как это делают большевики. На этот сложный и трудный вопрос Азин не мог ответить в тот холодный, длинный, суровый вечер. Он чаще всего являлся свидетелем, а не участником революционных событий и еще очень смутно представлял программные установки партии большевиков.

В июне 1915 года в связи с наступлением немцев многие предприятия Риги были эвакуированы. Братья Инден вместе с племянником Владимиром Азиным возвратились в родной город Полоцк. Долгое время не могли найти работы. Наконец Азину удалось устроиться бухгалтером в местное отделение Всероссийского земского союза Красного Креста. Отплатив добром за доб-

ро, Азин помог поступить на службу и своим дядюшкам...

Работа оказалась неслыханно выгодной и удобной: высокое жалованье, бесплатное питание, «надежная бронь» от мобилизации, превосходное офицерское обмундирование. Азин приоделся, купил костюм брату, новую швейную машину «Зингер» отцу. В воскресные дни надевал цилиндр и фрак и не спеша прогуливался по главным улицам города.

Как-то однажды у лавочки «пиво-воды» к нему подковылял инвалид и, запрокинув голову, прохрипел:

— Подай, барин, Христа ради увечному воину.

Азин бросил на доньшко заскорузлой фуражки рубль, взглянул на морщинистое, бородатое лицо и, узнав школьного товарища, не владея собой, крикнул:

— Васька, ты ли это?

— Был Васька, да весь вышел. Укоротили напополам. Вырядился, Володька, не узнать. Говорят, ты земгусарам барыши подсчитываешь. Наживают капитал на нашем горе сволочи...

Азин почувствовал, как наливаются кровью щеки. Ничего не сказав, круто повернулся и торопливо пошел домой. Из головы не выходили слова: «барин... барыши подсчитываешь». Тяжело признать, но ведь он прав, укороченный войной человек. Одни умирают в окопах, другие подсчитывают барыши, нажитые на поставках фронту. На всех рублях, которые он, Азин, привычно сводит в кредит и дебет,—сгустки крови таких вот, как Васька Иванов.

К этой будоражащей, тягостной мысли Азин возвращался все чаще и чаще. Да и куда от нее спрячешься! Рядом со счетной конторой широко раскинулся военный госпиталь, и Азин ежедневно видел, как вно-

В. М. Азин. Полоцк, 1916 год

сили в это белое огромное здание стонущих раненых и как выносили в погреб «отошедших в мир иной». Недовольство самим собой и неприязнь к сытым, довольным своей судьбой земгорским чиновникам вылились в резкую, непримиримую ссору с начальством. На следующий день Азина уволили. Через неделю мобилизовали в армию. Новый, 1917 год Владимир Азин встретил в инженерно-строительном батальоне, расквартированном в городе Сычевке.

Началась новая жизнь. В строю Азин был недолго. Командиру понравился уверенно и точно выполняющий все команды, молодцеватый, грамотный солдат, и он забрал его к себе в штаб.

— Будете моим нештатным заместителем по строевой части,— сказал комбат улыбаясь.— Присматривайтесь к штабному хозяйству, почаще заглядывайте в уставы и наставления, поверьте — пригодится. Проявите должную добросовестность и усердие — направлю в училище. Человек вы бывалый, способный — через полгода офицером станете. Сейчас прапорщиков пекут как блины.

Азин довольно быстро освоил суть несложной документации, проходившей через его руки, научился самостоятельно составлять различные сводки и донесения. Свободного времени было много, и Азин жадно набросился на книги, в беспорядке сваленные в огромный деревянный сундук. Здесь были наставления и уставы, военные журналы, мемуары великих полководцев и флотоводцев. Схемы боевых операций Азин старательно переносил на бумагу, обдумывал соотношение сил, пытался найти свое, более совершенное решение тактической задачи. Эти самостоятельные занятия были прерваны переходом батальона в Витебск, а затем на боевые позиции под Двинск.

Солдаты волновались: ходили тревожные слухи о предстоящем кровопролитном наступлении. Февральская революция сорвала планы царской ставки. Началась бурная пора митингов и резолюций. Партия большевиков вышла из подполья. Ее агитаторы, листовки, газеты, книги раскрывали народу пути завоевания долгожданного мира, земли, хлеба, свободы.

Ознакомившись с программными платформами различных партий, солдат Владимир Азин пришел к твер-

дому убеждению — он должен быть в рядах тех, кого простой народ с надеждой и любовью называет ленинцами...

3

...Азин ушел из больницы, как только затянулись раны. Из газет и сообщений товарищей он знал, какое тревожное время переживала молодая Советская республика. На хлебородные районы Поволжья стремительно двигались полки мятежников чехословацкого корпуса и белогвардейские банды. Центральный Комитет партии проводил массовые мобилизации коммунистов на фронт. И Азин еще на больничной койке решил пополнить отряд и незамедлительно выехать на Восточный фронт.

12. июня 1918 года Владимир Азин передал в исполком Вятского горсовета специальный рапорт:

«Просьба выдать два пулемета, а также выдать мандат на право реквизиции у состоятельных обывателей лошадей для приведения в боевую готовность Коммунистического отряда. При сем присовокупляю, что в означенном отряде предполагается организация артиллерийских, кавалерийских и пулеметных частей.

Напоминаю, товарищи, что создание такого отряда есть залог и гарантия процветания социалистического порядка и Советской власти.

Вербовка бойцов производится среди лиц, заслуживающих доверия и имеющих достаточный боевой опыт»¹.

Этот рапорт был передан в губернский чрезвычайный штаб.

27 июня вопрос об организации Вятского батальона разбирался на специальном заседании чрезвычайного штаба. Осудив медлительность в проведении мобилизации в подразделения батальона, Азин заявил:

— Необходимо взять Уфу. Это можно сделать. В Вятке сто пятьдесят латышей-коммунистов и другие части. Из Вятки взять две роты, из Глазова — одну, будет батальон при двух орудиях. Всего будет в Вятке 530 человек. Батальон может быть готов в семь дней. Дней через двенадцать вступит в бой².

¹ Газета «Кировская правда» от 2 ноября 1957 года, № 219 (11247).

² Октябрь и гражданская война в Вятской губернии, изд. Истпарта Вятского губкома ВКП(б). Вятка, 1927, стр. 129.

Чрезвычайный штаб принял решение ускорить формирование Вятского батальона. Проведение мобилизации и оснащение подразделений оружием было поручено В. М. Азину.

Боевым ядром батальона стали боевые товарищи Азина — латыши-коммунисты. С ними Азин выехал после падения Пскова и заключения Брестского мира в город Вятку. Он был организатором и председателем латышской секции. Почти в полном составе в батальон вошли также эстонская коммунистическая секция и интернациональная, в которую входили главным образом мадьяры и чехи. Азин принял в батальон несколько добровольцев из бывшего 106-го запасного полка, а также красногвардейцев Вахрушевских и Долгушинских заводов.

Формируя батальон, Владимир Азин одновременно решал боевые задачи. Поздно вечером 3 июля Азина вызвал к себе губернский военком Малыгин. В его кабинете сидели руководящие работники губкома партии и исполкома Симанов, Капустин, Урановский, Шевняков. По их сосредоточенным лицам Азин понял: случилось что-то непредвиденное и весьма неприятное.

Малыгин протянул Азину измятый печатный листок, сказал хмуро:

— Прочитай, что про нас эсеры пишут...

Листовка была явно контрреволюционного содержания. Используя факт расстрела по приговору суда нескольких мародеров и спекулянтов, левоэсеровский комитет Вятки клеветнически обвинял большевиков в диктаторстве, терроре и т. д.

— Какое же вы приняли решение? — обращаясь к товарищам, спросил Азин.

— Необходимо предотвратить выступление этих истеричных, — выражая общее мнение, сказал Симанов. — Эта задача возлагается на вас, товарищ Азин. Возьмите небольшой отряд латышей и завтра утром обезоружьте эсеров. Только без шума, понятно?

— Слушаюсь, — по-военному четко произнес Азин. — Приказание будет выполнено.

Рано утром 4 июля отряд Азина окружил дом, в котором размещался левоэсеровский комитет, произвел обыск и, отобрав оружие у так называемой боевой дружины, пресек готовящийся контрреволюционный мятеж в Вятке.

В первых числах августа Вятский батальон был сформирован в составе 400 штыков пехоты, конной разведки из 23 сабель и двухорудийной батареи. 8 августа приказом губвоенкома Малыгина Азин был назначен командиром 1-го батальона Уральского полка. Его помощником стал коммунист Алексей Иванович Северин, бывший штабс-капитан царской армии. В тот же день батальон погрузился на два баркаса и пароход «Небогатой» и отправился по реке Вятке в Вятские Поляны в распоряжение полевого штаба 2-й армии Восточного фронта.

В Вятских Полянах Азин узнал, что, воспользовавшись успешным наступлением белочехов и отсутствием красноармейских частей, враги Советской власти подняли восстание в Ижевске и Воткинске и захватили знаменитые оружейные заводы. Разрозненные, разбитые под Бугульмой отряды 2-й армии отходили по реке Каме в Николо-Березовку. Связь с полевым штабом отсутствовала. Вокруг Вятских Полян рыскали белые банды Степанова.

И в этой сложной и трудной обстановке командир Вятского батальона Владимир Азин принял единственно правильное решение — объединить отходящие, деморализованные поражением отряды в одну боевую группу и пробиться к Казани.

В это время казанское направление было главным. 1 августа 1918 года В. И. Ленин в письме к руководящим военным работникам Восточного фронта тт. Кобозеву, Данишевскому, Механошину и Раскольникову указывал:

«...Сейчас *вся* судьба революции стоит на *одной* карте: быстрая победа над чехо-словаками на фронте Казань — Урал — Самара.

Все зависит от этого»¹.

По призыву ЦК Коммунистической партии на Восточный фронт выехали тысячи коммунистов. Москва, Петроград и многие другие города послали под Казань сводные рабочие отряды.

Объединившись с полтавским отрядом и батальоном Володарского, Азин разбил эсерово-кулацкую банду Степанова и очистил железнодорожное полотно на город

¹ В. И. Ленин. Военная переписка. Воениздат, 1957, стр. 57.

Арск. Это была первая победа группы Азина на казанском направлении.

15 августа части группы Азина погрузились в товарные вагоны и двинулись на Арск. В двух верстах от города по приказу Азина эшелоны остановились. Бойцы вылезли из вагонов. Азин вышел на середину строя, сказал:

— Устали. Проголодались. Понимаю, но ничего поделать не могу. Хлеба нет. Ужинать и ночевать будем в Арске. Именем Революции приказываю — взять Арск.

— Возьмем, товарищ командир, — раздались голоса. — Веди на Арск!

Азин повеселел. Подозвал командиров отрядов и вместе с ними наметил план боя.

...Белогвардейцы не ожидали столь внезапного и стремительного появления красных частей в своем тылу и после короткой перестрелки оставили Арск...

II. НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

1

...Днем 16 августа Азин получил приказ № 23 от командующего правой группой 2-й армии Головки. В приказе говорилось:

«...Отправившийся на фронт батальон имени Володарского, отряд Беляева и отряд максималистов тов. Алексева, соединившись с железным батальоном, составят одну группу под общим командованием Азина; не отправившимся отрядам из Вятских Полян на фронт тов. Беляева и тов. Алексева предписываю немедленно отправиться по назначению.

Командиру революционного латышского полка тов. Мильке и особому батальону предписываю слиться в одну группу под общим командованием т. Мильке и отправиться на фронт для совместного общего действия с тов. Азиным...»¹

Азин дважды прочел приказ и, не скрывая раздражения, сказал Северихину:

— В приказе, к сожалению, нет оперативной ясности и точности. В первых строчках говорится, что отряды Беляева и Алексева отправились на фронт, а в последующих им предписывается немедленно отправиться по назначению. О полтавцах — ни слова. А ведь это наша

¹ Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА), ф. 299, д. 1, л. 31.

главная сила — 550 бойцов. Боевые задачи нашей группы не определены. Будем действовать, применяясь к обстановке.

Северихин хитро заметил:

— По-видимому, в следующем приказе будут даны боевая обстановка и оперативные задачи.

В комнату торопливо вошел Стек, вытер ладонью мокрый лоб, доложил:

— Товарищ Азин, на станцию прибывает какой-то отряд.

— Пошли, встретим! — сказал Азин.

Успели к прибытию поезда. Одним из первых на разгрузочную платформу вышел командир отряда Беляев и строевым шагом направился к Азину.

«По походе, выправке, обмундированию — офицер, — определил Азин, наблюдая за приближающимся командиром отряда. — Службист. Даже каблучками постукивает...»

— Бирокий отряд в полном составе прибыл в ваше распоряжение, — хорошо поставленным строевым голосом произнес Беляев.

— Следует добавить: с опозданием на двадцать восемь часов, — укоризненно сказал Азин. — Постройте на платформе отряд.

Посмотрел на часы, засек время. Сразу же заметил: красноармейцы не знают своего места в строю, не спешат, толкаются, спорят, смеются. На построение ушло одиннадцать минут пятнадцать секунд... Непозволительно много!

Азин вышел на середину строя, поздоровался с бойцами. Ответили вразнобой. Осматривая шеренги, Азин с горечью отметил: «После команды «смирно» почему-то переминаются с ноги на ногу, шепчутся, хихикают. Одежды удивительно пестро. У большинства нет ремней и подсумков. Хорошо, что хоть винтовки есть».

Обойдя строй, Азин вернулся на середину и отрекомендовался:

— Фамилия моя — Азин. Приказом командующего правой группой второй армии я назначен командиром частей арского направления.

И, неожиданно повысив голос, командовал:

— Кто желает до полной победы воевать за Советскую власть — десять шагов вперед — шагом марш!

Шеренги качнулись. Большинство бойцов сразу же вышли вперед, к Азину. Оставшиеся переглянулись, и несколько человек не спеша сделали десять шагов. На месте осталось шестнадцать человек.

Азин подошел к ним, резко, гневно приказал:

— Сдать оружие!

Бойцы вздрогнули и, обгоняя друг друга, бросились к отряду, втиснулись в строй. Шеренги подравнялись. Азин снова обошел шеренги, вышел на середину и кратко, но довольно четко и ясно рассказал о положении в стране, на фронтах и на главном, казанском, направлении.

Речь закончил словами:

— Вы только что изъявили желание защищать родную Советскую власть до полной победы над врагами. Так поклянемся, товарищи, что будем сражаться стойко, мужественно, храбро. Поклянемся, что не отступим ни на шаг без приказа командира. Кто дрогнет в бою, побежит, опозорит наше красное знамя, тому не будет пощады. Запомните все этот железный закон. Если есть среди вас трусы, пусть они сейчас же оставят строй. Завтра будет поздно.

Азин внимательно осмотрел суровые, темные от пыли лица, словно выискивая слабовольных, случайно попавших в отряд людей.

Бойцы молчали.

Азин улыбнулся, сказал:

— Сегодня воевать не будем. Умойтесь, постирайте обмундирование, приведите себя в порядок. Помните — вы бойцы самой передовой, самой дисциплинированной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Будьте достойны чести служить советской Родине, своему трудолюбивому, свободному народу. Желаю вам доброй ратной славы, боевые орлы!

Круто повернувшись, Азин подошел к Беляеву, распорядился:

— Прикажите своему заместителю проследить за чисткой оружия и приведением отряда в надлежащий вид. Сами явитесь в штаб.

Обогнув безмолвный, с любопытством наблюдавший за ним отряд, Азин вскочил в седло, сказал Северихину:

— Поехали на совещание.

В штабе командир взвода связи Земский передал

Азину только что поступившее «приложение к приказу № 23». В нем говорилось:

«Командующему 1-й группы тов. Азину.

С получением приказа и всего указанного в нем в совместном действии со 2-й группой тов. Мильке конными и пешими силами развивать наступление к Казани. Быстрым натиском под прикрытием тяжелой и легкой артиллерии необходимо занять Высокую гору и, укрепив за собой позиции, дать передохнуть войскам. Причем 2-я группа должна держать левый фланг приблизительно у деревни Пановка-Никольское. Силами вашей первой группы держать центр фронта и, выделив сильную разведку при пулемете, направить в дер. Большая Дербышка, откуда последняя проникает к деревне Сухая Река. Действуйте энергично, молниеносно, наступайте, не дав опомниться врагу» \

Азин молча передал «приложение к приказу» Северихину и на листке бумаги набросал численный состав своей группы:

«Вятский железный батальон — 350 штыков, 120 сабель, 2 легких орудия.

Батальон Володарского — 500 штыков,

Полтавский полк — 350 штыков».

Посмотрел на Стека, неожиданно спросил:

— Сколько в отряде Беляева бойцов?

Стек смутился, не глядя на командира, сказал:

— Примерно человек четыреста плюс две гаубицы.

— А чем ты занимался, пока я речь держал? Ворон считал? — рассердился Азин. — «Примерно» я сам знаю. Запомни: ты — ординарец и разведчик в одном лице, дополнительная пара моих глаз и ушей.

— Могу слетать, узнать.

— Сам идет.

Вошел Беляев и остановился у порога.

— Проходите, докладывайте, сколько людей привели, — сказал Азин.

— Четыреста два штыка и гаубичная батарея полного состава, — сообщил Беляев. — Под Бугульмой много потеряли.

— Потерять — дело несложное. Мы с вами за жизнь каждого бойца отвечаем, — сурово сказал Азин. — Слу-

¹ ЦГАКА, ф. 299, д. 1, л. 33.

шайте приказ: завтра в девять пасов походным порядком идем на станцию и деревню Высокая гора. Ваш отряд движется в авангарде. Обеспечьте разведку и охранение. Вопросы есть?

— Все ясно. Вот только...: вот только на завтрак хлеба нет.

— Вы что, на прогулку выехали? — сдвинув тонкие брови, спросил Азин. — Я посылал телеграмму Головки — просил без хлеба отряды не направлять. Командующему трудно за всем проследить. Вы сами должны о бойцах заботиться, отвечать за обеспечение продовольствием и боеприпасами. Запомните раз и навсегда. Это на будущее, а завтра людей покормите на кухне Вятского железного батальона.

Беляев облегченно вздохнул:

■ — Разрешите идти?

— Идите! Готовьте отряд к походу.

Северихин положил на стол перед Азиным «приложение к приказу», иронически улыбаясь, сказал:

— Цель ясна: «быстрым натиском под прикрытием тяжелой и легкой артиллерии необходимо занять Высокую гору... Действуйте энергично и молниеносно». Но, к сожалению, нет вдумчивого анализа обстановки. Разграничительные линии указываются приблизительно. Повидимому, в штабе нет разведывательных данных.

— Мы должны добывать необходимые данные для себя и для штаба Головки, — строго перебил Северихина Азин. — Милые опаздывает, не желает с нами держать связи. Вопиющее игнорирование приказа. Высокую гору возьмем и без него. Наши активные боевые действия заставят белочехов оттянуть часть своих сил из-под Свияжска на наш участок фронта. Вот почему я решил выступить завтра.

— Вы собирались провести какое-то совещание, — напомнил Северихин.

— Придется отставить. Надо проверить, накормлены ли бойцы, все ли обеспечены оружием, нет ли больных... Одним словом, убедиться в боевой готовности.

...Выступили с опозданием на два часа. Азин злился на Беляева: распустил отряд, у всех на уме разгром под Бугульмой, нет уверенности в главном — в победе. А кто может вернуть бойцам эту желанную уверенность?

Командиры и коммунисты, но первые — неопытные и нерешительные, а вторые — почти отсутствуют.

До станции Высокая гора оставалось около двух верст, когда по спокойно разговаривающим бойцам отряда Беляева хлестнул залповый огонь пехоты, ударили орудия и броневики. Упали впереди идущие, застонали, закричали раненые, и колонну охватила паника. Бросая винтовки, красноармейцы побежали к синей роще. Командир отряда Беляев растерялся и потерял управление отрядом."

Увидев бегущих, Азин крикнул командиру батареи Косолапову:

— Артиллерию на позицию! Уничтожайте броневики! Вести огонь по пехоте! — и, выхватив из кобуры кольт, поскакал наперерез отступающим красноармейцам. За ним помчались его верные друзья — Северихин и Стек.

Азин понимал, что бегущие с поля боя могут внести смятение и панику в другие отряды и тогда погибнет вся группа войск. Прерывающимся от ярости голосом крикнул:

— Стой!

Услышав эту повелительную, суровую команду, бойцы остановились, залегли, стали торопливо окапываться.

— Вперед! За мной! — воскликнул Азин и поскакал навстречу наступающей пехоте противника. За спиной услышал неуверенное, заглушаемое трескотней пулеметов «ура». Оглянулся: увидел неровную, изогнутую цепь стрелков с винтовками наперевес. Неожиданно лошадь споткнулась, повалилась на бок. Падение оглушило Азина. Услышал испуганные голоса:

— Командира убило... Наповал...

— Отчаянной храбрости человек...

Мелькнула мысль: «Опять повернут назад». С трудом вытащил из-под лошади ноющую ногу, вытер с лица кровь, бьющую струйками из крутой мускулистой шеи верного боевого друга. Выругался, и, кажется, стало легче. Прихрамывая побежал за своими бойцами. Почему молчат артиллеристы? Броневики разъезжают по поляне и поливают наступающих свинцом. По-видимому, и по Чернышу ударили из броневика.

Фугасный снаряд взметнул столб земли у самого броневика. «Молодцы артиллеристы! — обрадовался Азин, — Бронева машина удирает».

4

На правом фланге, прикрытые кустарником и густорастущими соснами, лихорадочно быстро строчили два пулемета противника, уверенно хлестали винтовочные залпы. Над головами наступающих рвалась шрапнель. Ряды быстро редели.

«Не дойти, всех перебьют», — с горечью подумал Азин и передал команду:

— Ложись! Огонь по пехоте на опушке леса.

Бойцы залегли. Поле было ровное, укрыться негде. И окопаться нельзя: на отделение одна лопата. Выручили артиллеристы: меткими выстрелами приглушили огонь пулеметов на опушке леса.

С наступлением темноты Азин приказал отвести отряды в деревню Собакино, занять круговую оборону, выставить усиленное охранение.

Поздно вечером на совещании командиров Азин обстоятельно разобрал причины поражения Бирского отряда и предупредил Беляева:

— Если завтра повторится подобная история, выгоню из отряда и предам суду трибунала. Запомните, товарищи командиры, прописную военную истину: побеждает тот, кто проявляет бдительность, постоянно ведет разведку. Завтра атакуем на рассвете. Приказания получите в шесть часов утра.

В штабе остались Северихин и Стек. Азин достал карту-десятиверстку, сказал:

— Давайте подумаем, как выбить белочехов из Высокой горы. Не спешите: до утра у нас много времени.

Подумать спокойно не удалось. Сотрудник военного контроля штаба Восточного фронта Нестор Назаров привел отряд добровольцев, своих земляков — уроженцев местных деревень. Вздвинуто пожав Назарову руку, Азин спросил:

— Сколько у тебя бойцов?

— В строю 450 человек. Из них с винтовками — 26, с револьверами — 20.

— Маловато, но ничего! Оружие возьмем у белочехов. Твой отряд будет в моем резерве. Стек, передай на кухню — немедленно покормить пополнение.

...На рассвете отряды Азина с трех сторон атаковали позиции противника у Высокой горы. Удар был стремительным, дружным. Белочехи отошли к деревне Киндеры. Поблагодарив пулеметчиков и артиллеристов,

умело поддержавших наступающих пехотинцев, Азин присел на плоский камень, вытащил полевую книжку, написал:

«Сарапул. Штаб. Блохину.

Вятские Поляны. Головки.

Из полевого штаба 1-й группы. 20.VIII.1918 г.

Доношу: Высокие горы, село и станция заняты нами сегодня ночью. Укрепляемся. Позиция довольно-таки выгодная. Мильке еще бездействует пока. Как только завяжем живую связь с Мильке, прикажем ему совместно с нами перейти к активным действиям на определенную точку. Надежды хорошие. Люди хорошо настроены, храбро дрались. Телеграфируйте в Арск — Азину»¹.

Через два дня отряды Азина выбили противника из деревень Киндеры и Кошаково. До Казани оставалось всего 12 верст.

Днем 22 августа на широкое ржаное поле у деревни Киндеры опустился самолет с крупными красными звездами на крыльях. Узнав об этом, Азин вскочил в седло, помчался к долгожданному гостю.

Летчика со всех сторон окружили красноармейцы: расспрашивали, откуда прилетел, наступает ли 5-я армия и далеко ли ее части от Казани.

Увидев Азина, бойцы торопливо расступились. Летчик догадался, что это, наверное, прибыл главный начальник, не спеша подошел к всаднику. В четырех шагах остановился, доложил:

— Летчик Павлов с приказанием от командарма пять.

Азин соскочил с лошади, обнял Павлова, поцеловал его небритую щеку, сказал, не скрывая радости:

— Наконец-то, наконец-то мы устанавливаем связь. Большое спасибо, товарищ Павлов, что добрались до нас. Пойдемте в штаб, расскажите, что делается на главном направлении.

В штабе Павлов передал Азину боевое распоряжение командарма 5 П. А. Славина. В нем предлагалось упорно держаться у селения Высокая гора, всячески содействуя частям, наступающим на Казань,

Азин улыбнулся, сказал Павлову:¹

¹ ЦГАКА, ф. 299, д. 4, л. 78.

Группа командиров Арской группы. Сидят (слева направо): командир кавалерийского полка Турчанинов, командир Полтавского стрелкового полка Головкин, начальник артиллерии дивизии Гундорин. Сарапул, октябрь 1918 года

— Передай командарму пять, что Высокую гору мы взяли еще 20 августа. Мы не только упорно держимся, но и наступаем: под Киндерами отняли у противника два броневика, у Кошакова подбили два орудия. Пока вы там раскачиваетесь, мы соберем силенки, да и возьмем Казань.

— Пора, пора брать Казань,— сказал Павлов.— Мы сильнее противника, но, к сожалению, еще не научились воевать. Топчемся на месте. Бьем растопыренными пальцами, а надо бить врага кулаком.

— Похвально, похвально,— воскликнул Азин и, немного погодя, добавил: — Проголодались, наверное. Сейчас я организую вам обед, а сам займусь донесением вашему начальству.

Пока летчик обедал, Азин написал обстоятельный доклад о боевых действиях и нуждах отряда. Передав документ Павлову, попросил:

— Не забывайте нас. Прилетайте почаще. Без связи как без рук.

— Прилечу! Очень хорошо принимаете,— сказал, улыбаясь, Павлов.— Желаю успехов, товарищ Азин.

...24 августа бойцам 5-й армии Восточного фронта был зачитан приказ:

«...Мы получили радостную весть. С северо-востока вплотную к Казани подошли солдаты 2-й Советской армии. Казанские чехо-белогвардейцы попытались дать им бой. Но советские войска отбили атаку, перешли в наступление, захватили 2 броневика и пулемет, подбили 2 орудия, обратили неприятеля в бегство и завладели деревнями Киндеры и Кошаково. Таким образом, героические войска 2-й армии находятся в 12 верстах от Казани.

Теперь дело за вами, солдаты 5-й армии. Вы должны двинуться навстречу 2-й армии и вместе с нею задушить казанскую контрреволюцию в стальных тисках...»¹

2

...На рассвете, положив голову на руки, Азин уснул, сидя за столом. Разбудил рев орудий. Протер слипающиеся глаза, спросил ординарца Стека:

— Что случилось?

— Похоже, что белые в наш правый фланг стучатся,— сказал Стек.— У наших пушек голосок слабый, четыре на том участке, а у противника две дюжины...

В штаб вбежал запыленный, мокрый от пота связной Егор Катков, торопливо положил перед Азиным клочок бумаги.

— Пакет от товарища Назарова.

В записке говорилось о том, что противник усиленным полком нанес удар по правому флангу. Отряд добровольцев несет большие потери. Срочно требуются подкрепления.

— Конный или пеший? — спросил Азин.

— Коня убили... Я бегом прибыл,— тяжело дыша, от-¹

¹ ЦГАКА, ф. 1324, д. 1, л. 1.

ветил Катков. — Бьют гады из пушек, аж земля трясется.

— Передай Назарову: надо продержаться полчаса. Садись на коня комиссара и лети пулей, — распорядился Азин и достал из сумки полевую книжку. От взрыва снарядов звенели стекла. «Что же делать? — с тревогой думал Азин. — В резерве рота латышей. Народ отборный, беспримерной храбрости, но и они не спасут положение. Слишком неравные силы. Что же делать?»

Достал карту, внимательно посмотрел на правый фланг. У белочехов позиции куда выгоднее, у них холмы, сухая земля. А добровольцы стоят у самого болота. А что если поменяться позициями, отойти на правом фланге, завлечь противника в болото и, сняв части с левого фланга, обойти по кустарнику прорвавшихся и ударить с тыла? А если белочехи разгадают это намерение и предпримут наступление на левом фланге? Возьмут в мешок, разгромят всю Арскую группу?

Азин прошелся по избе, протер запотевшее стекло, неожиданно воскликнул:

— Нет, они этого не сделают! Привыкли наносить чувствительные удары на узком уязвимом участке. Такова у них тактика. Стек, седлай коня!

По команде «В ружье» Азин поднял боевых друзей латышей. Связного мальчика Володю Алексева послал в конный отряд Турчанинова с приказанием немедленно сняться с позиций и выдвинуться к роще у деревни Дербышки. Второго связного Арвида Балода направил к Назарову с распоряжением: «Медленно, отстреливаясь, отводите отряд на Дербышки».

...План удался. Увлеченные преследованием отступавших добровольцев, белочехи вышли к роще у деревни Дербышки. Четыре пулемета кинжальным огнем срезали цепь ликующих победителей. Ошеломленные неожиданным ударом, белочехи остановились, повернули к берегу реки Казанки. Из рощи с двух сторон вырвались конники Турчанинова и бойцы отряда имени III Интернационала Битовта и понеслись за бегущими.

Азин видел, как стремительно поднимались и опускались белые клинки, падали на луг убитые, прикрывая руками голову, ползли к берегу реки раненые.

Казанка, вздувшаяся от прошедшего ночью дождя, оказалась непреодолимым препятствием для многих отступающих. Какой-то офицер, не потерявший самообла-

Дания, залег на берегу реки и открыл огонь по красноармейцам. Он расстрелял ленту, но вторую вставить не успел — пулеметная очередь Яна Гробляуса перерезала грудь.

Азин подскочил к убитому, соскочил с лошади и повернул пулемет в сторону реки Казанки. Неотступно следовавший за командиром Карл Стек привычно зарядил пулемет. Азин повел пулемет слева направо, расстреливая короткими очередями столпившихся у берега реки белогвардейцев. Не заметил, как кончилась лента. Крикнул Стеку:

— Давай новую!

— Уже не нужно, — сказал Стек. — Всех под корень порубали.

Азин подозвал Битовта, приказал:

— Возьмите винтовки и патроны у мертвых. И на берегу и в воде.

— Слушаюсь, товарищ Азин! — ответил Битовт. — Проучили гадов. На реке плотина из кадетов.

Неслышно подошел комиссар Хитриков, тихо сказал:

— Возвращайтесь в штаб, товарищ Азин. Там вас летчик Павлов ждет.

— Приятная новость, — улыбнулся Азин. — Поехали.

По дороге Хитриков, как бы невзначай, сказал Азину:

— Напрасно рискуете. Вы прежде всего командир отряда.

— Это мое дело! — вспыхнул Азин. — Своей головой рискую.

— А вы не горячитесь, — все так же спокойно остановил Азина комиссар. — Ваша жизнь принадлежит партии, народу, и об этом нельзя забывать. И все свои поступки проверяйте этой единственно правильной мерой — как оценит мой новый шаг партия, принесу ли я пользу народу. Я видел, как у Казанки солдаты поднимали руки, а их рубили беспощадно. Это излишняя жестокость...

— Это верно! Турчанинов и Битовт не могли удерживать ребят. В азарт вошли, — согласился Азин. — За солдат противника надо бороться. Дело тонкое. По твоей части, комиссар...

В штабе Азина с нетерпением ожидал летчик Иван Павлов. Увидев перепачканного в глине усталого Азина, сказал:

— Воюете... По-пластунски ползаете, а я сижу, как на иголках. Два боевых вылета потерял...

— Я вас долго не задержу,— нахмурился Азин.— Напишу о своем плане командарму, и можете лететь.

Достал полевую книжку. Долго вертел в руках карандаш, не мог подобрать подходящие слова, злился на самого себя. Наконец решился: посоветовал командарму 5 начать совместное наступление на Казань 28 августа.

Положил листок в конверт, передал Павлову, попросил:

— Не задержите ответ, голубчик. Очень важное дело.

— Не пройдет и получаса, как я буду в штабе пятой,— сказал Павлов.— Желаю боевых успехов.

Когда летчик ушел, Хитриков подошел к столу Азина, сказал:

— Секретничаете, товарищ Азин? Нехорошо. Я несу ответственность за боевое состояние группы наравне с вами. Все свои планы раскрываю прямо и честно. Ничего не скрываю. Вот написал доклад командарму Максиму.

— Жалуетесь... Ругаете...

— Наоборот, хвалю! Ходатайствую о подчинении вам всех отрядов арского направления. Это поможет нам ликвидировать партизанщину в отрядах Мильке, даст возможность укрепить дисциплину, создать боеспособные полки, батареи и эскадроны. Не верите, почитайте...

Азин прочел доклад, покраснел, сказал чуть слышно:

— Виноват перед вами, товарищ Хитриков. Человек вы новый, во многом неизвестный. Я сегодня поспешил, вашу лошадь связному Каткову отдал, надо было срочно приказание доставить...

— Правильно поступили. Я не обижаюсь. Связной — человек дисциплинированный, приказ выполнил и сразу же вернул лошадь... Повоюем, привыкнем друг к другу...

Летчик 27 августа не прилетел. Азин обиделся, сказал Хитрикову:

— Ни ответа, ни привета. Не понимаю, чего они боятся? Почему откладывают наступление? У командарма под рукой пятьдесят воинских частей, волжская флотилия, авиаотряд. А главное — беспредельная преданность красноармейцев Советской власти. Против такой силы ничто не устоит,

В дверь робко постучали.

— Войдите! — сказал Хитриков.

Вытянув вперед дрожащую руку, через порог с трудом перебрался сутулый худощавый старик, спросил дрожащим голосом:

— Разрешите до вас обратиться. Не знаю, как величать...

— Обращайтесь без величания. Я — Азин, а это комиссар товарищ Хитриков.

— Я до Азина пришел. Развалили, окаянные, у меня дом. Бахнули в самую середку. Осень наваливается, жить негде.

Старик заплакал, неловко сунулся на колени.

— Встань, папаша, встань, — обиделся Азин. — Не к помещику пришел. В свой штаб — рабоче-крестьянский.

Достал из ящика пачку денег, сказал старшему писарю Петру Ладонину:

— Оформи под расписку.

— Кому это вы, товарищ Азин? — спросил старик.

— Вам. Постройте новый дом. А пока переселитесь к соседу. Потеснятся. Время военное.

— Дай бог вам здоровья, мил человек, — поклонился старик. — Бейте вы их, окаянных. Вон на Арском поле стоит каменная водокачка. Стукните по ней покрепче, оставьте без воды паразитов.

— Стукнем, папаша! Не сомневайтесь, — сказал Азин. — Вот, получите деньги, стройте дом, живите еще сто лет.

— Спасибо. Премного благодарен, добрые люди, — кивая головой, произнес старик и вышел из штаба.

Зазвонил телефон. Азин снял трубку. Командир гаубичной батареи Косолапов сообщил о внезапной атаке вражеской кавалерии. Азин положил трубку, сказал Стеку:

— Поехали на батарею.

Когда садились на лошадей, услышали два гулких выстрела. Прискакав на артиллерийский наблюдательный пункт, Азин спросил Косолапова:

■— Где противник?

— Смотрите — скопление у лесной опушки... Близ деревни Киндеры.

Азин поднял бинокль. Увидел лениво пощипывающих траву коров. Багровея от ярости, спросил:

— Сколько снарядов выпустили?

— Два... И представьте себе — не рассеяли...

— Рассеяли! Так это же коровы, — с трудом владея собой, крикнул Азин. — Хватит фокусов, болван! Командовать батареей будет ваш заместитель Гундорин. Вызовите его сюда.

Дрожащий от страха Косолапов вскочил на коня, помчался на огневую позицию.

Азин рассматривал в бинокль водокачку, когда за его спиной прозвучал спокойный, твердый голос:

— По вашему вызову помощник командира гаубичной батареи Гундорин явился.

— Не помощник, а командир батареи, — внес поправку Азин. — Судя по тому, как вы били по броневикам под Киндерами и Кошаково, у вас есть необходимый опыт и сила воли. Паникеров ненавижу. Подумать только — открыли пальбу по коровам! Узнают — засмеют.

■ — Я возражал... Косолапов не послушал меня...

— Принимайте батарею. Да, чуть не забыл. На Арском поле стоит отдельное каменное здание. Что это за объект?

— Местные жители говорят, что это водокачка. Красноармейцы утверждают, что белые поставили там пулемет и ведут обстрел наших позиций.

— Почему не подавили?

— Снарядов маловато, товарищ Азин. Бережем на трудный час.

— Правильно делаете. Однако пулемет надо разбить. Сумеете?

■ — Постараемся, товарищ Азин.

■ — Действуйте!

Гундорин внимательно осмотрел цель, снял телефонную трубку.

Азин видел, как первый снаряд поднял столб пыли за водокачкой. Второй — не долетел до цели. Третий — врезался в угол здания. Когда осело облако дыма, Азин увидел: правый угол отвалился.

— Молодцы! — воскликнул Азин и порывисто, крепко пожал руку Гундорина. — Как бритвой срезали. Вот так всегда стреляйте. Вечером, к 20 часам, приезжайте в штаб на совещание.

От Гундорина Азин проехал к Назарову. Поговорив о настроении бойцов и укреплении боевых позиций, Азин спросил:

— Все добровольцы получили оружие?

— Сегодня всех вооружили. Спрашивают, когда на Казань пойдем.

— Маловато у нас войско. Надо срочно проводить мобилизацию, товарищ Назаров. Вы здешний, все деревни знаете, возьмите коммунистов-добровольцев и поднимайте шесть призывных возрастов.

■ — Когда можно выехать?

— Завтра утром. Как только соберете взвод, посылайте ко мне в штаб. Люди очень нужны, Нестор Сергеевич. Желаю вам успеха.

По пути Азин заехал к Турчанинову. Выслушав рапорт командира конного отряда, сказал:

• — Хорошо сегодня действовали, только вот тех, что руки подняли, посекали напрасно. Мы пленных будем обрабатывать в свою веру. На это дело у нас есть комиссары, коммунисты. Они к любому сердцу ключ подберут. Не повторяйте этой ошибки в будущем, товарищ Турчанинов. Отряд Благина передаю вам. Надо укрупнять и укреплять наши части.

— Спасибо за доверие, товарищ Азин. А в плен не успели взять... В такие минуты руку трудно удержать...

— Руки должны подчиняться голове. А голова у вас разумная, светлая, опытная. Я на вас надеюсь, товарищ Турчанинов.

На совещании в штабе Азин подвел итоги боевого дня, похвалил Турчанинова, Битовта и Гундорина, приказал готовиться к решительной атаке укрепленных позиций противника утром 28 августа.

Азин надеялся, что командарм 5 примет его предложение о совместном наступлении 28 августа на Казань. Азин не знал, что в это время под Свияжском завязались ожесточенные бои с перешедшей в контрнаступление группой генерала Пепеляева. В упорном, кровопролитном сражении части 5-й армии разбили лучшую бригаду белочехов.

Три дня Азин ждал ответа. Только 30 августа прилетел самолет и летчик передал Азину директиву о том, что наступление на Казань откладывается на пять дней.

На следующий день офицерские батальоны нанесли неожиданный сильный удар по левому флангу Арской группы. Отряды Мильке оставили позиции и двинулись к Высокой горе. Продвижение противника Азин остановил, введя в бой отряд Битовта и Вятский железный батальон.

Следуя своей традиции, белочеи бросили на участок прорыва сводный Уржумский отряд и потеснили Вятский железный батальон.

Азин вынужден был влить в поредевшие ряды защитников левого фланга сотню мобилизованных Назаровым крестьян, только что получивших оружие. Среди них оказалось довольно много бывалых солдат, умеющих быстро приспосабливаться к местности и вести точный огонь.

Посланный вдогонку Мильке ординарец Карл Стек вернулся сердитый и, не глядя в гневное лицо своего командира, сказал:

— Мильке паникует. Говорит — у противника тройное преимущество. Получим подкрепление, тогда вернемся на позиции.

— Слетай к Гундोरину и передай приказ — сосредоточить огонь по противнику на левом фланге, — распорядился Азин.

В Чистопольский батальон Азин послал распоряжение снять с позиций станковые пулеметы и временно передать в Вятский железный батальон.

Эти решения были рискованными, но правильными. Сосредоточенным огнем артиллеристов и пулеметчиков удалось отбить три атаки противника.

К Азину подъехал Хитриков, хмуясь сказал:

— Поеду в отряды Мильке. Попробую вернуть на позиции.

Командир отряда добровольцев
Арской группы Н. С. Назаров.
1918 год

— Возьми с собой Благина. Не упрашивай — требуй именем Революции.

Хитриков и Благин довольно быстро выдвинули на левый фланг продовольственный, ижевский, латышский отряды и батарею Екамасова. Эти части решительной штыковой атакой вернули утраченные позиции.

Поздно вечером Азин послал телеграмму в штаб 2-й армии:

«Двиньте немедленно патроны, снаряды. Необходим аэроплан к 9 часам утра завтра. Сегодняшний 7-часовой бой чрезвычайно стойко, храбро отражен нами с большими для неприятеля потерями. Наступали уржумцы и офицерские батальоны. Наш центр и правый фланг — герои, левый — Повторил прежнее. Занимаем позицию вчерашнюю, ни шагу назад. Срочно, сегодня же прошу проинформировать меня о Вятке, Вологде, Сарапуле, Котласе, Перми.

Командующий группами Азин»¹.

В тот же день всем бойцам арского направления был зачитан приказ Азина № 122:

«...Выражаю от имени Республики благодарность воинам-революционерам, отбившим врага, защищающего интересы буржуазии, и лично сердечно благодарю за стойкое отражение противника, и пусть сегодняшний бой покажет врагам, что пролетариат умеет защищать с оружием в руках интересы Революции и завоеванные свободы»^{1 2}.

Ночью 1 сентября белочехи предприняли новую атаку. Их пехоту прикрывали огнем броневики.

Командир батареи Гребнев выдвинул орудия на открытую позицию и подбил броневик. Пехоту противника отбили пулеметным и ружейным огнем.

3

...Утром 1 сентября 1918 года Азин передал по телеграфу командарму 2 Максиму:

«Доношу, что сегодня ночью во имя интересов дела принял под свое командование все отряды, оперирующие на Арском фронте. Отряды, бывшие под командо-

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 80, л. 2.

² ЦГАКА, ф. 299, д. 2, л. 6.

йанием Мильке, держа позиций, проявили себя небоеспособными в силу неразумной распорядительности как со стороны отдельных лиц, так и самого Мильке. Положение фронта без существенных перемен. Неприятель сегодня ночью повторил маневр набега броневиками, но был отражен с потерями для него. Необходимы 500 000 денег, патронов 300 000, снаряды трехдюймовые и весьма нужны 48-линейные снаряды, пулеметы, ленты, телефонные провода верст 20—30, аппаратов 6—10 штук. Жду распоряжений. Действую, как подсказывает совесть, знания и опыт.

Командующий группами Арского фронта Азин» К

В тот же день командующий 2-й армией Восточного фронта Максимов назначил Владимира Мартыновича Азина начальником всех отрядов арского направления.

Руководить мелкими, разбросанными на широком фронте отрядами было очень трудно, и Азин решил провести укрупнение частей. Все конники были сведены в сводный полк под командованием Турчанинова. Артиллерийские подразделения Азин подчинил Гундорину.

Побеседовав с бойцами-коммунистами бывших отрядов группы Мильке, Азин выявил явно нерадивое отношение некоторых командиров к своим обязанностям: красноармейцы сутками не получали горячей пищи (выдавались одни сухари), не имели махорки. Провинившихся командиров Азин сместил с должности, направил в строй рядовыми.

Свой приказ № 124 от 1 сентября 1918 года Азин открывает обращением к командному составу:

«Всем начальникам отрядов принять к руководству следующее: иметь отеческую заботу о товарищах боевиках..; Принять за норму для довольствия 2 фунта мяса и два фунта хлеба. Хлеба можно выдавать и больше, если позволяет наличие выпеченного»^{1 2}.

Разведчики Азина перехватили обоз с бидонами молока, которое местная помещица направила в офицерский батальон. Молоко поступило на красноармейскую

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 80, л. 3.

² ЦГАКА, ф. 299, д. 3, л. 5.

кухню. Азин вызвал командира отряда Битовта и приказал ему:

— Возьмите взвод разведки и произведите обыск в хоромах арской помещицы. Действуйте, как подсказет революционная совесть.

■— Оформим старушку по всем правилам,— заверил Битовт и вышел из штаба.

Вошел часовой, доложил:

— Товарищ Азин, летчик просится. Впустить?

— Немедленно! — крикнул Азин.— Я его давно жду.

У летчика было бледное, печальное лицо.

•— Вам нездоровится?—спросил Азин, принимая пакет.— Доктор рядом, могу вызвать.

— Доктор не поможет, — махнул рукой летчик. — Большое горе—Ленин ранен.

Азин выронил пакет. Зябко потирая руки, спросил:

— Кто ранил? Когда? Где?

— Эсерка Каплан стреляла, когда Владимир Ильич с митинга возвращался. Это еще 30 августа было. В тот же день эсеры в Петрограде убили Урицкого.

— А мы сидим здесь, как в берлоге, . и ничего не знаем. Какая чудовищная подлость — стрелять в Ленина. Как он себя сейчас чувствует?

— Тяжело... Пули-то были отравленными.

Азин прочел боевую сводку 5-й армии и ничего не понял. Думал только о Ленине. Неужели умрет? Вызвал Хитрикова, оказал:

— Очень неприятные, страшные новости. Побеседуй с товарищем Павловым, а я пойду на телеграф.

Шел и думал: «Как это могло случиться? Ленин — самый великий человек на земле, а уберечь его не смогли. Где была охрана? Чем занято ЧК в Москве? Пули — отравленные. Неужели умрет?.. Был бы там — грудью бы закрыл Ильича...»

В телеграмме к коменданту Арска Ивану Пурингу Азин требовал немедленно сообщить последние новости о состоянии здоровья Ленина и выслать с нарочным центральные газеты.

Телеграфисту приказал:

— Получите ответ — пулей ко мне!

В штабе Азин сказал Хитрикову:

— Надо короткие митинги провести, товарищ комиссар. Я напишу приказ.

— Проведем! Соберу коммунистов, проинструктирую. Жаль, газет нет. Без свежего печатного слова трудно вести агитацию.

— Казань возьмем — свою газету издавать будем.

Азин подошел к летчику, попросил:

— Следующим рейсом захватите побольше литературы. Особенно нуждаемся в газетах и журналах. А командарму передайте—войска Арского фронта готовы к наступлению на Казань и ждут с нетерпением приказа о решительном штурме.

Только занялся приказом, как прибежал связист и передал телеграмму от Пуринга. В ней сообщалось о том, что Ленин жив, но состояние здоровья еще тяжелое...

Азин встал, взволнованно пожал руку связиста, с глубокой радостью произнес:

— Спасибо, дружище, за добрые вести. Сто пудов с плеч свалилось.

Телеграмму передал Хитрикову, стал обдумывать приказ. Долго не мог определить свое отношение к правым социалистам-революционерам. В 1917 году на митингах он неоднократно слышал их выступления, и на словах у них получалось все удивительно гладко и красиво — первейшие борцы за счастье народное. Но вот рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки, казалось бы, надо революционерам всеми силами защищать эту власть, а они стреляют в нее отравленными пулями. Стрелять в Ленина — это значит стрелять в народ. Никому, никогда не удастся отделить Ленина от народа. Выходит, что вчерашние товарищи стали сегодня непримиримыми врагами Советской власти. И, придя к такому выводу, Азин написал:

«Товарищи! Контрреволюционная гидра нашла себе приспешников не только у классового врага нашего — буржуазии, а в рядах недавних наших товарищей — правых социалистов-революционеров. Эти товарищи, ослепленные пропагандой идеей соглашения с буржуазией... решили устранить путем террора идеолога партии коммунистов, председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина (Ульянова).

30 августа в гор. Москве правая эсерка Каплан совершила покушение на жизнь товарища Ленина, ранив

его двумя пулями из револьвера. Жизнь товарища Ленина в опасности...

Буржуазия трепещет от справедливого гнева пролетариата. Наш ближайший враг — казанская буржуазия в ужасе, главари же их бегут из Казани...

Товарищи! Еще два — три дня терпения, и мыведем наступление, и это будет последний, решительный бой»¹.

Перечитал, поморщился, молча протянул листок Хитрикову. Внимательно следил за лицом комиссара. Вот его густые кустистые брови удивленно поползли вверх, по губам скользнула улыбка. Недоволен! Пожалуй, он прав, написано довольно коряво. Странное дело — оперативные приказы сразу выливаются на бумагу, а вот над этим листком сидел полчаса...

— Надо бы иначе, — тихо сказал Хитриков. — Вы пишете: «в рядах недавних наших товарищей правых социалистов-революционеров». Какие это товарищи! Их идеология и практика были всегда враждебны нам, коммунистам...

— Я об этом думал, — перебил собеседника Азин. — Вы правы. Однако нельзя забывать о том, к кому мы обращаемся. Коммунистов в строю у нас, к сожалению, почти нет. Бойцы ослеплены эсеровской агитацией. Добрая половина мобилизованных — социалисты-революционеры. Их по команде не повернешь на коммунистический путь.

В штаб вошел необычно взволнованный Битовт, доложил:

— Ваше задание выполнено. При обыске обнаружено два револьвера и тайная переписка с командованием белочехов в Казани. Помещицу и ее агента — сестру милосердия деГарье арестовал. Все имущество конфисковано. Пригнал 40 голов скота... Для улучшения питания...

— Арестованных допросил?

— Все отрицают. Улики налицо. Вот документы.

Азин перелистал пахнущие духами листки, сказал:

— Специальный шифр изобрели, гадюки. Выведи в рошу и расстреляй.

— Может быть, сами их допросите, товарищ Азин, —■

¹ ЦГАКА, ф. 299, д. 2, л. 9,

вмешался в разговор Хитриков.— Узнаете что-нибудь важное...

— Не буду времени зря терять. Они в Ленина стреляют, а мы что, на них любоваться будем? К черту! Под корень...

Вечернее совещание командного состава Азин открыл сообщением о подлом вражеском покушении на Владимира Ильича Ленина.

— Быстрейшее освобождение Казани будет лучшей целебной повязкой на раны нашего Ильича, — сказал Азин.— Необходимо привести все части в состояние полной боевой готовности. Первейший долг командиров — постоянно вести разведку, находить уязвимые участки в обороне врага и наносить неожиданные, смелые удары.

Азин ознакомил командиров со своими приказами о создании починочной оружейной мастерской в деревне Собакино и организации перевязочного пункта при специально оборудованном санитарном поезде. Предупредил:

■— Все неисправное оружие немедленно отправить в оружейную мастерскую к товарищу Шевцову. Запомните: найду грязную ржавую винтовку или пулемет — самих заставлю чистить.

...Утром Азин решил уточнить полосу наступления на главном направлении удара. С собой взял начальника артиллерии Гундорина и командира батальона Северихина. Командиров сопровождали ординарцы.

Северихин предупредил Азина:

— На стыке двух рот у деревни Аки противник выставляет сторожевые посты. Не наскочить бы на беляков...

— Смотреть надо,— сказал Азин.— Это ваш участок.

Стремясь скрытно подойти к высоте у деревни Аки, Азин и его спутники вначале ехали ложиной, затем продирались сквозь заросли кустарника и незаметно уклонились в сторону, к опушке леса. День был солнечный, теплый. Пахло хвоей, грибами.

На опушке леса совершенно неожиданно наткнулись на пост противника. В двадцати саженях от поста, вытянувшись в цепочку, лежали в мелких окопчиках пятнадцать белогвардейцев. Сурово поблескивали синеватые штыки и стволы винтовок. Справа от цепи, замаски-

рованный кустиками, стоял ручной пулемет. За первой цепью расположился еще один взвод солдат.

«Повернуть назад,— мелькнула в голове Азина мысль.— Поздно. Расстреляют из пулемета».

Спокойно сдвинул набекрень шапку, поправил бурку и, направив коня к посту, сурово спросил:

— Какой части?

— А вы какой? — приподнялся старший поста.

— Я командир офицерского батальона,— сердито ответил Азин.— Почему у вас нет связи?

— Старший унтер-офицер Васильев,— представился начальник сторожевого поста.— С кем нет связи, разрешите уточнить, господин офицер, я не понял.

— Что здесь непонятного? Вы лежите здесь и не знаете, где же ваши соседи.

— Знаем, господин офицер. И расположение и задачи соседей могу вам в точности доложить. Вот за этим лесом ваш батальон, господин офицер.

— Здесь кругом лес.

— Я точно докладываю. Мне командир роты пояснил. Мы этого фланга не боимся, вот правый край куда опаснее. Большой разрыв. Прикрываем прострелом двух пулеметов.

— А лощина как прикрывается?

— Лощина... так... под наблюдением...

— Плохо! — строго сказал Азин.— Впрочем, наш противник настолько бестолковый, что о флангах никакого понятия не имеет. Так вы уверены, что имеете связь с моим батальоном?

— Так точно, имеем,— подтвердил начальник сторожевого поста.— Обратно поедете, старайтесь обогнуть высоту, не дай бог попадете под пулемет красных. Батарея ихняя тоже сюда иногда бьет... Вон с той горы.

Азин увидел показавшихся в пятидесяти саженях офицеров, вежливо поблагодарил старшего унтер-офицера Васильева и, повернув коня налево, поехал в лощину. Вслед за ним тронулись его спутники. Миновав опасный участок, Азин сказал, багровея от гнева, Северихину:

— Ворон считаете, а не разведку ведете, товарищ Северихин. Провели в пасть волку. А вот ординарцы молодцы. Отлично сыграли свою роль.

Приказав Северихину укрепить участок на высоте у деревни Аки, Азин вместе с Гундориным направился к деревне Большая Дербышка на батарею Гребнева.

— Непокойный человек — Гребнев,— сказал Гундорин.— Все время меняет позиции. Так ставит пушки, что их никакая разведка не засечет.

— Пехоту надежно прикрывает. Молодец,— улыбнулся Азин.— На него смело можно положиться, любую задачу выполнит.

Гребнев встретил Азина жалобой:

•— Снаряды кончились, товарищ Азин. А я батарею кадетов обнаружил, надо бы ее заглушить.

— За снарядами пошли подводу,— сказал Азин и, быстро написав распоряжение, передал его Гребневу.— Пока подвезут, пойдем посмотрим, что ты глушить собираешься.

Передав приказание о подвозке снарядов, Гребнев повел Азина на свой наблюдательный пункт, оборудованный на крыше трехэтажного дома, стоявшего на пасеке. Азин окинул взглядом окрестность, сказал улыбаясь:

— Обзор великолепный. Казанские соборы видны как на ладони.

Гребнев указал направление, назвал ориентиры цели.

Азин вскинул бинокль, внимательно посмотрел, с удивлением сказал:

— Вижу плохо замаскированные орудия, рядом с ними какие-то темно-зеленые кубики. „Молодец!

— Разрешите в бинокль взглянуть,— попросил Гребнев.

— Надо бы свой завести, а то начнете, как Косолапов, стрелять по коровам,— улыбаясь, заметил Азин, протягивая командиру батареи бинокль.

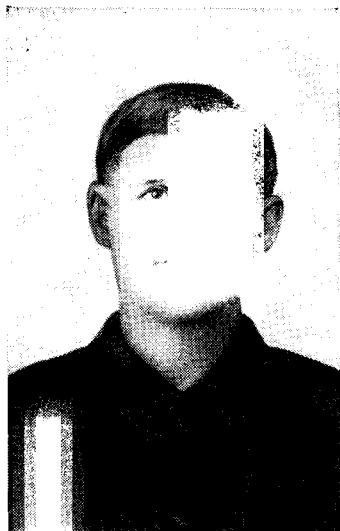
Осмотрев цель, Гребнев с восхищением воскликнул:

•— Замечательный! Вот теперь все в подробностях различаю. Зеленые кубики — это ящики со снарядами. Разрешите ударить, товарищ Азин!

— Действуйте.

Гребнев связался с батареей и довольно быстро пристрелялся по цели. Азин не вытерпел, вырвал из цепких рук Гребнева бинокль, увидел в столбах разрывов черный круг колеса, крикнул:

— Хорошо молотишь, Степан Поликарпович!

Командир артиллерийского дивизиона С. П. Гребнев

Гребнев взял у Азина бинокль, осмотрел цель и обрушил огонь на уцелевшие орудия. Гулкий взрыв прокатился по рощам, и Азин увидел громадный столб огня и дыма, вставший в «обрабатываемом» квадрате.

— Нащупали мои ребята склад боеприпасов,— довольно улыбаясь, сказал Гребнев.— Любуйтесь!

Азин посмотрел в бинокль.

— Вся трава почернела. Орудие справа еще стоит.

— Дойдет и до него черед,— пообещал Гребнев.— Дайте срок.

Через несколько минут все было кончено. Гребнев, передавая бинокль, сказал:

— Спасибо за большие глаза.

— Это вам спасибо, Степан Поликарпович! Дарю вам бинокль за превосходную стрельбу. Батарейцам передайте мою сердечную благодарность.

— Передам, товарищ Азин,— взволнованный неожиданной наградой сказал Гребнев.— Теперь дела пойдут веселее.

Он был молодым парнем, и ему очень приятно было слышать от любимого командира столь высокую похвалу и необычное для него обращение по имени и отчеству— Степан Поликарпович.

Азин слез с крыши, вскочил на коня и помчался на участок Назарова, только что вернувшегося из командировки. Отырыли ли добровольцы окопы полного профиля у Ноксинской заставы? Как-то они несут службу?

Назаров, отрапортовав о положении на участке обороны, предложил:

— Проедемте, посмотрите сами на наши позиции.

Назаров ехал впереди. Когда он переезжал лесную шоссейную дорогу у Ноксинской заставы, послышался

тревожный звук пулемета. Рослая, тяжелая лошадь грохнулась на камни и придавила всадника.

Азин соскочил с коня, окликнул:

— Назаров! Нестор Сергеевич!

Назаров лежал неподвижно. И тогда Азин бросился к боевому другу. Вздрыгнул, увидев лужу крови у его головы. Подхватил беспомощное тело под руки. Не поднимать, не вытащить. Над головой тоскливо просвистели пули. Пристреливаются, гады! Подскочил Карл Стек, за хвост оттащил лошадь, Азин поднял Назарова и, пригнувшись, побежал через дорогу. У самой обочины пуля сшибла с головы фуражку. Положил Назарова за поваленной бурей толстой сосной. Вытер о траву мокрые красные руки. Склонился над лицом раненого. Жив или умер?

Назаров дышал тяжело, и в широко открытых глазах была такая тяжкая мука, что Азин не выдержал, крикнул:

— Стек! Пулей лети к врачу Зеленицкому. Пусть немедленно выезжает сюда с санитарями.

— А как же вы? Одни останетесь.

— Не рассуждай! Человек умирает.

Азин разделся до пояса и разорвал на полосы свою рубашку. Осмотрев Назарова, нашел три пулевых ранения. Мелькнула мысль: «Точно бьют, паразиты! Если бы первым ехал я, лежал бы вот так же неподвижно».

Пока перевязывал раны, прибыли санитары. Раненый громко застонал, когда его клали на носилки.

— Осторожнее, медведи,— рассердился Азин.— Передайте Зеленицкому — пусть лично займется раненым. Поезжайте тихо. Иначе на ухабах вытрясете душу.

Карл Стек стряхнул хвою с гимнастерки Азина, тихо заметил:

— К вечеру похолодало. Простудитесь...

— Какая там простуда! Сердце горит. Хорошего человека срезали гады.

— Сегодня какой-то особенно неудачный день,— сказал Стек.— Дважды были на волосок от смерти.

— У нас не будет спокойных дней, Карл, пока не кончится война. О смерти надо меньше думать, тогда она, окаянная, пройдет стороной, не зацепит. Садись, поехали.

В штабе Азин спросил у Хитрикова;

— Телеграмма от Пуринга была?
— Было три. Какую ждете?
— О здоровье Ленина.
— Потихоньку поправляется наш Ильич,— потеплевшим голосом произнес Хитриков.— Смертельная опасность миновала.
— Спасибо за добрую новость, товарищ комиссар,— поблагодарил Азин.— А летчик прилетал?
— Не было. Если прилетит завтра, разрешите мне с ним подняться. Хочу позиции противника осмотреть.
Азину эта просьба не понравилась, однако он возражать не стал, сказал равнодушно:
— Вы сами хозяин. Действуйте, как подсказывает долг и совесть.
...Летчик прилетел утром. Азин увидел незнакомое лицо, спросил настороженно:
— А где товарищ Павлов?
— Занят боевыми вылетами. Бомбит пароходы и казармы противника. Геройский человек. Вот вам пакет от командарма пять.
Азин прочел коротенькое сообщение о боевых действиях частей левобережной и правобережной групп 5-й армии, раздраженно спросил:
— И это все?
— Больше ничего не передавал.
— Напрасно бензин жжете!—не владея собой, крикнул Азин. Передайте командарму — я жду приказ о наступлении. Хватит топтаться на месте.
Летчик пожал плечами и торопливо вышел из штаба. За ним последовал Хитриков.
Азин стиснул ладонями виски и долго сидел молча, пытался объяснить причины столь непонятной медлительности. Вот уже месяц 5-я армия стоит у стен Казани. Противник не имеет численного превосходства; эту истину знают и командарм 5 и сам нарком Троцкий, поезд которого стоит в Свияжске. После того как Арская группа заняла Высокую гору, Киндеры, Кошаково, белочехи оказались в полукольце красных войск. Стоит нанести одновременный решительный удар с трех сторон, и враг будет уничтожен.
Тихо скрипнула дверь. Азин поднял голову, увидел Володьку. Нос и глаза натертые, красные.

— Кто тебя обидел, Володя?— ласково спросил Азин.

— Известно кто. Белые.

— Ты что, попался? Тебя били?

— Попался! За кого вы меня принимаете?— обиделся мальчик. Я в Казань ходил. К дяде. Только я его не нашел. Соседка сказала— убили белогвардейцы третьего числа. У них там какой-то бунт произошел. Три рабочих отряда шли на Верхний Услон, Красную Горку и озеро Лебяжье. С нашими хотели сомкнуться. Не довелось. Оружия было мало, а у кадетов — пулеметы, пушки. Всех постреляли, и дядю моего тоже... Последнюю родню отняли.

Володя всхлипнул, закрыл лицо рукавом.

— Красноармейцы не плачут,— строго сказал Азин.— Не горюй, Володя. Родня у тебя огромная — пять тысяч человек. Меня отцом можешь считать.

— Вы и так отец родной, товарищ Азин. В отряд приняли, коня и револьвер дали, на полное довольствие зачислили,— дрожащим голосом произнес мальчик.— Я не хочу плакать, а слезы вот так сами и текут. Сколько людей загубили, гады.

Володя принес веник, быстро подмел сор в комнате. Перед тем как уйти, нерешительно сказал:

— Вы меня учили, товарищ Азин, все примечать и запоминать. Так вот, белые по тракту выставили в нашу сторону пушки и пулеметы. В кустах броневики спрятаны. Похоже — наступать будут,

Телефонист Володя Алексеев (12 лет)

■— По тракту, говоришь?... Ну что ж, встретим,— сказал Азин,— иди отдыхай.

«Выходит, Володька знает больше моего. В Казани восстали рабочие, ударили в тыл белочехам, а мы их не поддержали. А ведь они надеялись на своих спасителей. Никакой согласованности. Бьют по частям. Терпеть больше нельзя. Надо сообщить в ЦК партии. Скорей бы Хитриков возвращался, надо с ним посоветоваться. Он старый коммунист...»

С Хитриковым посоветоваться не удалось. Летчик при посадке попал в яму, самолет вышел из строя. Хитриков сильно ушибся, сломал ногу.

С трудом сдерживая ярость, Азин подскочил к летчику, крикнул:

— Что ты наделал, что ты наделал!..

— У меня самого все ребра ноют,— морщась, ответил летчик.— Ведь это не аэродром, а клеверное поле.

— Павлов летал, ни разу не споткнулся.

— Мне до Павлова не дотянуться. Павлов — лучший летчик не только у нас, но и во всей армии.

— Говорить-то ты мастер. Садись ремонтируй! К утру не починишь — пеняй на себя,— предупредил Азин и медленно побрел в штаб. Он чувствовал вину и за собой. Надо было отговорить Хитрикова от этой ненужной воздушной разведки. Лишился комиссара перед решающим боем. Какой нелепый, тяжелый случай. Опять потеряна связь со штабом 5-й армии. Что у них происходит? Каковы их планы?

А в это время командарм 5 Славин с начальником штаба Майгуром разрабатывал план штурма Казани. 6 сентября нарком Троцкий получил телеграмму от В. И. Ленина, который, несмотря на тяжелые раны, пристально следил за боевыми действиями на Восточном фронте. В телеграмме говорилось:

«Удивлен и встревожен замедлением операций против Казани, особенно если верно сообщенное мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце» *. ¹

¹ В. И. Ленин. Из эпохи гражданской войны. Партиздат, 1934, стр. 44.

Троцкий устроил «разнос» командарму 5, приказал немедленно перейти к активным боевым действиям.

В тот же день левобережная группа 5-й армии в ожесточенном бою выбила противника из деревни Аракчино, что в 17 километрах юго-западнее Казани, и наконец-то установила локтевую связь с Арской группой войск.

Белочехи, почувствовав угрозу полного окружения, перешли в контрнаступление и нанесли удар по Полтавскому полку, прикрывавшему позиции на правом фланге. На бредущем полете прошли самолеты противника и обстреляли окопы красноармейцев. Вспахивая поля и луга, рвались вражеские снаряды. Прикрываясь облаком пыли, цепь юнкеров вышибла полтавцев из окопов.

Связной от командира Полтавского полка Хлистуна передал Азину донесение:

«Под натиском превосходящих сил противника полк оставил позиции».

На этом же листке Азин написал:

«Именем Революции приказываю т. Хлистуну оставить отступление! Ни шагу назад».

Одновременно послал связного к командиру кавалерийского отряда Турчанинову с распоряжением уничтожить противника на позициях Полтавского полка. Красные конники внезапно атаковали юнкеров и на их плечах ворвались в деревню Малые Дербышки.

Белочехи при поддержке броневиков напали на позиции левого фланга. Азин ввел в бой последний свой резерв — взвод связистов и разведчиков. Пулеметчики Ян Гроблеус и Александр Горобцев фланговым огнем уничтожили прорвавшуюся цепь белогвардейцев-добровольцев.

Ожесточенный бой продолжался до полудня. Бойцы Арской группы не только отбили атаки, но и захватили важные опорные пункты противника, вплотную приблизились к Казани.

7 сентября, обращаясь к красноармейцам, Азин писал:

«...Счастлив довести до вашего сведения, что живая связь с нашими боевыми товарищами, занявшими Караваеве и Сухую речку, установлена. Мы, имея с ними живую связь, оцепили Казань кругом. Теперь принимаются меры перегруппировки, и, когда все подготовим, то сегодня, но не позднее завтрашнего утра, начнется ⁵

общее наступление, и уже вне всякого сомнения Казань — наша!

Приготовляйтесь к бою, решительному бою пролетариата с капиталом. Сигнал наступления мною будет объявлен особо. Вперед смело!

От имени Революции спасибо всем за стойкое продвижение в сторону Казани во вчерашнем бою» *.

Успехи левобережной группы войск 5-й армии и Арской группы Азина не были использованы 8 сентября. Противник получил передышку и сумел вывести из Казани золотой фонд Республики и часть войск.

Только 9 сентября Азин получил указание о переходе в наступление на Казань. С глубоким волнением командующий Арской группой войск разрабатывал приказ № 141. Первое слово — ко всем бойцам:

«Наступила минута, когда гнездо контрреволюции гор. Казань доживает последние часы. Противник в панике бежит по Лаишевскому и Мамадышскому трактам.

Стратегическое соображение требует, чтобы врагу не дать опомниться и дуть его и в хвост и в гриву.

Поэтому необходимо немедленно отрезать врагу отступление. В силу этого приказываю: войскам вверенной мне группы занять линию Троицкая Нокса, М. Клычки, с. Вознесенское, Брисково, Малые Атары»¹².

В параграфе втором приказа Азин с предельной четкостью определял задачи каждого отряда.

Выполняя план командующего Арской группой, Полтавский полк при поддержке батареи Гребнева и кавалеристов Турчанинова занял деревню Троицкую Ноксу.

Максималисты и отряд Мартянова выбили противника из села Царицына³.

Отряд Царькова ворвался в деревню Малые Клычки.

Бирский отряд вступил в деревню Большие Клычки.

Вятский железный батальон Северихина совместно с батареями Гундорины и Екамасова освободил село Вознесенское.

Отряды Мурасина и Хохлова отбросили противника от выселка Архангельского и пересекли шоссе Казань — Горки — Лаишев.

¹ ЦГАКА, ф. 299, д. 3, л. 13.

² Там же, л. 16.

³ Ныне — Азино.

Володарский батальон взял село Борисково. Чистопольский батальон с батареей польского овладел деревней Малые Атары.

Как только связной от Северихина привез отрядную весть о выполнении боевого задания, Азин приказал начальнику штаба Пашковскому переместиться в село Вознесенское и вместе со своим помощником Благинным выехал из деревни Киндеры, в которой пробыл три недели. За это время партизанские отряды выросли, окрепли, превратились в дисциплинированные, боеспособные части Красной Армии. Азин прибыл в Арск, имея 400 бойцов, сейчас под его командованием более 5000 красноармейцев. Люди приобрели веру в свои силы, в свое оружие, в своих командиров. Вот он, древний город Казань. На солнце сверкают купола Благовещенского и Петропавловского соборов, Иоанно-Предтеченского монастыря, высокий шпиль старинной Сумбекиной башни. У синей ленты Волги тянутся черные столбы дыма. Горят баржи и пароходы белочехов. Казанская контрреволюция доживает последние часы.

Утром 10 сентября после решительных ударов частей 5-й армии и Арской группы белочехи в панике бежали из Казани.

Отмечая эту победу, В. М. Азин обратился к своим частям со специальным приказом:

«Объявляю сердечную благодарность войскам вверенной мне группы за успешное выполнение боевой задачи, данной приказом от 9 сентября.

Задача, возложенная на Арскую группу 2-й Восточной армии, была чрезвычайно серьезна, так как выполнение ее лишало противника возможности прорваться прямым путем в хлеботородные губернии.

Политическое и стратегическое значение падения Казани ясно для каждого воина-революционера, ибо за последнее время в городе Казани противник сконцентрировал все главные контрреволюционные силы...»¹

К освободителям Казани с приветственным теплым письмом обратился Владимир Ильич Ленин.

«Товарищи! Вам уже известно, какое великое значение приобрело для всей русской революции взятие

¹ ЦГАКА, ф. 299. д. 2, л. 16.

Казани, ознаменовавшее перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным, победоносным действиям. Тяжелые жертвы, понесенные вами в боях, спасают республику Советов. От укрепления армии зависит прочность республики в борьбе с империалистами, зависит победа социализма в России и во всем мире. От всей души приветствую геройские советские войска, армию авангарда эксплуатируемых, борющихся за свержение эксплуатации, и желаю дальнейших успехов.

С товарищеским и коммунистическим приветом
В. Ульянов (Ленин)»¹.

По ходатайству Реввоенсовета Республики от 1-го сентября 1918 года ВЦИК и Совнарком приняли постановление о награждении всего рядового и командного состава частей Арской группы войск 2-й армии месячным денежным содержанием,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 8Г,

III. РОЖДЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОЙ...

1

После освобождения Казани части Арской группы несли два дня сторожевую службу. За это время бойцы сходили в баню, привели в порядок обмундирование и обувь. Начальник боеснабжения Эглит и командир артдивизиона Гундорин из трофейного оружия создали еще одну конную батарею. Значительно пополнились новенькими пулеметами пулеметные команды.

13 сентября 1918 года командующий Арской группой войск Азин получил от командарма 5 Славина телеграмму:

«По приказанию штаба Восточного фронта № 0598 ваша группа должна немедленно отправиться в Вятские Поляны и поступить в распоряжение командарма 2 для ликвидации наступления противника в названном районе и оттеснения его к югу за реку Каму.

О порядке снятия с позиций подчиненных вам частей частями левобережной группы вам надлежит войти в соглашение с командующим названной группой товарищем Алексеевым»¹.

Сдав участок Алексееву, командующий Арской группой Азин перебросил по железной дороге свои части в Вятские Поляны.

• ЦГАКА, ф. 1324, д. 1, л. 13.

Там их встретили и поблагодарили новые члены Реввоенсовета 2-й армии командарм В. И. Шорин и старые большевики-ленинцы С. И. Гусев и П. К. Штернберг.

17 сентября Азин получил приказ № 5 по войскам 2-й армии. В нем говорилось:

«...Реввоенсовет приказывает отряд тов. Азина, действовавший под Казанью и ныне снова возвратившийся в состав 2-й армии, переформировать в дивизию в составе двух полков пехоты, артиллерийской бригады и кавалерийского полка.

Начальником дивизии назначается тов. Азин.

Тов. Азину принять все меры к наискорейшему формированию дивизии.

Политическим комиссаром дивизии назначается тов. Кузьмин»¹.

В тот же день по приказу Азина отряды максималистов, Мартянова, Хохлова и Шайхутдинова вошли в Полтавский полк, возглавляемый Головко.

Отряды Вятский, Железный, Бирский, Чистопольский и Мурасина составили 3-й сводный полк. Командиром его стал Северихин.

Все конники были влиты в 1-й сводный полк под командованием Турчанинова.

Артиллерийские подразделения составили бригаду под командованием Гундорина.

18 сентября начдив Азин доложил командарму 2 Шорину о том, что формирование полков в основном закончено.

— Быстро вы расправились с приказом Реввоенсовета армии,— иронически улыбаясь, сказал Шорин.— Партизанские отряды слиты, партизанщина осталась. С этим злом надо вести постоянную, беспощадную борьбу. Вы должны создать в предельно короткий срок дисциплинированные подразделения, способные выполнять сложные боевые задачи.

Азин ожидал похвалы. Багровый румянец вспыхнул на его загорелом красивом лице. Синие глаза потемнели от гнева.

— Считаю своим долгом заметить, что части Арской группы способны решать сложные боевые задачи,— подавив волнение, спокойно сказал Азин,— Об этом сви-

¹ ЦГАКА, ф. 229, д. 2, л. 21.,

Детельствует разгром белочехов под Высокой Горой, Киндерами, Вознесенском. Да и в Казань мы вошли первыми.

— Это в прошлом! — сурово заметил командарм. — Научитесь спокойно выслушивать замечания, хотя они вам и неприятны. Запомните эту прописную истину.

Азин встал, угрюмо сказал.

— Не ожидал такого поворота. С товарищем Максимовым мы понимали друг друга...

И тогда со стула поднялся внимательно следивший за разговором Гусев, положил руку на плечо Азина, улыбаясь сказал:

— Спокойно, спокойно, коммунист Азин. Бывший командарм Максимов старался всех понимать, со всеми ладить, не замечал развала дисциплины, и в результате все отряды, за исключением отрядов Чеверева и вашего, совершенно потеряли боеспособность. Максимов отстранен от должности. Бывшему полковнику Шорину партия — понимаете, Азин, наша партия — доверила пост командарма. Времена партизанских действий кончились. Надо насаждать твердую воинскую дисциплину, и мы с вами должны показывать в этом пример подчиненным...

Азин вытер с лица неожиданно выступивший пот, тихо сказал:

— Учту ваши замечания, товарищ Гусев.

■ — Прежде всего учтите замечание командарма, — раздраженно заметил Гусев. — Кстати, нам сообщили, что ваши красноармейцы продают на базаре шинели и гимнастерки.

— Не может быть! — воскликнул Азин.

— А вы проверьте и примите соответствующие меры, — так же строго и повелительно произнес командарм. Он подошел к карте, обвел красным карандашом Агрыз, сказал:

— Вот в этом районе, окруженный со всех сторон противником, героически сражается отряд Чеверева. Ваша первоочередная оперативная задача — освободить Агрыз и соединиться с Чеверевым. Это будет наш третий полк. Понятно?

— Так точно, товарищ командарм.

— А дальше мы пойдем на Сарапул, Боткинский завод, Ижевск. По предварительным, далеко не полным

сведениям, мятежная армия насчитывает в своих рядах до тридцати тысяч человек. К ним присоединились остатки белых отрядов, разбитых, но, к сожалению, не уничтоженных под Казанью.

— Ничего! Доколотим. Так двинем, только лапти полетят.

— А сами-то давно в сапоги влезли? — гневно спросил Гусев. — Наш партийный долг — агитацией отнять солдат у противника. Ведь это вчерашние мужики, одурманенные вражеской пропагандой. Этого нельзя забывать, товарищ Азин. Говорят, что у вас не принято брать в плен. Это крупная ошибка.

— Кто-то состряпал на меня изрядный донос, — с горечью сказал Азин. — Облил грязью с головы до ног. Ничего, новой славой все смою. Когда выступать, товарищ командарм?

Шорин удивленно посмотрел на Гусева, сел за стол, сказал:

— Распоряжение о наступлении получите завтра. А сегодня займитесь специальными подразделениями: разведчиками, пулеметчиками, связистами, артиллеристами, саперами. Укомплектуйте лучшими бойцами, проведите с ними тренировочные занятия...

— Слушаюсь! — сказал Азин и быстро вышел из штаба. Самочувствие его было отвратительным. Впервые за все время службы в Красной Армии его не хвалили, а сурово критиковали, строго учили основам армейской жизни. И как это глупо получилось, стал возражать, проявил такую вопиющую недисциплинированность. Привык к слишком большой самостоятельности и отвык от таких обычных и необходимых на военной службе слов: «Так точно», «Слушаюсь».

В штабе дивизии Азина поджидали комиссар Кузьмин и начальник штаба Пашковский. По нервному, потному лицу начдива догадались: разговор был явно неприятным. Кузьмин осторожно спросил:

— Что случилось? Чем вы расстроены?

— Переоценил себя и своих бойцов. Командарм нами не доволен.

Азин сел за стол, рассказал, о чем шел разговор в Реввоенсовете армии.

Пашковский, не желая портить отношения с начди-

вом, промолчал. Кузьмин был человеком прямым и честным, сказал, что думал:

— Мы можем только радоваться, что в Реввоенсовет армии присланы такие опытные, знающие свое дело товарищи. Командарм Шорин имеет большой боевой опыт, член Реввоенсовета Сергей Иванович Гусев — старый большевик, прошедший школу подпольной работы, тюрьмы и ссылки. Нам с вами у них учиться надо.

Почувствовав глубочайшую правоту Кузьмина, Азин сказал:

— Будем воевать, и учиться...

Просмотрел лежащие на столе бумаги, приказал Пашковскому:

— К восьми вечера соберите командиров частей и специальных подразделений.

Комиссару сказал:

■— Подумайте, как лучше организовать агитацию среди местного населения. Подумайте о газете, листовках, плакатах. Сами понимаете — это вопрос особой важности.

— Я об этом думаю. Составлю план и со всеми сложными и трудными вопросами пойду к Гусеву. Поможет.

— Вначале с планом ознакомьте меня, потом пойдете к Гусеву. Может быть, некоторые вопросы мы решим своими силами.

■— Хорошо,— сказал Кузьмин.— Попрошу и вас знакомить меня со своими планами, прежде чем они попадут к командарму.

Азин улыбнулся, сказал тепло и радостно.

— Хорошо! А теперь давай посмотрим, комиссар, где нам воевать придется.

Расстелил на столе карту. Порывисто, красным карандашом бросил стремительные стрелы на Сарапул, Агрыз, Ижевский и Боткинский заводы. Долго разглядывал путь, по которому придется вести дивизию, прикидывал линейкой расстояния, запоминал населенные пункты, дороги, реки. Как много голубых лент на карте. Реки, реки! Надо их непременно использовать. Подтолкнул локтем Кузьмина, сказал:

— Буду просить у командарма Волжскую флотилию. Под Казанью моряки превосходно сражались, сказали свое веское слово. Мы с ними поладим, помогут нам.

— Весьма дельная мысль,— одобрил Кузьмин.— Не плохо бы иметь под рукой парочку бронепоездов.

— Попросим и бронепоезда. Противник имеет шестикратное численное превосходство. Надо беречь людей, громить врага огнем кулаком. Если мы к своим 24 орудиям присоединим парочку бронепоездов и две дюжины стволов речной флотилии, успех будет обеспечен.

...Без пяти минут восемь в штаб дивизии явились Северихин, Гундорин, Пуринг, Гребнев, Битовт — верные боевые друзья Азина.

Головко опоздал на семь минут. Не чувствуя за собой вины, сел, достал портсигар, закурил.

Азин посмотрел на часы, сказал с глубокой горечью:

— Товарищи! Командир полка Головко украл у нас семь минут драгоценного времени. Глазом не моргнув, оседлал стул и задымил, как будто он явился не в штаб дивизии, а на сельскую сходку. Командир должен быть для красноармейца образцом дисциплинированности, подтянутости. Я начинаю сомневаться в том, может ли товарищ Головко служить примером для своих бойцов. Мы на фронте, и всякая недисциплинированность подрывает нашу боевую готовность, служит врагу. Запомните это, товарищи. Прописных истин больше повторять не буду, провинитесь—пеняйте на себя.

Головко торопливо погасил папиросу, виновато заметил:

— Так закрутишься, и покурить некогда. Хозяйство запущено, ничего нет.

— Мы не умеем беречь то, что имеем,— сердито обрывая Головко, сказал Азин.— В Реввоенсовет армии поступили сигналы о том, что наши бойцы продают на рынке обмундирование. Дескать, не мое — казенное. Приказываю взять на учет все обмундирование, состоящее на боевиках. Составьте арматурные списки поротно. Предупредите всех: за продажу или утерю обмундирования и снаряжения буду наказывать по законам военного времени вплоть до расстрела.

— У меня и на учет-то брать нечего,— хмуро заметил Турчанинов.— Все время в седле. Все гимнастерки сгорели, расползаются.

— А кто же будет о ваших бойцах заботиться, товарищ Турчанинов?—с ехидцей спросил Азин.— В каждом полку надо иметь починые мастерские. В Казани

Мы приобрели кожу и хлопчатобумажный материал цвета хаки. Подыскивайте специалистов — ремонтируйте, шейте. Нам придется идти по лесам и болотам. Бойцы должны иметь прочную и теплую одежду и обувь.

— С транспортом плохо, товарищ Азин, — сказал Гундорин, — нет зарядных ящиков. В чем снаряды возить будем?..

Азин нервно потер ладонь о ладонь и не приказал, а попросил:

— Транспорт — труднейший и сложнейший вопрос, товарищи командиры. Подумайте, как нам создать в каждом полку, в каждом спецподразделении свой обоз. Рассчитывать на железнодорожные составы мы не можем. Нас из вагонов вытряхнут, они нужны Республике. Да и сами мы не можем воевать, прижимаясь все время к железнодорожному полотну. Придется наступать и по шоссейным и по проселочным дорогам. Придется мобилизовывать и подводы местных крестьян. А главное — добывать повозки и лошадей у противника, реквизировать у наших врагов — кулаков, торговцев, спекулянтов, белогвардейцев, но ни в коем случае не обижать наших союзников — бедняков и середняков.

В заключение совещания Азин еще раз напомнил командирам о необходимости укреплять воинскую дисциплину и порядок, использовать каждый свободный час для боевой учебы, особенно для огневой и тактической подготовки.

Через два дня Азин в специальном приказе еще раз обратил внимание командиров на необходимость коренного улучшения воинского воспитания и обучения:

«...Всем командирам и политкомам частей, входящих в состав сводной дивизии, приложить максимум энергии для воспитания солдат-боевиков в духе неуклонного исполнения всех приказов начальствующих лиц и создания железной товарищеской дисциплины, без которой ни одна армия существовать не может, твердо помня, что наша борьба — это борьба трудящегося народа за его светлое будущее путем подавления буржуазии, путем полного уничтожения всех врагов социалистического Отечества»¹.

¹ ЦГАКА, ф. 299, д. 2, л. 26.

Перейдя по приказу командарма 2 в наступление, части 2-й сводной дивизии 22 сентября освободили станцию Сюгинскую. Здесь в торжественной обстановке Азин принял в состав дивизии отряд Александра Михайловича Чеверева. Закаленные в непрерывных сражениях партизаны-чеверевцы составили 4-й сводный полк дивизии.

2

...Беседуя с Чеверевым, Азин заметил, что новый комплект охотно рассказывает о своем отряде и весьма скупо о самом себе. И все-таки удалось выяснить, что Александр Михайлович Чеверев семнадцатилетним юношей вступил в 1908 году в партию большевиков. С начальством не ладил и потому кочевал по всей России: работал грузчиком в Астрахани, шахтером в Донбассе, литейщиком в Чите. Служил в царской армии. После февральской революции солдатами Уфимского гарнизона был избран членом военной секции горсовета. Отстаивая завоевания Октябрьской революции, формировал красногвардейские отряды. С одним из отрядов весной 1918 года выехал на фронт и мужественно сражался с бандами атамана Дутова. После падения Уфы прикрывал отход боевых друзей к реке Каме. Закрепился в Агрызе. Имея под рукой полторы тысячи бойцов, несколько раз отбрасывал так называемую «народную армию» черновцев к Ижевску, но взять город не мог: слишком неравны были силы.

Азин был рад, что дивизия получила такое боеспособное, испытанное в ожесточенных боях пополнение. Не подведут! Можно завтра же выдвинуть на позиции. Сказать об этом нелегко, чеверевцы сорок дней без отдыха стояли на линии огня, но говорить надо.

— Время тяжелое, сами понимаете, товарищ Чеверев, — издали начал Азин. — Командарм поставил перед нами задачу освободить в ближайшие дни Агрыз и Сарапул. Даю вам тридцать шесть часов на отдых и подготовку к походу. 25 сентября вы должны быть на станции Пычас.

■ — Можем выступить и через час, — улыбаясь, сказал Чеверев, — отдыхать не привыкли.

— Нужно починить обувь, отремонтировать оружие, а главное — дать возможность бойцам помыться в бане,

выстирать и хорошенько проутюжить белье,— глядя в круглые, веселые и смелые глаза Чеверева, сказал Азин.

— Патронов маловато. Надо пополнить боезапас, товарищ начдив,— попросил Чеверев.

— Получите у Эглита по ведомости. А вообще-то старайтесь получать у противника.

— К этому не привыкать. Месяц за счет ижевских мятежников снабжались. До первого боя — вернем с лихвой,— сказал Чеверев и вышел из штаба.

Не успел Азин просмотреть только что принесенный Кузьминым, еще пахнувший свежей типографской краской номер газеты «Борьба», как вбежал Битовт и, вытирая пот, сказал:

— Разрешите доложить, товарищ Азин.

— Слушаю, слушаю. Где Горелов?

— Партизанский отряд Горелова находится в Вихоревке. Для того чтобы к нему пробиться, надо отбросить противника, приблизительно две тысячи штыков, к деревне Большая Уча. Кроме того, у деревни Большие Ключи окопалось человек 400—500.

— Разведка с Елабужского тракта вернулась? — покусывая карандаш, спросил Азин.

— Прибыли связные. Передают, что отряд до деревни Терсы еще не доехал. По пути встречали подпиленные мосты, сталкивались с мелкими бандами, с которыми беспощадно расправлялись.

— Значит, телефонная связь белогвардейцев с Агрызом и Сарапулом еще не прервана. Связных отошлите обратно с приказом — отряду двигаться на Терсы-Омгу, не задерживаясь, и незамедлительно оборвать связь противника, навести панику. А еще передайте — замеченных в порче мостов расстреливать на месте.

Командир сводного отряда
А. М. Чеверев

Азин телеграммой сообщил командарму о данных, полученных разведкой, и попросил разрешение снарядить специальный отряд — батальон пехоты, эскадрон кавалерии и один орудийный расчет для освобождения Большой Учи, установления связи с Гореловым и выхода на ижевскую узкоколейку.

Командарм одобрил решение начдива. Азин сам повел отряд. У деревни Большие Ключи красноармейцы разбили две роты противника, двигавшиеся к станции Сюгинская. Белые бежали к деревне Большая Уча.

Преследуя неприятеля, батальон 3-го сводного полка подошел к Большой Уче. Белые открыли сильный огонь из пулеметов. Командир батальона Блинов прислал к Азину связного с запиской: «В лоб атаковать нельзя. Срежут из пулеметов». Красным карандашом Азин написал на записке: «Пулеметы уничтожим. Атакуй на флангах», — и поскакал к командиру орудия Ефиму Иванову. Артиллеристы расчищали позицию на опушке рощи.

— Куда вы прячетесь! — крикнул Азин, осаживая белого от пены коня. — Выезжайте в кустарник, к траншеем противника, и бейте в упор по пулеметам.

Ефим Иванов скомандовал:

— За мной, орлы! — и, пригнувшись, помчался через поле к желтым кустам.

Номерные быстро заняли свои места, и рослые, сильные кони понесли орудие туда, где гремело «ура» и ружейные залпы сливались с тревожным рокотом пулеметов.

— Молодцы! — сказал Азин подъехавшему к нему комиссару Кузьмину. — Сейчас устроят баню. А как дела у Блинова?

— Плохо, — сказал Кузьмин. — Наши на открытом поле, а те в траншеях. На левом фланге залегли, на правом — подошли вплотную. Послал политкома Илью Аронштама с приказом поднять в атаку.

— Решающее слово скажет комэск Коржененко. Поехали к нему, — тихо произнес Азин. — Главное не дать кадетам опомниться.

По полю плыл сизый дым. Всадники и лошади вздрогнули, когда гулко и грозно рявкнула трехдюймовка. Не прошло и минуты, грянул второй выстрел и на бугре взметнулось злое багровое пламя.

— Иванов нащупал пулеметные позиции. Расчищает дорогу пехоте,— улыбнулся Азин.— Видите, как нам пригодилась пушечка.

Командир 1-го беспощадного эскадрона Коржененко встретил Азина вопросом:

— Когда пойдем? Ребята скучают.

— Иванов собьет пулеметы, Блинов выгонит беляков из траншей, а вы будете преследовать и уничтожать. Ясно?

— Порубаем гадов, товарищ Азин. Не сомневайтесь.

Пулеметный огонь противника на левом фланге затих, и сразу же неистовое, яростное «ура» покатилося к траншеям.

— Аронштам поднял людей,— взволнованно произнес Кузьмин.

— Смелый человек, настоящий коммунист.

К Азину подсказал Толя Михайлов и, не скрывая ликования, прокричал:

— Товарищ начдив, наши ворвались в траншеи. Белье тикают без оглядки.

— Коржененко, пускай эскадрон! — приказал Азин и, выхватив шашку, шпорами послал вороного вперед на широкое открытое поле. Услышав надвигающийся топот, оглянулся, изумленно воскликнул:

— А вы-то куда, товарищ комиссар?

— Где начдив, там и военком,— сказал Кузьмин.— Не думай, рука не дрогнет.

Азин увидел худощавое, коричневое от загара, мужественное лицо Коржененко и ослепительно блестящий клинок в его крупной, мускулистой, яростно-напряженной руке. Над головой уныло просвистела пуля. Запахло порохом и кровью. Кони перелетели через поваленный проволочный забор, перемахнули траншею и помчались по дороге к деревне. Азин видел, как Коржененко поднял

Командир огневого взвода
Е. М. Иванов

и стремительно опустил белый клинок на голову солдата. Бегущий споткнулся и, выбросив вперед руки, упал на землю. Несколько всадников свернули с дороги на поле, перехватили и вырубили удиравший к лесу взвод противника.

В деревне Большая Уча Азин остановился у каменного дома. У крыльца лежал разваленный на две части часовой. Азин соскочил с коня, вытер о гимнастерку убитого шашку, сунул ее в ножны и торопливо вошел в дом. На столе лежала карта-двухверстка, на полу валялись штабные бумаги. Азин собрал документы, сел к столу. Просматривая приказы, распоряжения, ведомости, сводки, он узнал, что разбитый отряд назывался Больше-Учинским, состоял из шести рот и должен был соединиться с Можгинским отрядом под командованием поручика Уткина.

«Не успели,— улыбнулся Азин,— отряд Уткина разбит нами 24 сентября в Можге».

Вошел Кузьмин. Азин заметил кровь на рукаве гимнастерки военкома, встревоженно спросил:

— Что с тобой, Федор Кузьмич? Ранен?

— Это чужая кровь,— махнул рукой Кузьмин.— Наградить храбрецов надо, да вот нечем. Бедновато живем.

— Скоро разбогатеет. Неприятель поступает по-приятельски, все свое добро нам оставляет.

— Кухню с обедом бросили,— рассмеялся Кузьмин.— Это очень кстати, бойцы проголодались, заморят червячка.

В штаб вошел Аронштам и рассказал о том, что из каменного сарая бойцы освободили приговоренных к смерти местных активистов. Все они изъявили желание служить в Красной Армии.

— Всех не возьмем,— сказал Кузьмин.— Они должны возглавить вновь создаваемую Советскую власть и партийные организации. Пойдемте-ка с ними побеседуем.

Командир батальона Блинов принес Азину новенький карабин. Начдив посмотрел на клеймо Ижевского завода и год выпуска—1918-й, покачал головой, сказал:

— Сколько они винтовок выпустят, пока мы до Ижевска дойдем. А ведь нам самим оружие необходимо, как хлеб, как воздух. Миллионную армию создаем,

Азин сложил документы в папки, перевязал бечевкой, приказал Блинову:

— Выделите команду, соберите все оружие, боеприпасы, обмундирование. Выдвиньте охранение и разведку. Объявите населению — не сдавшие добровольно оружие будут расстреляны. Донесения будете присылать в Сюгинскую. Я с эскадром Коржененко уеду вечером.

Утром 28 сентября начдив Азин направил в Реввоенсовет 2-й армии телеграмму, в которой сообщил о разгроме гарнизона противника в Большой Уче и захваченных трофеях.

Приказом по дивизии начдив от имени Революции объявил благодарность «всем бойцам за свободу: стрелкам 1-го батальона 3-го сводного полка, кавалеристам 1-го беспощадного эскадрона, орудийному расчету, политработникам Кузьмину и Аронштаму и командирам Коржененко, Иванову и Блинову, беззаветно храбро сражавшимся во вчерашнем бою против врагов трудящихся...»¹

...В местности, освобожденной от противника, успешно восстанавливалась Советская власть. 29 сентября политком дивизии Кузьмин сообщал в политотдел 2-й армии:

«Села и деревни в окрестностях Агрыза и по направлению Ижевска и Сарапула постепенно очищаются от белогвардейских банд...

Крестьяне раскаиваются в своем заблуждении и приветствуют Советскую власть. Приняты меры для распространения советской литературы среди населения и направляются агитаторы по деревням.

Среди красноармейцев настроение хорошее, дух боевой, в частях организуются ячейки коммунистов-большевиков»¹².

28 сентября в состав 2-й сводной дивизии вошел бронепоезд № 1 «Свободная Россия» с командой из 54 человек, вооруженный 8 пулеметами и двумя 3-дюймовыми орудиями. Это было довольно примитивное сооружение: железнодорожные платформы имели два ряда бортов, между которыми был насыпан песок. В бортах

¹ ЦГАКА, ф. 299, д. 2, л. 33.

² ЦГАКА, ф. 1328, д. 8, л. 61.

были проделаны бойницы для ведения огня. Паровоз был прикрыт броней и имел весьма внушительный вид.

Ознакомившись с командой, Азин сказал:

— Надежный огневой кулак — десять стволов. Дороги чинятся. Ждите приказ — на Агрыз!

В тот же день частями дивизии после упорного, ожесточенного боя была освобождена Елабуга.

Пополненная партизанами отряда Савинцева 2-я сводная дивизия получила приказ освободить Агрыз.

Начдив Азин решил вести наступление на Агрыз вдоль железной дороги, используя бронепоезд «Свободная Россия» и артиллерийский дивизион Гундорина. Основной удар должен был нанести 4-й сводный полк Чеверева, самый сильный и боеспособный в дивизии. На фланги начдив поставил 3-й сводный полк Северихина и Полтавский полк Головки.

Командование ижевской мятежной армии выдвинуло на защиту Агрыза свои наиболее стойкие, испытанные в боях части. Позиции были укреплены сплошной линией окопов и тремя рядами колючей проволоки. Железнодорожный путь и мосты взорваны.

Первая атака полков 2-й сводной дивизии была отбита хорошо управляемым огнем артиллерии и пулеметов белогвардейцев.

Азин, непосредственно руководивший боем, приказал начарту Гундорину и командиру бронепоезда Шомину подавить выявленные огневые точки противника. Командиры полков получили от начдива задание любой ценой сломить сопротивление противника, прорвать оборону, взять Агрыз.

Опытный артиллерист Гундорин, внимательно наблюдавший за обороной противника и выявивший его огневые точки, смело выдвинул батареи к цепям пехоты и с открытых позиций разбил вражеские пулеметы.

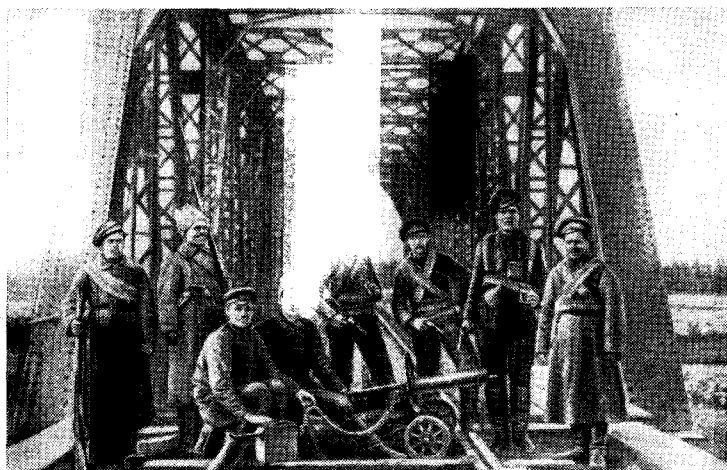
Команда бронепоезда «Свободная Россия» под вражеским обстрелом восстановила железнодорожный путь и, приблизившись вплотную к окопам противника, огнем своих орудий заставила замолчать вражескую батарею.

Высокий, коренастый, спокойно посасывающий трубку Александр Чеверев уверенно послал в атаку свои батальоны. Красноармейцы подошли вплотную к проволочному заграждению, но, встреченные огнем, откатились назад, на исходный рубеж.

И тогда Чеверев хлестнул коня плеткой, ворвался в стрелковую цепь и с возгласом: «За мной! Дашь Агрыз!» снова поднял в атаку измученных бойцов.

Пулеметная очередь срезала коня Чеверева. Командир полка вылетел из седла. К нему подбежали санитары. Он махнул рукой:

— Подбирайте раненых. Я сам пойду,— и побежал к своим бойцам. У траншеи пуля свалила Чеверева. Его бойцы ворвались в окопы и штыками перекололи отчаянно сопротивлявшихся белогвардейцев.

Бойцы-азинцы охраняют мост через реку Валу

Получив весть о ранении Чеверева, Азин сказал своему военкому:

— Федор Кузьмич, придется тебе временно принять четвертый сводный.

— Хорошо. До встречи в Агрызе,— воскликнул Кузьмин и ускакал к чеверевцам.

Примчался связной от Северихина, передал Азину записку: «Патроны кончились. Что делать?»

— Передай Северихину—атаковать в штыки! — приказал Азин и ввел в бой свой единственный резерв— 1-й беспощадный эскадрон. В атаку Азин летел вместе с Коржененко. Конники узким клином пробили оборону на

левом фланге и понеслись к Агрызу, сея смятение и панику в рядах противника.

...Вечером 3 октября 1918 года начдив Азин передал в штаб 2-й армии радостную весть о победе под Агрызом.

Всего лишь одну ночь отдыхали бойцы. 4 октября полки 2-й сводной дивизии двинулись на Сарапул. Непрерывно атакуя, сбивая противника с оборонительных рубежей, азинцы подошли к Сарапулу.

Местное население Азин мобилизовал на починку и восстановление разрушенных и сожженных мостов.

Лошади выбивались из сил на разбитых, покрытых цепкой грязью дорогах. Красноармейцы на плечах выволакивали застрявшие в огромных ухабах орудия и повозки.

Бой за Сарапул продолжался с утра до вечера 5 октября. Азин отказался от лобовой атаки сильно укрепленных позиций противника и разбил врага сокрушительными фланговыми ударами.

Ночью 6 октября усталый, но очень довольный новыми успехами своих полков начдив Азин послал в Вятские Поляны командарму Шорину телеграмму:

«Доношу — приказ ваш исполнил. Сарапул в семь часов вечера 5 октября занят войсками вверенной мне дивизии»¹.

Созданный по приказу начдива Азина военно-революционный Совет под председательством Ф. К. Кузьмина сразу же навел порядок в городе, открыл магазины, школу, библиотеку, привлек к оборонным работам местных буржуев.

В этом же приказе Владимир Мартынович Азин от имени Советской Республики поблагодарил бойцов-героев 2-й сводной дивизии «за выполнение чрезвычайно серьезной и важной во всех отношениях боевой задачи — взятия города Сарапула...»^{1 2}

7 октября Азин со взводом разведки выехал в Агрыз.

3

Освободив Агрыз и Сарапул, 2-я сводная дивизия получила важную железнодорожную линию, связывающую фронт с Казанью и Волгой, и приступила к ликвидации

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 80, л. 84.

² ЦГАКА, ф. 299, д. 2, л. 44.

мелких отрядов противника в деревнях ижевского направления.

Командование белогвардейских частей решило задержать продвижение полков сводной дивизии, захватить Агрыз, отрезать и уничтожить гарнизон Сарапула. Выполнить эту задачу было нетрудно: белые знали, что в Агрызе красные имеют всего лишь батальон пехоты, составленный из нестроевых рот, да перевязочный пункт. Разбив эти подразделения, можно уничтожить штаб дивизии во главе с самим Азиным.

Рано утром 8 октября усиленный полк белогвардейцев, сопровождаемый двумя батареями, сбил сторожевое охранение у деревни Малая Пурга и двинулся к Агрызу.

Азин просматривал боевые донесения от командиров полков, когда у штаба разорвался снаряд и взрывная волна швырнула осколки стекла на стол.

— Что такое? — вскочил со стула начальник канцелярии Петр Ладонин. — Стреляют! Откуда?

Ветер внес в разбитое окно гул ружейных залпов, частые пулеметные очереди, и недоуменные вопросы отпали сами собой. Все работники штаба поняли: над ними нависла большая беда и надо что-то немедленно предпринимать, спастись от гибели.

Все окружили стол Азина, ожидая, что скажет он — начальник дивизии.

Азин спокойно собрал документы, положил их в полевую сумку, сказал:

— ■ Все в строй. Агрыз надо удержать любой ценой. Ладонин, вызовите связных и разведчиков.

Их не нужно было звать, они сами явились, готовые выполнить любой приказ начдива.

Своего любимца Толю Михайлова Азин послал к командиру нестроевой роты 4-го сводного полка Ботоногову с приказом поднять всех по боевой тревоге и выступить навстречу противнику к деревне Малая Пурга.

— Разрешите и мне идти с ними? — по-мальчишески звонко попросил Михайлов.

— ■ Бегом! Будешь связным у Ботоногова.

Петра Ладонина Азин послал в 1-й эксплуатационный железнодорожный отряд.

— Передай командиру отряда: именем Революции требую немедленно выступить на помощь батальону пехоты.

— А если командир откажется? Он нам не подчинен.
— Убей гада и сам веди отряд. Ясно?
— Слушаюсь, товарищ Азин! — твердо произнес Ла-Донин и выбежал из штаба.

Своему ординарцу Карлу Стеку Азин приказал:

— Поднимай всех вокруг шатающихся: поваров, портных, сапожников, оружейных мастеров—и веди сюда.

Только Стек ушел, появился связной с переднего края. Левая рука его, обмотанная разодранной рубахой, висела на перевязи. Тяжело дыша, связной доложил:

— Контра жмет, товарищ начдив, с трех сторон. Не меньше двух полков. Вторая рота отошла, и белые ворвались в Малую Пургу. Убит командир третьей роты. Патроны у наших кончаются. Комбат просит подкрепления.

— Передайте командиру батальона — надо продержаться три часа. Малую Пургу отобьем. Патроны подбросим. Позиции не сдавать. Ни шагу назад!

— Передам, товарищ начдив.

— ■ Доедешь?

— Царапина,— поправил повязку связной.— Людей мало. Сами понимаете,— и быстро вышел на улицу.

Азин сел к столу, написал:

«Уром. Командиру боевого участка Хлистуну.

Высылайте роту немедленно для спасения Агрыза. Промедление грозит пагубой общего дела. Москowцам прикажите тоже наступать и чтобы они тоже приняли участие в обороне Агрыза.

А з и н».

Передав листок мальчику-связисту Володе Алексееву, сказал:

— Пулей на телеграф. Пусть передадут вне всякой очереди.

Рокот пулеметов приблизился. «Неужели сбили роту на левом фланге? Как остановить противника? Никогда еще не было такого тяжелого положения. Надо поставить огневой заслон между двумя высотами. Пройдут лощину — ворвутся в Агрыз».

К Азину подошел Битовт, тихо попросил:

— Давай и мне дело. Не могу сидеть.

Азин посмотрел на узколицего, ясноглазого, удивительно спокойного Битовта, ответил:

— Возьми наших разведчиков, все отремонтированные пулеметы и займи высоту у лощины. Никого из лощины не выпускай. Артиллеристов тоже туда пошлю.

— Не выпущу,— с угрюмой яростью заверил Битовт и торопливо вышел из штаба.

Вернулся Володя Алексеев, доложил:

— Приказание ваше исполнил, товарищ Азин.

— Молодец! Слетай к командиру взвода тяжелой артиллерии Русочкину и передай — пусть немедленно выезжает на левый фланг к лощине.

— Одна нога здесь, другая там,— польщенный похвалой начдива сказал Володя и выбежал из штаба.

«Все ушли. Прорвутся бандиты к штабу — прикрыть нечем,— с горечью подумал Азин.— В резерве один начдив».

В дверь резко постучали.

— Войдите,— сказал Азин, угадывая, кто к нему пожаловал.

В комнату торопливо вошел пожилой человек в кожаной куртке. За поясом торчал револьвер. По-военному приложил руку к фуражке, по-граждански доложил:

•— Привел к вам небольшое подкрепление. Все люди партийные. Можете смело доверить самый трудный участок. Не подведем.

Азин вскочил, двумя руками потряс широкую шершавую ладонь незнакомого и в то же время беспредельно близкого человека, сказал с глубочайшим уважением:

— Прибыл главный резерв! У всех оружие есть?

— Человек десять с револьверами. Ничего! Возьмем у белых.

— Всем дадим винтовки. По дороге захватим железнодорожников— и на позиции! Сам поведу.

У штаба Азин увидел два отряда: хозяйственную команду, собранную Карлом Стеком, и взвод сугубо штатских людей в пиджаках, тулупах, ватниках.

Азин подозвал Стека, сказал: •

— Слетай в оружейную мастерскую, возьми полсотни винтовок и доставь сюда. Мы пойдем на Малую Пургу.

Железнодорожники и рабочие ремонтных мастерских не работали: обсуждали вопрос — что делать, если неприятель ворвется в город.

Азин подъехал к толпе, крикнул:

— Агитацией заниматься некогда. Кто за Советскую власть — пристраивайся к моему отряду.

Толпа притихла, раскололась на две части. Большинство присутствующих присоединилось к сводному отряду Азина.

А в это время белые потеснили вторую роту и, перемахнув через высоту, широкой волной хлынули в ложину. Окрыленные успехом, они шли в полный рост с неистовым, нарастающим «ура». И тогда со второй высоты в упор по атакующим хлестнули пулеметы. Стоны и крики раненых оборвали «ура». Цепь метнулась влево, но и здесь белых резали пулеметные очереди, и солдаты поняли, что попались в ловушку, и побежали назад. Бывалые пулеметчики Ян Гробляус, Иван Веселов и Иван Глывко не дали уйти бегущим, расстреляли точными короткими очередями.

На высоту вскарабкалась новая цепь белогвардейцев, но опуститься в ложину не решилась и откатилась назад.

По высоте, занятой пулеметчиками Битовта, открыла огонь артиллерия противника. Осколки снаряда пробили грудь Ивана Веселова.

— Окопаться за высотой, — передал по цепи Битовт.

В ту же минуту из соседней роци тяжело ахнула гаубица. Это орудийный расчет Граниса вступил в контрбатарейную борьбу. Наводчик Савакунас, с предельной точностью выполняя распоряжения командира расчета, вывел из строя неприятельское орудие.

На правом фланге два батальона противника, преследуя отступавшую третью роту, подошли к железнодорожному полотну. Бойцы сражались храбро и стойко, пока в подсумках были патроны.

К поредевшей цепи подскакал связной Азина, человек необыкновенной храбрости, Арвид Балод и, стараясь перекричать грохот боя, во весь голос крикнул:

— Держись! Азин идет с отрядом! Держись!

— Азин! Азин с нами! — прокатилось по цепи, и бойцы остановились, вскинули штыки и пошли в атаку. И в эту цепь влились давно не воевавшие люди — повара, сапожники, портные, оружейные мастера, неистовые в своем гневном железнодорожники, слесари, токари, партийные и советские работники.

Рядом поднял в атаку свою нестроевую роту Бото-
ногов. В такие минуты бойцы забывают о своих болез-
нях, все — строевые и думают лишь об одном: «Или мы
или они нас доканают, выбора нет».

Неистовый штыковой удар опрокинул атакующих.
В цепь белогвардейцев ворвался со взводом конной раз-
ведки Азин, и началась рубка.

...Вечером усталый, но счастливый Азин сидел за сто-
лом и не спеша подбирал слова для приказа № 175.

«Сегодня противник повел наступление, имея задачей
окружить Агрыз и отрезать этот центр от Сарапула,—
писал начдив.— Благодаря стойкости наших товарищей
красноармейцев, доблестно сражавшихся под Агрызом,
белые с большими потерями отражены и обращены в бег-
ство».

Азин отложил карандаш, задумался. Надо поблаго-
дарить самых смелых, стойких, мужественных. Не легко
это сделать: в этом неравном бою все были героями.
Н все-таки можно выделить храбрейших. Запомнился
разведчик Петр Романов. Он был первым в контратаке.
Ловкий, сильный, яростный, он зарубил восемь бело-
гвардейцев. Раненный дважды, продолжал наносить
смертельные удары. Третья пуля выбила Романова из
седла. А три дня тому назад в разведке под деревней
Бураново Петр Романов и мальчишка-доброволец Ана-
толий Михайлов в поле за стогами сена наткнулись на
разъезд белых. Их было двенадцать. Ехавший впереди
Толька выхватил шашку и с диким возгласом «Эска-
дрон, за мной!» поскакал навстречу белым всадникам.
А в эскадроне-то всего один Романов.

Напуганный разъезд повернул коней. Анатолий Ми-
хайлов убил двух белогвардейцев. Привезли документы,
оружие, седла.

Храбрейшим из храбрых можно назвать наводчика
Савакунаса. Сколько он сегодня пулеметов погасил,
сколько товарищей от гибели спас! Разве он не заслужи-
вает высшей награды — ордена Красного Знамени? обя-
зательно надо представить к ордену всех троих.

Это боевики, а вот самые мирные люди — красноар-
мейцы перевязочного пункта Линева, Селиванова, Тиле-
щук, Царьков, Авдеевичев — в тяжелую для дивизии

* ЦГАКА, ф. 299, д. 2, л. 46.

минуту, отражая атаки белогвардейцев, проявили высшую воинскую доблесть. Застенчивый, пухлощекий санитар Царьков заменил раненого командира роты, убил четырех вражеских солдат, возгласом «ура!» поднял боевых друзей в атаку и взял в плен онемевший от страха взвод противника.

Можно гордиться такими замечательными бойцами. Гордиться, заботиться о них, беречь их. Тяжелый бой был, погибли лучшие из лучших. Много раненых. Им оказана первая помощь, а ведь некоторых нужно немедленно оперировать. Надо поторопить комендантов станции. Азин вырвал листок из полевой книжки, написал:

«Комендантам станций от Агрыза до Вятских Полян. Санитарные поезда, отправляющиеся с ранеными на Вятские Поляны, не задерживать в пути, ибо это губительно может отразиться на здоровье раненых. Азин»¹.

Листок передал связному Балоду.

— На телеграф, пулей!

Людей надо беречь! Вовремя накормить, тепло одеть, сохранить от болезней. Дивизия с каждым днем пополняется, растет. Из бывших партизан отряда Михаила Горелова организован 5-й сводный полк. Шлют добровольцев вновь возрожденные местные Советы. Из Можгинской волости прибыло 470 человек, из Агрызской — 175, из города Сарапула — 323.

Посланные политотделом дивизии коммунисты-агитаторы и бойцы-продовольственники, опираясь на бедноту, выявили и изъяли у кулаков и спекулянтов хлебные запасы. 9 октября в адрес Совета рабочих депутатов Москвы было отправлено 20 900 пудов ржи. На следующий день начдив Азин направил в Москву продовольственный поезд имени 2-й Железной дивизии в составе 19 вагонов, доверху груженных рожью. Сопровождающий поезд коммунист Захаров повез в столицу специальное письмо:

«2-я красная железная дивизия в лице моем шлет этот подарок красной революционной Москве. Пусть красная революционная Москва — сердце революционной России верит, что Красная Армия сумеет добыть Своей кровью хлеб для голодающих рабочих и беднейших крестьян.

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 80, л. 144.

Будьте тверды в тылу! Красная советская революционная армия стальной стеной встала на защиту Советской власти, и нет такой силы, которая могла бы одолеть наших красных революционных чудо-богатырей.
Да здравствует Красная Армия!

Азин»¹.

Тысячная толпа провожала поезд. Воинский оркестр исполнил марш, паровоз прокричал: «Иду, иду», — и колеса дружно зашептали: «Пошел, пошел, пошел». На груди паровоза алела широкая лента с надписью: «Подарок Красной Москве от Железной дивизии».

Железная! Это почетное звание не присваивалось специальным приказом, народ назвал 2-ю сводную дивизию Железной. Добровольцы приходили в штаб и решительно заявляли:

— Хотим служить в Железной дивизии.

12 октября в Агрыз пришли с оружием и патронами 54 белогвардейских солдата. Перебежчиков принял Азин. Осмотрел заросшие, темные от пыли суровые лица, строго спросил:

— Кто такие? Откуда явились?

Беглецы молча переглянулись. Из толпы вышел пожилой, седоусый, в ладно пригнанной шинели солдат и, не теряя чувства достоинства, заявил:

— Мы ижевские рабочие. По доброй воле перешли к вам. Хотим в Железной дивизии искупить свою вину перед Советской властью.

— Рабочие! — вспыхнул Азин. — Как же это так получается, представители диктатуры пролетариата? Выходит, что вы, иуды, в собственную власть стреляли? Как же вы дошли до жизни такой?

Багровый тяжелый румянец залил скулы седоусого. На них выступили крупные капли пота. Не глядя в лицо Азину, сказал:

— Правду не легко найти. Эсеры опутали. Коммунистов у нас в ту пору почти не было, все на фронт ушли. Каждый день митинги, каждый день угрозы. И дома отберут, и скотину в коммуну стянут, и огороды отрежут...

— Постой, постой. Что-то я ничего не понимаю. Какие дома, какая скотина?

¹ ЦГАКА, ф. 299, д. 2, л. 49,

— Так ведь у нас у каждого, почитай, свое хозяйство: дом, огород, корова, поросята. Днем на заводе, вечером в саду ковыряемся...

— Какой же вы пролетариат? Вы мелкие собственники, двоедушники. Одна сторона души — рабочая, другая — мужицкая. И вот мужицкая оказалась сильнее, переборола.

Азин медленно обошел толпу, упорно всматриваясь в лица. С горечью сказал:

— Тяжелый случай. Может быть, вы типичные рысаки. Сегодня от белых убежали, завтра от нас к зеленым переметнетесь. Где гарантия, что вы будете служить честно Советской власти?

— Можете не сомневаться, гражданин начальник. Конечно, на совести нашей большое пятно, однако мы все-таки рабочего класса люди. Потому и пришли сюда, не побоялись, и винтовки принесли. Воля ваша — принять или не принять. Я говорю от имени всех, они меня выбрали.

— Попробуем вас отшлифовать, граждане рабочие. Предупреждаю заранее: ежели кто мое доверие обманет, под землей найду и пощады не дам. Ясно?

— Ясно! Куда ясней! Как рашпилем по сердцу дернул! — раздались голоса из толпы.

Азин подозвал ординарца Стека, громко сказал:

— Сведи на кухню, покорми товарищей красноармейцев. Скажи поварам, пусть дадут двойную порцию. Отощали на эсеровских-то харчах, кости кожу рвут.

По приказу Азина 54 перебежчика были зачислены в 3-й сводный полк. Начдив подчеркивал:

«...Приказываю командиру 3-го сводного полка вооружить ижевцев, обмундировать, снабдить всем необходимым и в дальнейшем содержать наравне со всеми красноармейцами»¹.

¹ ЦГАКА, ф. 299, д. 2. л. 54.

IV. ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

1

В ночь на 16 октября 1918 года миноносцы «Пряткий», «Прочный» и «Ретивый» с потушенными ■ огнями прошли мимо занятого белогвардейцами села Николо-Березовки и благополучно прибыли в город Сарапул.

На крытой плавучей пристани боевое пополнение 2-й сводной дивизии встречали представители уездного комитета партии, горисполкома, красноармейцы гарнизона. Начищенные трубы оркестра сыграли веселый марш, и миноносцы, волоча за собой шарфы темно-бурого дыма, пришвартовались у пристани.

Командующий флотилией Ф. Ф. Раскольников со своим главным помощником по оперативной части Н. Н. Струйским и командиром Полтавского полка Л. В. Головко прошли в двухэтажный каменный дом с балконом на базарной площади.

За стаканом чая Головко рассказал Раскольникову и Струйскому о том, что белогвардейцы вывезли из местной тюрьмы заключенных и держат их в барже у села Гальяны.

— Начдив Азин велел мне передать вам его просьбу, — сказал в заключение Головко. — Не можете ли вы освободить этих узников, спасти их от гибели?

— Подумаем! — посматривая на часы, взволнованно произнес Раскольников. — Азину пока ничего не сообщайте, Сделаем, тогда отрапортуем,

Закусив черствым бутербродом с голландским сыром, Раскольников поблагодарил Головко и вместе с помощником не спеша пошел к пристани, обдумывая на ходу план действий.

Побеседовав, пришли к единому мнению. Со своим решением командующий флотилией ознакомил командиров кораблей.

Через полчаса Раскольников поднялся на борт миноносца «Прыткий» и отдал приказ:

— Спустить красные флаги!

Команда вызвала недоумение, но была выполнена быстро, беспрекословно.

Последовал новый приказ:

— Все наверх! С якорей сниматься!

Миноносцы построились в кильватерную колонну и, разрезая острыми форштевнями темно-синюю воду, двинулись к Гальянам.

Миновали линию фронта. Артиллерийские расчеты миноносцев укрылись в надстройках, готовые по первому сигналу открыть огонь по неприятелю. Комфлота стоял рядом с вахтенным начальником «Прыткого» и, пытаясь успокоить самого себя от нервной дрожи, тихо насвистывал вальс «На сопках Маньчжурии».

Наконец показалась слева по носу, на горе, белая каменная церковь села Гальяны. Зорко осматривая реку, Раскольников увидел против церкви стоявшую на якоре почерневшую деревянную баржу. На ней сидели и стояли люди в черных полушубках и косматых бараньих шапках. «По-видимому, охрана. Значит, это и есть «баржа смерти», — догадался Раскольников.

В амбразурах колокольни торчат, словно указательные пальцы, черные стволы пулеметов. У серой стены притаилось, вытянув к реке длинную шею, трехдюймовое орудие. Из кустов, покрывающих отлогую песчаную отмель, с мальчишеским любопытством глазают на миноносцы солдаты в новеньких серых шинелях. У пристани темной глыбой застыл неуклюжий колесный пароход «Рассвет».

Миноносец «Прыткий» поравнялся с плавучей тюрьмой. Подавив мешавшее говорить волнение, Федор Раскольников передал команду:

— Внимание! Его высокое превосходительство адми-

рал Старк приказывает вам приготовиться к походу. Сейчас мы возьмем баржу с арестованными на буксир и отведем в Уфу.

Усиленный мегафоном голос далеко разнесся по широкой реке. Сумрачные лица конвойных преобразились, на губах появились улыбки. По-видимому, их пугала близость фронта и, конечно, обрадовала перспектива спокойно пожить, повеселиться в глубоком тылу.

— А как же красные? — нерешительно спросил старший из конвойных, — Ведь они в Сарапуле. Не проскочишь...

Этот вопрос Раскольников предвидел. Ответил твердо, уверенно:

— Сарапул сегодня утром занят нашими доблестными войсками. Красные бежали в Агрыз.

Эти слова вызвали восторг и лихорадочную суету среди конвойных. Покрикивая друг на друга, они стали проворно и ловко выбирать вручную тяжелый железный якорь.

Миноносец «Прыткий» по команде комфлота медленно, важно подошел к стоявшему у пристани пароходу «Рассвет», нагруженному желтоватой поленицей дров. Молодой вахтенный начальник поднес к губам мегафон и повелительно, громко, под диктовку комфлота произнес:

— На буксире!

— Есть, — не сразу донесся до миноносца чей-то хрипловатый басок.

— По приказанию командующего флотом адмирала Старка возьмите на буксир баржу с арестованными и отправляйтесь в Уфу. Мы будем вас охранять.

Тишина! Жуткая, леденящая, кажущаяся бесконечной тишина. Мегафон нервно вздрагивает в руке вахтенного начальника. Все думают об одном и том же: «Неужели на «Рассвете» догадались, чьи это миноносцы?» Тревога усилилась, когда пожилой волгарь глуховатым баском настороженно ответил:

— У нас мало дров. Не дойдем.

— Не беспокойтесь! В дороге наберем, — поспешил успокоить команду «Рассвета» Раскольников.

— Есть! — прозвучало громко и решительно. Вода вокруг буксира заклокотала, покрылась белыми хлопьями.

Заведя буксирный конец, пароход дернул и медленно потащил за собой баржу.

— Только бы не догадались, только бы не догадались,— тихо и взволнованно произнес вахтенный начальник.— Бросят гранаты в трюм, погубят людей.

— Спокойно, спокойно,— сказал Раскольников, потирая нервные тонкие руки.— Все идет по плану.

Конвоиры смеялись, пели, не подозревая, что плывут на барже, ставшей их тюрьмой с той минуты, как они оставили Гальяны.

Незаметно на реку опустился вечер. Густой туман, как дымовая завеса, закрыл берега. В полной тишине и темноте миновали линию фронта.

Моряки на миноносцах внимательно, напряженно следили за пароходом и баржей и все думали об одном и том же: не посадили бы белогвардейцы плавучую тюрьму на мель. А еще хуже, вдруг догадаются, поймут и забросают узников гранатами.

За деревней Макарово к миноносцам присоединился удивительно подвижный и ловкий вооруженный пароход «Волгарь-доброволец». Осуществляя задуманный комфлотом Раскольниковым план, командир парохода А. С. Леонтьев смело направился к барже смертников. Не прошло и пяти минут, как ворвавшиеся на палубу баржи матросы обезоружили ошеломленную, напуганную стражу.

Открыв люки баржи, моряки увидели плотно прижавшихся друг к другу, покрытых рогожами и мешками, исхудалых, оцепеневших от ужаса людей. Боцман Белов наклонился над люком и, с трудом владея дрожащим голосом, ласково произнес:

— Братцы, родные наши! Живы?.. Вы свободны!

Готовые к гибели люди зашевелились, зашептались, не веря своему великому счастью.

— Свои! Свои! — закричали матросы.— Это Красная флотилия. К своим попали, товарищи!

И родное, радостное слово — «товарищи» — вернуло к жизни узников «баржи смерти». Помогая друг другу, они стали вылезать на палубу. Люди плакали и смеялись, кричали «ура!» и пели, обнимали и целовали своих спасителей. Захлестнутые потрясающей жалостью к этим измученным, голодным, дрожащим от стужи людям, матросы стали раздавать им свои скромные пайки.

И никто не заметил, как корабли подошли к сарапульской пристани.

Взволнованный блестящей бескровной победой командир флотилии Федор Раскольников тут же в каюте написал телеграмму В. И. Ленину:

«...В ночь с 16 на 17 октября Волжская флотилия прошла от устья реки Белой в Сарапул, где и соединилась с дивизией Азина. Получив здесь сообщение о том, что выше Сарапула, в 15 верстах по течению Камы, в селе Гальяны стоит баржа, нагруженная арестованными красноармейцами и советскими работниками, вывезенными белой гвардией при отступлении из Сарапула, флотилия тотчас направилась вверх по Каме. Миноносцы подошли к белогвардейскому пароходу и приказали ему именем командующего взять на буксир баржу с арестованными и немедленно следовать в реку Белую. Принимая нашу флотилию, идущую без флагов, за белогвардейскую, караул немедленно подчинился, и под охраной миноносцев баржа была приведена в Сарапул. На ней оказалось 432 советских работника... Все они были приговорены к расстрелу с наступлением темноты...»

...Утром бледные, исхудалые люди, сжимая костлявыми руками сползающие с плеч рогожи, медленно прошли на базарную площадь. Колонна «воскресших мертвецов» растянулась на версту. Сарапульские рабочие, ремесленники, кожевенники, сапожники, рыбаки стояли стеной и, зорко всматриваясь в изможденные лица, искали родных и знакомых. Женщины в пестрых ситцевых платках отворачивались, увидев в прорехах рогож голое синеватое тело, и торопливо вытирали слезы на опухших красных глазах.

На базарной площади была сооружена дощатая трибуна с перилами. Первым выступил Раскольников и рассказал о том, как были спасены от смерти 432 узника плавучей тюрьмы. Предельно кратким было выступление комиссара Федора Кузьмина, призвавшего сарапульцев и людей в рогожах беспощадно мстить белогвардейцам за мучительную гибель своих товарищей. От имени командования 2-й сводной дивизии военный комиссар поблагодарил героев моряков и закончил речь призывом:

— Товарищи! Вступайте в ряды Красной Армии. Освобождайте родную землю от вражеских банд.

Последним выступил человек в рогоже. Он рассказал

о том, Как тюремщики морили их голодом, как обреченных на смерть выволакивали на палубу и штыками сбрасывали в Каму. Так погибли участники революционных боев 1905 года коммунист Шевелев, председатель Сарапульского уездного исполкома Красноперов, секретарь уездного Совета Зылев и другие верные сыны народа — большевики. Не в силах сдержать слезы радости оратор в рогоже низко поклонился своим спасителям — матросам и попросил Головку:

— Дайте мне винтовку. Хочу с кадетами за все рассчитаться.

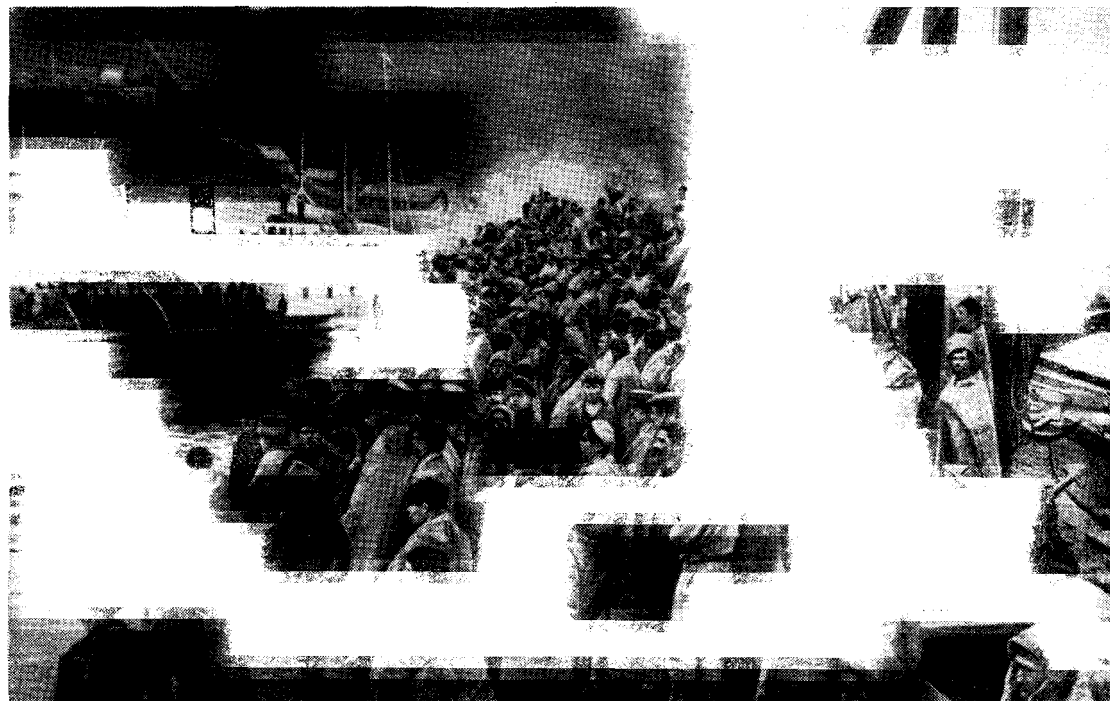
И он первым получил красноармейское обмундирование и новенький, только что отобранный у его бывшего тюремщика карабин. Его примеру последовали многие из бывших узников «баржи смерти». Китаец с туго обтянутыми скулами торопливо сбросил рогожное покрывало, нырнул в просторную солдатскую гимнастерку, быстро натянул шаровары и, поцеловав стоявшего рядом с ним молоденького матроса, заговорил горячо, страстно, путая китайские слова с русскими. Он говорил очень быстро, и все-таки стоявшие вокруг него люди поняли, что этот маленький, иссушенный голодом человек хочет убить много, много белых генералов, с такой неслыханной жестокостью мучивших его в трюме плавучей тюрьмы.

...В тот же день начдив 2-й сводной Азин после посещения кораблей флотилии доложил командарму Шорину о спасении узников «барж» смерти и пленении 23 стражников караульной команды.

...Части дивизии, отражая набеги бандитских шаек, пытавшихся разрушить мосты и железнодорожное полотно в прифронтовой полосе, готовились к штурму Ижевска. 20 и 21 октября полки 2-й сводной проверялись весьма авторитетной комиссией — Реввоенсоветом армии и уполномоченным из Москвы В. А. Антоновым-Овсеенко.

Азин, сопровождая командарма Шорина, с радостью заметил, что все команды бойцы выполняют уверенно и точно, службу знают и любят. Эти наблюдения были в дальнейшем подтверждены специальным приказом по войскам 2-й армии. В нем говорилось:

«21 октября я объехал некоторые части 2-й дивизии, находящейся в боевой линии. Все действия и распоря-

Освобожденные узники „баржи смерти“. Сарапул, 18 октября 1918 года

жения начальников по выполнению данной задачи совершенно правильные, и намеченный план выполняется. Служба заставами в боевой линии несется внимательно, чутко смотрят за противником. Все хорошо ознакомлены с обстановкой, местность учтена. Захваченные пространства закрепляются окопами. В частях*осмотренных — порядок. Дежурные части весьма быстро собирались по сигналу и в полной готовности для боя. Настроение товарищей красноармейцев твердое, все горят желанием продолжать борьбу до полной победы над белыми...

От имени республики и от себя приношу благодарность товарищам Азину, Чевереву, командиру броневое поезда «Свободная Россия», всему командному составу и всем товарищам красноармейцам за порядок, боевую деятельность и понесенные труды»*.

Прочитав этот приказ, Азин сказал военкому Кузьмину:

— Теперь надо ждать команду — наступать на Ижевск. Командарм сам убедился, что наши полки потеряли «партизанский душок» и превратились в регулярные части, способные решать сложные боевые задачи.

— В приказе об Ижевске — ни слова, — заметил Кузьмин. — Невольно создается впечатление, что командарм выжидает, запрашивает резервы, не очень-то верит в наши силы.

— Есть святое правило — действия старших начальников не обсуждаются, — покусывая карандаш, сказал Азин. — Но мы с вами — большевики и ко всякому делу должны иметь партийный подход. Давайте трезво взвесим обстановку. Район северного фронта мятежников окружен с севера Особой Вятской дивизией, с востока Особыми Камскими отрядами и с юга нашей дивизией. Если объединить усилия всех этих частей, армия Зуева не выдержит и разбежится по окрестным деревням и селам.

— Для того чтобы она быстрее разбежалась, нам надо усилить агитацию в частях противника, используя для этой цели перебежчиков и пленных, — заметил Кузьмин.¹

¹ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), ф. 143, д. 126, л. 4.

— Я недавно послал комендантам станций телеграмму: «Пошлите мужиков к белым, передайте — если хотят в плен, пусть идут — примем», — улыбаясь, сказал Азин. — Этого, конечно, мало. Надо вам, Федор Кузьмич, подготовить еще одну партию листовок и, подобрав надежных людей, двинуть все это в лапотное войско. В тыл врага их могут подвезти наши канонерские лодки. Сейчас они по несколько раз в день выходят вверх по Каме и обстреливают позиции в Докше, Мерзлеках, Забегаловке.

— Будет сделано, Владимир Мартынович, — заверил Кузьмин.

Азин поморщился, раздраженно сказал:

— Прошу не называть меня Мартынович. Меня в учительскую семинарию не приняли, когда узнали, что отец — латыш Мартын. С тех пор я себя Михайловичем зову.

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласился Кузьмин. — Учту. — И вышел из штаба.

Азия подпер скулы ладонями, задумался. Неделю тому назад он послал в Витебский губернский военный комиссариат телеграмму: «Срочно телеграфно сообщите в чьих руках Полоцк по адресу Сарапул начальнику дивизии Азину». Почему-то не ответили. Живы ли отец и мать, брат Оскар и сестра Ольга? С тех пор как взяли в армию, потерял с ними связь.

Закрутили, завертели необыкновенные события: две революции, наступление немцев, бои под Двинском, гибель боевых друзей... Тяжело, очень тяжело на сердце, когда ничего не знаешь о судьбе самых близких и дорогих людей.²

2

Организатор обороны Советского государства Владимир Ильич Ленин особое внимание уделял Восточному фронту. Новые формирования Красной Армии требовали оружия. По расчетам главкома И. И. Вацетиса и члена РВС Республики С. И. Аралова ежемесячно требовалось не меньше ста тысяч винтовок и сто миллионов патронов. Нужно было как можно скорее освободить оружейные заводы Ижевска и Воткинска. 20 октября 1918 года Председатель Совнаркома В. И. Ленин и Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов направили в Арзамас

Главнокомандующему И. И. Вацетису специальную телеграмму:

«Крайне удивлены и обеспокоены замедлением с взятием Ижевского и Боткинского. Просим принять самые энергичные меры к ускорению. Телеграфируйте, что именно предприняли»¹.

В беседе с находившимся в Москве членом Реввоенсовета 2-й армии С. И. Гусевым В. И. Ленин подчеркнул особую важность быстрого освобождения Ижевска и Воткинска.

Главком Вацетис передал директиву командарму 2 Шорину — ускорить ликвидацию армии мятежников в районе Ижевска.

Начдив 2-й сводной Азин получил приказ — подготовиться к наступлению на Ижевск 25—26 октября.

Утром 24 октября части дивизии заняли село Нечкино на реке Каме. Левый фланг наступающих выдвинулся на линию Козьмодемьянское, Девятово, Кулай-Норья.

Части правого фланга дивизии должны были перерезать железнодорожную линию Ижевск — Воткинск и, расчленив силы белогвардейцев на две части, установить связь с Вятской дивизией.

Начавшееся наступление было приостановлено командармом Шориным до подхода еще двух резервных полков.

Противник воспользовался затишьем на фронте и в ночь на 29 октября перешел в контрнаступление на участке Малая Венья — Юськи. Белогвардейцы двинулись в атаку пятью цепями. Застава из 300 бойцов приняла неравный бой и сбила три вражеские цепи. Сражались, пока не кончились патроны. Отошли по приказу комполка Северихина к селу Юськи.

Получив донесение о непрекращающихся атаках неприятеля и остром недостатке боеприпасов, Азин послал Северихину записку:

«Постарайтесь хоть сутки удержать занимаемые позиции. Прибыл командующий армией Шорин. Прибывают два полка на подкрепление — завтра к ночи или к утру послезавтра будут здесь. Пункты, уже ныне занимаемые, хорошо берегите. Постарайтесь...»^{2, 12}

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 307.

² ЦГАКА, ф. 1328, д. 80, л. 389.

И эту просьбу командир 3-го сводного полка коммунист Северихин выполнил с честью. Бойцы отбили несколько атак противника и удержали в своих руках село Юськи.

3 ноября начдив 2-й сводной Азин получил приказ по войскам 2-й армии № 200. Обрадовался, прочитав:

«...Войскам Второй армии перейти в решительное наступление для окончательного овладения Ижевском». Наконец-то кончилась полоса оборонительных боев — 6 ноября полки пойдут в атаку. И Азин стал прикидывать, как поставить свои части, решить сложную боевую задачу. Когда прочел приказ до конца, невольно воскликнул:

— Вот это приказ. Задачи даны не только полкам, но и батальонам... Как будто не существует штаба дивизии...

Работали до поздней ночи. Пашковский, оформив приказание частям дивизии, ушел спать на диванчик. Азин положил усталую голову на руки и уснул за столом.

...5 ноября в селе Юськи командарм Шорин собрал командиров на расширенное заседание Военного совета армии и, охарактеризовав оперативную обстановку на фронте, напомнил основные пункты своего приказа № 200.

Начальник штаба армии Н. Г. Семенов прочел приказ-обращение, глубоко взволновавшее всех присутствующих. В нем говорилось:

«...Товарищ Ленин просил вернувшегося из Москвы члена Реввоенсовета 2 Гусева передать, что к торжественному дню годовщины рабоче-крестьянской власти в России он ожидает донесение о взятии Ижевска. Реввоенсовет уверен, что красноармейцы Второй армии оправдают надежды товарища Ленина и дадут возможность послать 7 ноября на торжественное заседание Всероссийского съезда Советов экстренную телеграмму о взятии Ижевска»¹.

Азин тихо сказал сидевшему рядом с ним комиссару Кузьмину:

— Федор Кузьмич, возьмите копию обращения и аллюром летите в нашу походную типографию. Прикажете размножить в виде листовки. Чем скорее сделают, тем лучше.¹

¹ Журнал «Красная Армия» № 18—19 за 1922 год.

— Я об этом только что подумал. Выпустим экстренный номер газеты и листовку. Сам прослежу,— пообещал Кузьмин.

Поздно вечером в окопах и на огневых позициях бойцы коммунисты читали товарищам по оружию приказ-листовку. И там, где можно было провести митинги, выступали красноармейцы и давали клятву:

— Выполним наказ Ленина! Даешь Ижевск!

Белогвардейское командование, стремясь удержать Ижевск в своих руках, мобилизовало все мужское население мятежного района от 16 до 60 лет для производства оборонительных работ. Руками тысяч мобилизованных были отрыты окопы полного профиля и ходы сообщения, установлены заборы колючей проволоки и оборудованы огневые позиции для орудий и пулеметов, создано несколько оборонительных районов.

Располагая обстоятельными разведывательными данными, Азин имел полное представление о системе оборонительных сооружений противника на ижевском направлении. Начдив 2-й сводной понимал, что прорвать сильно укрепленные позиции противника пехота может только совместно с артиллерийскими подразделениями. Еще в 6 часов утра 5 ноября Азин послал телеграмму командиру бронепоезда «Свободная Россия» Шомину:

«Приказываю запастись необходимым и отправиться вперед в сторону Ижевска и у дер. Старкова Бора, имея связь с 3-м полком, обязательно оказывать содействие в наступлении пехоте 3-го полка, который пойдет в 6 час. утра завтра. Для продвижения вперед необходимо вам иметь связь с ротой железнодорожного батальона, которая должна возводить впереди мосты, сожженные белыми»¹.

Одновременно Азин передал распоряжение роте железнодорожного батальона «отправиться вслед за броневым поездом «Свободная Россия» в сторону Ижевска и оказать содействие к наискорейшему возведению разрушенных мостов».

К вечеру 5 ноября 3-й и 4-й сводные полки выбили противника из населенных пунктов Бахилов, Вотские Бисарки, Малый и Старый Венья и Шудзи. Белые отошли на свои основные, сильно укрепленные позиции.¹

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 54, л. 4.

Накануне решительного штурма Азин совместно с военкомом Кузьминым еще раз проверил боевую готовность полков, наносящих удары на главном направлении. Подытоживая свои наблюдения, начдив сказал комиссару:

— За свои коренные полки — третий и четвертый — я совершенно спокоен. Костыми лягут, но задачу выполнят. А вот пополнением я не доволен. Скажу откровенно, несмотря на заверения штабных работников второго мусульманского полка о том, что все готовы к решительной атаке, у меня нет уверенности, что эти бывшие спекулянты и дезертиры не драпанут с поля боя.

— Да, этот полк свое испытание еще не прошел. По пути на фронт из полка дезертировала одна четверть личного состава, — хмуро сказал Кузьмин. — Партийная организация маленькая, политработники молодые, неопытные...

— И вот такой полк поставлен на решающий участок и должен наступать через Верхние Кены и занять Нижний Чултем, — сказал Азин. — А наш боевой Полтавский полк выдвинут на второстепенное направление. Гальяны прочно прикрывает наша флотилия, и держать там пехоту в такую трудную минуту бессмысленно...

Кузьмин не возражал. Начдив прав, он хорошо знает свои части и, безусловно, способен самостоятельно разработать и осуществить сложную операцию по освобождению Ижевска.

В 6 часов утра артиллерийские батареи Гундорина, подтянутые к переднему краю противника, с закрытых позиций ударили по огневым точкам и противопехотным препятствиям противника у деревень Завьялово, Пирогово и Кирхнеров. Обстрел продолжался около часа. В пробитые артиллерией ворота волнами хлынули красноармейские цепи. Белогвардейцы дрались стойко, отстаивая каждый населенный пункт.

Азин руководил сражением, находясь в полевом штабе, развернутом в селе Юськи. Командарм Шорин уехал в Агрыз, и приходилось каждое самостоятельное решение согласовывать с ним по телеграфу.

Получив первые донесения от Северихина и Чеверева, Азин передал следующую телеграмму в Агрыз командарму 2 Шорину:

«Доношу: 4-й полк занял Лудорвай, движется на Шудзи, имея резервом 5-й Московский полк. 3-й полк занял в 10 часов утра Малую Веню, держа под огнем Пирогово, которое расположено в овраге, имея резервом батальон 6-го полка, расположенный в селе Старая Веня... Мосты лихорадочной работой будут к утру возведены»¹.

Только успел Азин отправить телеграмму, как от командира конного полка Турчанинова поступило весьма тревожное донесение о бегстве с позиций 2-го мусульманского полка. Белогвардейская рота лесом вышла на фланг авангарда полка и внезапным ружейно-пулеметным огнем опрокинула и погнала назад оробевших молодых красноармейцев. Беглецы увлекли за собой товарищей, залегших в цепи, и оголили важнейший участок фронта¹². Противник захватил оставленные паникерами пулеметы и орудия и двинулся вперед, угрожая всему правому флангу дивизии.

В эти смертельно опасные минуты Азин отказался от схемы, предложенной Шориным, и стал действовать самостоятельно. По приказу начдива прорыв надежно закрыли батальоны 6-го сводного полка и резервный эскадрон кавалерийского полка. Штыковой атакой и стремительным лихим ударом конников белогвардейские роты были отброшены на исходные рубежи, прорыв ликвидирован.

Бой затих с наступлением темноты.

Азин со взводом разведки выехал в штаб 3-го сводного полка, расположенный в Малой Венье. Северихин и Аронштам сидели за маленьким столом и, используя данные, только что полученные от разведчиков и пленных, наносили на карту-двухверстку пулеметные и оружейные точки противника.

Увидев Азина, командир и комиссар полка быстро встали. Северихин хотел было рапортовать, но Азин показал на стул, сказал улыбаясь:

— Заканчивайте свое дело. Потом побеседуем.

Подсел к столу, внимательно осмотрел позиции, занимаемые батальонами полка и приданными ему гау-

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 54, л. 10.

² В конце ноября приказом командующего 2-й армией 2-й мусульманский полк был расформирован.

бичной и трехдюймовой батареями. Не найдя на карте резервный батальон 6-го полка, осторожно спросил:

— Что-то не вижу, где у вас стоят резервы?

— А мы не знаем, можно ли на них рассчитывать. По двухсотому приказу они числятся в армейском резерве. В Агрызе, что ли, — ехидно улыбаясь сказал Северихин. — Ничего, обойдемся без помощников.

■ — Не обойдетесь. Противник имеет десятикратное численное превосходство, — строго сказал Азин. — Твой полк, Алексей Иванович, должен первым войти в Ижевск. Тебя назначаю начальником гарнизона города Ижевска. Понятно?

■ — Понятно, понятно, — рассмеялся Северихин. — Великим полководцам подражаешь, товарищ Азин.

— Похвально и приятно подражать Суворову, — сказал Азин. — Однако ближе к делу. Как вам помогает Шорин?

— Бронепоезд не может нас догнать, — вмешался в разговор комиссар Аронштам. — Мосты держат.

— Это плохо. Надо поторопить инженеров.

Азин достал полевую книжку, торопливо написал:

«Инженерам Белоцерковцу и Моисееву.

Из-за вас, друзья, остановка. Когда мост будет готов? Немедленно исправляйте. Жду срочно готовности мостов. Азин»¹.

Разбудил дремавшего ординарца Арвида Балода, приказал:

— В деревню Малая Веня — передашь инженеру Белоцерковцу или Моисееву. Лети пулей!

Азин повернулся к Северихину, строго спросил:

— Сколько людей потеряли?

Северихин молча передал начдиву список убитых и раненых. Азин читал медленно, нервно покусывая карандаш. На лбу появились глубокие, суровые складки. С нескрываемой болью в голосе сказал:

— Хорошие люди погибли. От самой Вятки шли к Ижевску. Надо письма послать родным, теплые, задушевные. Отправить вещи, пособия... Это по вашей части, товарищ Аронштам.

— Сделаем, товарищ начдив.

— Раненых направили в Агрыз? ¹

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 54, л. 17.

— Дороги непроходимы, товарищ Азин.
• — На руках пронести, но спасти героев. Ясно?
— Ночь переспят, а днем отвезем в Ижевск, — уверенно сказал Северихин. — Первая помощь оказана.

Азин посмотрел на часы.

— Спать, спать! Завтра трудный день.

Но уснуть в эту тревожную ночь работники штаба не могли. До утра продолжалась суетливая, напряженная подготовка к штурму. За ночь Азин подтянул к Малой Венье все свои резервные подразделения.

На рассвете ветер принес в деревню военный марш. Азин и Северихин выбежали на улицу, вскочили на коней. Трубы духового оркестра гудели воинственно и зловеще.

— Что-то недоброе задумали лапотники, — сказал Азин. — Поднимай всех по боевой тревоге.

Своему ординарцу Карлу Стеку Азин приказал:

— Собирай всех конников и веди к роще. Я буду там.

Прискакав со связными к роще, Азин увидел необычную, жуткую картину. От деревни Пирогово двигались цепи офицерских батальонов. Шли, как на параде, под музыку, под шелест знамен, строго выдерживая равнение в рядах, с винтовками на изготовку.

— Напужать хотят. Здорово шагают кадеты, — восхищенно воскликнул Толя Михайлов. — Что-то наших пулеметчиков не слышно.

— Слтай к Северихину, передай — без моей команды огня не открывать, — приказал Азин.

Связной хлестнул коня.

Вскоре по окопам и огневым позициям полка прокатилась команда начдива «огня не открывать».

«Как же не открывать? — с тревогой думали молодые бойцы. — Кинутся в штыки беяки, сомнут. Пять цепей выставили».

Гремят трубы. Вьются на ветру знамена. Неудержимо надвигаются шеренги. Остается двести шагов. Тишина. Сто пятьдесят. Нет команды. Сто шагов. Отчетливо видны спокойные, суровые, обветренные лица атакующих. Почему молчит начдив? Что он надумал?

— Огонь! — донеслось из рощи, и бойцы облегченно вздохнули, и грозно, гулко грянул ружейный залп. Целились долго, отчетливо видели врага и потому стреля-

ли без промаха. Первая цепь полегла. Но по-прежнему трубачи трубили марш и четыре цепи так же спокойно печатали шаг.

Бывалые пулеметчики Ивана Глывко, отличившиеся под Казанью, Агрызом и Сарапулом, полоснули по рядам офицеров длинными очередями. Пять минут продолжался губительный фланговый и кинжальный пулеметный огонь. И смолк оркестр, и поредевшие офицерские цепи стремительно кинулись вперед — врукопашную. И тогда Азин приказал комэску Коржаненко:

— Веди своих орлов! — и его любимцы, отборные храбрецы, дали волю застоявшимся лошадям и взметнули белые клинки. Волна пеших столкнулась с лавой конных, и началась отчаянная рубка. Азин видел, как билась его гвардия — связные, ординарцы, разведчики. На помощь кавалеристам бросил свои батальоны Северихин. И тех, что ускользнули от клинков, добились штыками и прикладами.

Цепи контратакующих докатились до пятирядного проволочного заграждения и наткнулись на стену ружейного и пулеметного огня. Бойцы рубили колющие нити прикладами, саперными лопатками, рвали руками, но преодолеть пятирядный частокол не могли и отхлынули назад, на свои исходные позиции.

Азину было обидно и больно сознавать, что такая стремительная атака захлебнулась и на проволоке повисли, пробитые пулями, лучшие из лучших бойцов. И Чеверев ничего не дает о себе знать. Вытащил желтую полевую книжку, торопливо написал:

«Командиру 4-го полка.

3-й полк перешел в наступление, движется прямо на Ижевск. Желательно знать, где вы, какого рубежа достигли, как держится противник? Здесь впереди Пирогова река, но мы ее сейчас пройдем. Противник окружен нами. Все достигли пунктов, указанных в приказе. Смело, товарищи, вперед»*.

Отправив связного к Чевереву, Азин написал распоряжение Гундорину — сосредоточенным огнем на узком участке разбить проволочный забор противника на берегу речки за Пирогово. Не успел связной довести прика-

* ЦГАКА, ф. 1328, д. 54, л. 18.

зания, как со стороны железной дороги прогремел выстрел и за Пироговым поднялся столб огня и дыма.

— Мосты починили! «Свободная Россия» с нами! — закричал Азин.— Северихин, снимай два батальона и вдоль полотна, за бронепоездом ведем в Ижевск.

А в это время полк Чеверева по болоту обошел укрепления противника и ударил по белогвардейцам с тыла.

В Ижевске протяжно, уныло завывали гудки. Это был сигнал тревоги для всего белого фронта.

Расчищая путь огнем орудий и пулеметов, бронепоезд «Свободная Россия» пробился на станцию Ижевск. За ним ворвались в город красные конники с Азиным во главе и пехотинцы Северихина и Чеверева.

Азин вытер и вложил в ножны саблю, прошел на вокзал и написал телеграмму командарму Шорину о взятии Ижевска.

Дежуривший у прямого провода Шорин немедленно донес в Москву, в Кремль, Владимиру Ильичу Ленину:

«Доблестные войска 2-й армии шлют горячее поздравление с Великим праздником и подносят город Ижевск. Сего числа в 17 часов 40 минут город Ижевск взят штурмом».

3

Вечером 7 ноября 1918 года Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны В. И. Ленин направил телеграмму командующему 2-й армией:

«Приветствую доблестные красноармейские войска со взятием Ижевска. Поздравляю с годовщиной революции. Да здравствует Социалистическая красная армия!

Ленин»¹.

Эту телеграмму Азину принес поздно вечером юный связист Володя Алексеев. Положив бланк на стол начдива, с гордостью заявил:

— Товарищ Азин, новость-то какая большая, нас сам Ленин похвалил.

Азин прочел телеграмму, подхватил Володю, подбросил трижды к потолку, сказал улыбаясь:

¹ Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, 1941, стр. 382.

— Новость особой важности. Вот что, дружок, слетай на завод к комиссару Зорину, скажи ему — Азин просит срочно явиться в штаб.

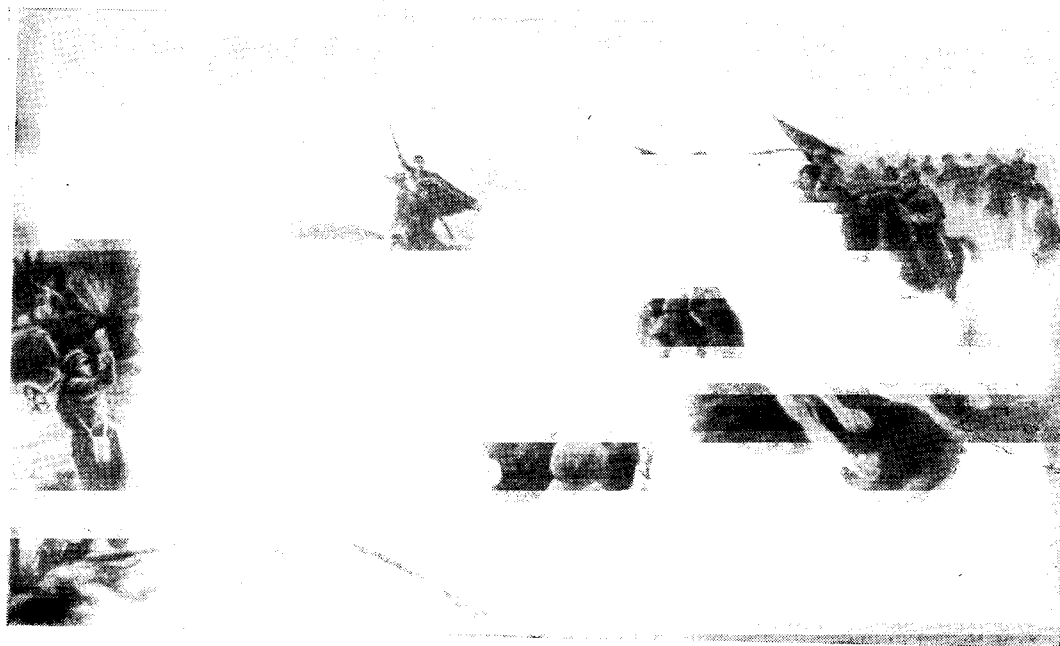
Присел к столу, еще раз медленно прочитал телеграмму. Из бумажника достал маленький, вырезанный из какой-то газеты портрет Ленина и долго смотрел на высокий мудрый лоб, на задумчивые, добрые глаза. И было приятно сознавать, что бойцы Железной дивизии доблестно выполнили свой долг перед советским Отечеством, порадовали дорогого Владимира Ильича подлинно праздничным подарком — освобождением Ижевска. Удар 3-го и 4-го сводных и 1-го Смоленского полков был таким стремительным, неудержимым, что белогвардейцы не успели взорвать завод и знаменитую плотину. У завода и на плотине стоят пулеметы. Остатки вражеской армии, разбитой у Ижевска, отступают к Воткинску, преследуемые полками дивизии. И охваченный глубочайшим ликованием, Азин решил передать свою светлую неиссякаемую радость бойцам-победителям. Достал лист бумаги. Писать было легко, строчки сами ложились на бумагу.

«Товарищи красноармейцы! Наша дивизия в последних боях под Ижевском и при взятии Ижевска вписала еще одну славную страницу в историю нашей Красной Армии. Мы с вами, товарищи, спаянные революционной пролетарской дисциплиной, сумели поставить нашу дивизию на должную высоту. Она теперь наносит одно поражение за другим врагам рабочего класса.

Последняя наша задача — взятие Ижевска — выполнена нами с успехом. Войско «Учредительного собрания» в районе Ижевска разбито, штаб белых взят нами со всеми документами. Все это говорит о том, что наша дивизия закалилась в боях и научилась побеждать. Мы гордимся нашей молодецкой дисциплинированной дивизией. От своего имени выражаем благодарность товарищам красноармейцам за честно выполненную задачу по взятию Ижевска.

Мы ходатайствуем перед Революционным Военным Советом 2-й армии о награждении нашей дивизии за все ее доблестные подвиги боевым революционным знаменем...»¹

¹ Газета «Ижевская правда» от 23 февраля 1935 года, № 45.

Штурм Ижевска 7 ноября 1918 года
С картины П. Т. Мецерыкова

Вошел веселый Зорин, сел к столу, спросил'.

— Чем могу служить, товарищ Азин?

■— Вот телеграмма Ленина. Надо незамедлительно размножить ее в нашей типографии. Вручить завтра каждому бойцу как праздничный подарок,— взволнованно произнес Азин.— Мобилизуйте весь политотдел, пусть помогают наборщикам и печатникам и обеспечат листовку к двум часам ночи...

— Как подарок! Очень хорошо задумано,—сказал Зорин.— Сделаем вовремя, не беспокойтесь.

— Поджидая вас, я вот написал приказ-обращение к нашим красноармейцам. Посмотрите — может, тоже размножим типографским способом,— и Азин передал листок Зорину.

Тот быстро прочел, поставил свою подпись, сказал:

— Бумаги целый склад захватили. Отпечатаем... Праздник, праздник! Мы сейчас с начальником гарнизона Северихиным обошли весь завод. Все хозяйство в порядке. Надо собирать рабочих и выпускать винтовки.

— Наши полки не укомплектованы, и все-таки придется выделить для завода всех бывших ижевцев. Дело большой государственной важности. Сам Ленин интересуется этим заводом. Первый карабин мы ему пошлем. Как сигнал о пуске завода. Как свидетеля нашего уважения и преданности Владимиру Ильичу.

— Хорошо! Очень правильно мыслите, товарищ начдив. Всячески поддерживаю,— сказал Зорин.— Так я пошел в политотдел. А вы ложитесь спать. Трое суток не отдыхали.

— Разве уснешь в такой чудесный день!—сказал Азин.— Вот еще идет какой-то полуночник.

Вошел старый боевой товарищ Азина начальник снабжения Владимир Викторович Бауэр. Положил на стол пузатую кожаную сумку, сказал, лукаво подмигивая:

— Трофеи богатейшие. По предварительным подсчетам, у противника отбито шесть самолетов, шесть орудий, шестьдесят бомбометов, судя по марке американские, сорок три пулемета, броневой поезд, тридцать вполне исправных локомотивов, несколько складов с интендантским имуществом... К этому надо приплюсовать оставленную белогвардейцами кассу — пять миллионов рублей. Подумать только—пять миллионов...

— А ты и не думай о них,— резко махнул рукой Азин.— Эти деньги пойдут на восстановление завода, на выпуск винтовок и патронов.

— Позвольте, товарищ Азин. Это же безрассудно. Мы подобрали более трех тысяч винтовок. А вот лошадей у нас нет, обозы не созданы...

— Не позволю! — прервал Бауэра Азин.— Завод будет выпускать винтовки для всей армии. Понимаешь? Нам нужна многомиллионная Красная Армия, иначе мы всех врагов своих и чужеземных не перебьем. Это факт.

— Все-таки надо подумать. И часть средств выделить для дивизии. Это мы взяли. Это наша заслуга.

— Думайте о более насущных и неотложных делах, товарищ Бауэр. Пока мы стоим в Ижевске, отремонтируйте все винтовки, пулеметы, орудия. Пошлите специальные трофейные команды в окрестные деревни и села, соберите брошенное и спрятанное оружие. Подумайте, как улучшить питание бойцов. В полевой госпиталь не заходили?

— Раненых свозят в теплушки на станции.

— Как это, в теплушки? Что у нас, особняков не хватает? Пошли на станцию!

В городе было тихо. В стороне Воткинска небо было красным от пожаров. Дважды Азина и Бауэра останавливали патрули. Узнав начдива, торопливо докладывали:

— Все в порядке, товарищ Азин.

— Молодцы! Смотрите в оба,— говорил, улыбаясь, Азин.

На вокзале Азин разыскал начальника медицинской службы дивизии Якова Лазаревича Зевина, приказал:

— Немедленно всех раненых перевести в особняки местных буржуев. Свяжитесь с комендантом города Молчановым и передайте ему от моего имени — обеспечить помещение для госпиталя.

— Своих мы почти всех обеспечили,— сказал Зевин.— Наших раненых — четыреста человек. А вот белогвардейских — больше двух тысяч. Как с ними быть?

— Их тоже надо лечить. Сегодня он белый солдат, отремонтируем, просветим — будет красноармейцем,— сказал Азин.— Тяжелораненых оставьте в теплушках, а всех остальных переселить в особняки. Помещение най-

дем. Через две недели всех легкораненых верните в строй. Вот ваша боевая задача.

— Врачей, сестер не хватает, товарищ Азин, — пожаловался Зевин. — Работаем не смыкая глаз. Не успеваем.

— Утром зайдите ко мне. Подберем.

На привокзальной площади к Азину подошла женщина. Посмотрев в глаза, прошептала что-то дрожащими губами. Ничего не разобрал.

— Зачем, мамаша, пожаловала? — ласково спросил Азин.

— Ты Азин будешь? Главный начальник?

— Я Азин. Чем могу служить?

— Горе у меня, родимый, — с трудом заговорила женщина. — Когда здесь пальба страшная была, у меня корову пулями убило. А у меня детишки мал мала меньше. Мужик на хлебозаводе работает, Цигвинцев фамилия. Без коровы ребят не поднять. У меня твои солдаты остановились. Спокойные ребята, хорошие. Я их чайком обогрела. Увидели мою беду, старший и говорит: «Ступай, мамаша, до нашего начальника Азина, расскажи ему, как все было, он тебе корову даст. У него для бедных людей сердце всегда открыто».

Азин достал полевую книжку, написал несколько строк и, передав листок Цигвинцевой, сказал:

— Ступай, мамаша, к крайнему вагону и передай часовому. Корову выберешь сама, какая приглянется. Корми детишек поплотней, чтобы хорошие бойцы для Красной Армии выросли.

Женщина поклонилась, торопливо пошла к вагону. Азин невольно вспомнил свою мать. У нее не было коровы. Для своего первенца выпрашивала молоко у соседок. Где-то мама? Живы ли родные? На телеграмму Витебск не ответил. Обидно, очень обидно.

От вагона донесся ласковый голос:

— Пошла, пошла, Зоренька. Пошла домой, ясная моя...

— Обрела радость мамаша, — сказал Бауэр. — А мороз-то усиливается. Ранняя здесь зима. Надо теплое белье и валенки доставать.

— Надо! — строго сказал Азин. — В Сибири придется воевать. Людей беречь надо.

...Утром 8 ноября Азин получил донесение от командира 1-го сводного полка. В нем говорилось о бое у деревни Динтем-Чабаи. Полк, следовавший походным порядком, неожиданно наткнулся на крупную колонну противника. Командир полка, не дав белогвардейцам развернуться в боевой порядок, двинул батальоны в атаку и обратил врага в бегство. Это были резервные части Боткинского гарнизона, брошенные командованием мятежной армии для спасения Ижевска. Разбив неприятеля, 1-й сводный полк помог товарищам по оружию овладеть Ижевском.

На совещании коммунистов города и армейских большевиков 2-й сводной дивизии был создан Революционный гражданский Совет города Ижевска под председательством политического комиссара дивизии Дмитрия Зорина. На этом совещании были намечены практические меры по восстановлению и укреплению советских и партийных организаций, по возрождению городского хозяйства и пуску завода.

А в это время в Москве, в Кремлевском дворце, Председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов открыл второе заседание VI съезда Советов. В наступившей тишине председательствующий огласил телеграмму о взятии Ижевска. Делегаты съезда, лучшие сыны советского народа, встретили эту радостную весть дружными аплодисментами.

Призвав к тишине, Я. М. Свердлов сказал:

— Вы знаете, товарищи, какое огромное значение имеет это белогвардейское гнездо на Урале, и можно сказать с полной уверенностью, что раз гаал этот последний оплот на Урале, то в ближайшее время мы дождемся там крупной победы. Позвольте от имени съезда отправить приветственную телеграмму армии, взявшей Ижевск¹.

Это предложение было встречено аплодисментами.

Свердлов прочел:

«Заслушав сообщение о взятии Ижевска, съезд шлет привет героическим отрядам рабоче-крестьянской Красной Армии, разгромившим важное белогвардейское гнездо на Красном Урале, и от имени рабочего класса выражает благодарность за доблестные подвиги. Эти по-¹

¹ Газета «Известия ВЦИК» от 9 ноября 1918 года.

двиги, в коих соревнуются отдельные части нашей сла-
вной Красной Армии, составляют блестящую страницу
в истории деяний российского пролетариата и будут спо-
собствовать торжеству социальной революции не только
в России, «о и во всем мире»¹.

Текст телеграммы был принят единодушно.

Вдохновленные похвалой съезда Советов и высокой
оценкой В. И. Ленина, бойцы 2-й сводной дивизии сбили
противника с укрепленных позиций и в ночь на 12 нояб-
ря освободили город Вогкинск.

По представлению начдива Азина командиры особо
отличившихся полков: 3-го сводного — Алексей Ивано-
вич Северихин и 4-го сводного — Александр Михайлович
Чеве-рев—были награждены орденами Красного Зна-
мени.

Командующий 2-й армией В. И. Шорин в своем доне-
сении о штурме города Ижевска отмечал «особую бое-
вую деятельность начальника 2-й сводной дивизии
Азина, который, находясь непосредственно в боевой ли-
нии, энергично, смело, дерзко и умело проводил боевой
приказ № 200 и вполне заслужил награждения орденом
Красного Знамени»².

Революционный Военный совет Республики прика-
зом за № 12 от 10 марта 1919 года отметил высшей
боевой наградой — орденом Красного Знамени — началь-
ника 2-й сводной дивизии Владимира Мартыновича
Азина «за отличие в бою 7-го и 8-го ноября 1918 г. под
городом Ижевском, где он, находясь во время боевых
действий непосредственно в боевой линии, сумел стре-
мительным ударом ошеломить противника и не дать ему
выполнить коварный план разрушения знаменитой пло-
тины и завода».

Лучшие полки дивизии — 3-й и 4-й сводные и 1-й Смо-
ленский— приказом РВС Республики были награждены
Почетными революционными Красными знаменами за
отличие в боях с врагами социалистического Отечества.¹

¹ Газета «Ижевская правда» от 7 Декабря 1918 года,
г. ЦГАКА, ф. 169, д. 143, л. 23.

V. ИСПЫТАНИЕ СТУЖЕЙ И ОГНЕМ

1

Начдив Азин считал своим долгом в кратчайший срок восстановить Ижевский оружейный завод. На митинге памяти 19 большевиков, замученных белогвардейцами, Владимир Мартынович разоблачал тайных союзников буржуазии — эсеров и меньшевиков, призывал ижевцев упорным созидательным трудом мстить врагу за гибель лучших сынов народа, выпуском боевого оружия крепить мощь Красной Армии.

Выступали местные коммунисты, три дня тому назад освобожденные бойцами дивизии из камер смертников (из тюрьмы было выпущено 500 человек), благодарили азинцев и обещали в ближайшие дни пустить завод на полный ход.

На следующий день Азин побывал в цехах завода, побеседовал со стариками рабочими, попросил их работать в две смены и до 15 ноября выпустить первую тысячу винтовок. Выслушав советы и пожелания рабочих, начдив Азин зашел в заводской комитет, рассказал о претензиях оружейников, подсказал, что нужно сделать для того, чтобы наладить производство. Это были замечания технически образованного человека, имеющего солидный практический опыт. Местные активисты попросили Азина освободить от службы бойца железнодорожного батальона бывшего члена общезаводского комитета

Григория Тельнова. Азин связался с командармом Шориным, и вскоре Тельнов вернулся на родной завод.

По поручению Азина сотрудники политотдела дивизии возродили разгромленную белогвардейцами ижевскую партийную организацию. Уже 11 ноября состоялось первое партийное собрание, выбравшее заводской комитет партии. Под его руководством был создан Союз коммунистической молодежи.

Светлым праздником для Азина стал день, когда председатель Революционного гражданского Совета Дмитрий Зорин принес в штаб миниатюрную винтовку и карабин. Мастер-гравер искусно вывел:

«Великому пролетарскому вождю т. Ленину на память о взятии Ижевска от 2-й Железной дивизии и Революционного гражданского Совета Ижевска. 19¹ 18 г.»

На магазинной коробке карабина четко выделялись слова:

«Начиву Азину в память о взятии Ижевска».

Азин взволнованно, горячо поблагодарил Зорина и его товарищей — членов Революционного гражданского Совета — за высокую честь, дорогой подарок.

Посоветовавшись, решили послать в Москву к В. И. Ленину политкомиссара 3-го сводного полка Илью Наумовича Аронштама, одного из лучших политработников дивизии. Совместно определили круг вопросов, которые нужно решить у Председателя Совнаркома.

С заданием Азина и Зорина комиссар Аронштам успешно справился. Владимир Ильич принял посланца 2-й сводной дивизии, сердечно поблагодарил за подарок¹, расспросил о положении на фронте, о восстановлении заводов в Ижевске и Воткинске. Впоследствии, учитывая просьбы делегата азинцев, Председатель Совета Обороны В. И. Ленин специальной телеграммой в Петроград требовал:

«Военная необходимость повелительно диктует максимальное усиление производительности Ижевского оружейного завода. Главное препятствие — недостаток рабочих. Совет Обороны еще две недели назад возложил на профессиональный союз металлистов обязательство¹

¹ Подарок 2-й сводной дивизии В. И. Ленину — миниатюрная винтовка — хранится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

срочно переселить в Ижевск пока 5000 рабочих, рассчитывая в особенности на петроградских рабочих, которые нашли бы в Ижевске работу, жилища, вполне достаточное питание»¹.

Владимир Ильич внимательно следил за работой ижевцев и на их трудовую победу откликнулся 27 января 1919 года специальной телеграммой:

«Совет рабоче-крестьянской обороны, заслушав сообщение чрезвычайной комиссии о доведении ежедневного выпуска винтовок Ижевских заводов до одной тысячи, постановил: благодарить рабочих и служащих Ижевского завода от имени Рабоче-крестьянского правительства за ценную поддержку, оказываемую ими Красной Армии.

Председатель Совета рабоче-крестьянской обороны
Ленин»^{1 2}.

Вдохновленные благодарностью великого вождя, рабочие Ижевского завода в ответной телеграмме заявили, что приложат «все свои силы на то, чтобы поднять выпуск винтовок, необходимых для борьбы за дело всемирного пролетариата, за социализм, до наибольшего количества. Мы обещаем с 1 февраля выпускать не менее 1100 штук винтовок в день»³.

...После упорных боев 2-й сводной и Вятской дивизий на правом берегу Камы мятежная учредилковская армия была полностью разгромлена. Из 25 000 белогвардейских солдат только 5000 вырвались из окружения, остальные были пленены или уничтожены.

Азин предложил командирам частей представить лучших бойцов к награждению орденом Красного Знамени и ценными подарками. Обладая прекрасной зрительной памятью, начдив хорошо знал храбрейших из храбрых и строго следил за тем, чтобы никто из героев не был забыт, обойден. Азин с радостью и гордостью читал рапорты командиров о представлении отличившихся красноармейцев к высшей боевой награде. Вот обстоятельный и убедительный доклад начальника артиллерии дивизии Алексея Павловича Гундорина о подвиге командира орудийного взвода Ефима Михайловича Иванова.

¹ Ленинский сборник XXXIV, стр. 97—98.

² Журнал «Красный архив» № 1 (86) за 1938 год, стр. 22.

³ В. И. Л е н и н . Военная переписка. Воениздат, 1956, стр. 93.

Азин прочел первые строки, и в памяти с поразительной ясностью и четкостью встал трудный день — 22 сентября 1918 года. Станция Сюгинская. В дивизию только что влился отряд Чеверева. По приказу командарма полки должны были переправиться через реку Валу и наступать на Агрыз. Разведчики донесли: железнодорожный мост у деревни Чумайтло минирован, охраняется пехотой и бронепоездом противника. Без артиллерии мост не возыметь. Гундорин приказал Иванову огнем отогнать бронепоезд, захватить мост. Иванов сам поехал в разведку. Вернулся озабоченный, хмурый. Сказал чуть слышно:

— Кругом дороги лес. Орудие некуда поставить. Вылезешь на полотно — собьют.

— Надо что-то придумать, — сурово сказал Гундорин.

И Ефим Иванов придумал, как победить врага. По его предложению бойцы и рабочие Сюгинского завода поставили 76-мм орудие на платформу, устроили дощатые двойные борты и засыпали их песком. К этой платформе прицепили еще одну с выдвинутыми вперед «штыками» — шпалами, замаскировали орудие, посадили взвод пехоты с двумя пулеметами и на рассвете покатали в логово врага. Расчет Иванова полностью оправдался: командир бронепоезда решил, что красные пустили пустые платформы, чтобы тараном сбить броневой поезд, и дал команду полным ходом отойти за мост. Ефим Иванов точным шрапнельно-пулеметным ударом смел белогвардейцев с моста. Это была бескровная, блестящая победа. По мосту через реку Вала прошли полки дивизии и устремились на Агрыз. Какая блестящая сметка, храбрость, мужество у этого орла! И Азин красным карандашом броско и красиво написал:

«Тов. Е. М. Иванов, безусловно, достоин ордена Красного Знамени».

А разве не достоин высшей боевой награды начальник пулеметной команды Иван Петрович Глышко, огнем трех пулеметов отбивший свирепую атаку белых под селом Юеьки и спасший от разгрома родной батальон? А командир 1-го батальона Полтавского полка Артем Лизотуб, ротные Иван Коняк и Василий Савенцов, начальник команд конных разведчиков Филипп Гурьянов,

Пулеметчик Александр Горобцев? — Все они герои, краса и гордость Железной дивизии...

В конце ноября 1918 года в связи с введением единой нумерации дивизий и полков в Красной Армии 2-я сводная и Особая Вятская дивизии были сведены в 28-ю стрелковую дивизию. В нее вошли девять пехотных полков, артиллерийская бригада, кавалерийский полк, железнодорожный батальон, бронепоезд «Свободная Россия». Приказом Реввоенсовета 2-й армии начальником 28-й стрелковой был назначен Владимир Мартынович Азин.

Командиром 1-й бригады Азин хотел поставить Чеверева. Вызвал в штаб для беседы. Совершенно неожиданно Чеверев заявил:

— А я в академию учиться еду. Вопрос с Шориным уже согласован.

— Жаль! — с досадой сказал Азин. — Время такое тяжелое — не до учебы. Вот побьем белых, тогда можно махнуть в академию. Со спокойной совестью.

— У меня нет военного образования, — с трудом сдерживая раздражение, сказал Чеверев. — Службу начинал рядовым в запасном полку. Какой же из меня командир бригады?..

Азин немного задумался, потом сказал миролюбиво:

— Желаю успехов, Александр Михайлович. Не поминай лихом!

Вместе с Чеверевым уехал учиться в академию генерального штаба бывший начштаба Пашковецкий. Командарм Шорин в беседе с Азиным намекнул, что не мешало бы и ему поучиться в академии. Азину не хотелось оставлять дивизию, и он решил отшутиться:

— У меня, слава боту, за плечами Елизаветградское кавалерийское училище, сорок шестой донской полк, есаульское звание, опыт многих боев...

— Смотрите, смотрите, — предостерегающе произнес Шорин. — Теперь у вас под рукой без малого двадцать пять тысяч штыков и сабель. Ответственность-то какая! Даже отличный есаул не может быть хорошим генералом. А я думал, что вы из прапорщиков массового производства. Приятнейшее разочарование...

Азин промолчал, подумав: «Поживем — увидим». Он не подозревал, что его выдумку штабные работники раз-

несут по всей армии и о« станет казакам, легендарным героем 46-го Донского полка (с солдатами этого полка он служил в одном сводном кавалерийском отряде, прикрывавшем в феврале 1918 года Двинск), кавалером Георгия, Станислава, Анны и прочих старых орденов. Приняв таким образом на себя тяжелую ношу есаульского звания, Азин твердо решил пополнить свои военные знания самообразованием, упорным изучением опыта минувших войн, выдающихся операций великих полководцев. Для бывшего полковника Шорина он — есаул, для самого себя — рядовой солдат. И это нужно хранить до поры до времени в тайне. Если командарм узнает, что начдив 28-й стрелковой не имеет специального образования, пожалуй, снимет с должности.

Загруженный до изнеможения неотложными делами по формированию дивизий, налаживанию всех служб штаба, Азин по ночам садился за книги, пополнял свои военные знания, учился побеждать хитрого, умного врага.

При комплектовании частей Азин столкнулся с острой нуждой в командных кадрах. Старая, испытанная в крутых делах с неприятелем гвардия давно уже иссякла — все бойцы стали командирами. Откуда же теперь брать взводных и ротных? И Азин направляет на курсы комсостава красноармейцев, отличившихся в последних боях: из бывшего Полтавского — Трофима Хлистуна, Павла Заикина, Ивана Усова, Василия Матюшенко, Николая Кирова, Михаила Бебешко, Митрофана Скорча, из 4-го сводного — Петра Масловского, Сергея Никонорова, Павла Козлова, Петра Зайцева, из кавполка — Юлиа Саулита и Карла Буркша. Перед отъездом Азин собрал курсантов, пожелал им успехов в учебе, попросил:

— Не задерживайтесь, орлы! Будем ждать вас с нетерпением.

Временную передышку начдив Азин использовал с предельной отдачей для повышения боевой и политической подготовки бойцов. Красноармейцы изучали свое оружие, проходили курс стрельб, приобретали необходимые навыки ведения боя. Комиссары ежедневно проводили политические занятия, воспитывали у бойцов высокие патриотические качества. Учебный день заканчивался чтением газет,

Во всех частях дивизии были созданы партийные организации, проводившие большую разъяснительную работу среди товарищей по оружию.

Зима наступила рано, и Азину пришлось приложить много труда, чтобы обеспечить бойцов теплым бельем, шапками-ушанками, сапогами и валенками. Напряженная, тяжелая работа, без сна и отдыха, подорвала здоровье начдива. Как-то поздно вечером за письменным столом Азин потерял сознание. Ординарец Карл Стек растерялся, позвонил в санчасть, потребовал немедленной явки в штаб Зевина. Начсандива на месте не оказалась. Пришла медсестра Вера Кузнецова. Вместе с ординарцем она перенесла Азина на кровать, которой он почти никогда не пользовался, проверила пульс, поставила градусник. Обрадовалась, когда увидела, что температура у начдива нормальная. Ординарцу сказала:

— Ничего опасного. Можете спокойно отдыхать. Не бережете вы своего начальника. Доработался до потери сознания. Да и сами-то вы позеленели от бессонницы. Ложитесь. Я подежурю.

Азин очнулся в полночь. Порывисто вскочил, протер глаза, спросил:

— Что такое? Зачем вы здесь?

Сестра положила маленькую теплую ладонь на лоб начдива, властно пригнула голову к подушке, приказала:

— Спать. Еще шесть часов спать. И не смейте возражать...

Азин посмотрел в серьезные, широко открытые глаза сестры, сказал раздраженно:

— Тоже мне командирша нашлась. Вот возьму и встану...

— Вы больны! Можете обзывать меня как угодно — не разрешу! Примите порошок и успокойтесь.

У этой молоденькой, светловолосой девушки оказалась завидная сила воли. Не терпящей опеки Азин смирился, покорно проглотил какую-то противную пилюлю, закрыл глаза и сразу же уснул.

Проснулся в полдень. Посмотрел на часы, потом на сестру, сидевшую у постели, робко спросил:

— Что со мной, сестрица? Проспал до обеда. Какой позор!

— Ничего страшного не произошло. Приходили командиры полков, я их направила к комбригам. Пусть

обращаются к своим непосредственным начальникам, а вас по пустякам от работы не отрывают. Комбрига Северихи-иа послала к начальнику, штаба. Поворчал, поворчал — ушел. Странные люди. Они не верят, что Азин заболел. Как будто начдив железный...

— А кто это разрешил вам командовать? Что это за самоуправство? — сердито спросил Азин.

— Ваше здоровье, — улыбаясь сказала Кузнецова. — От имени всемогущей медицины приказываю вам спать ежедневно шесть—семь часов. Не выдержите режим — пеняйте на себя.

— Мне воевать надо, а не режим соблюдать, уважаемая барышня, — съязвил Азин. — Я совершенно здоров.

— Вас свалила бессонница и переутомление. Если вы не выполните мое указание, я буду жаловаться.

— Кому? Зевину?

— Вое равно кому. Командарму, наркому, родителям, жене... Поймите простую истину, товарищ начдив: при такой нагрузке вы износите за три — четыре недели. А ведь -вам в-сего-то 23 года. Подумайте об этом, подумайте.

Собрала в чемоданчик -свое нехитрое медицинское имущество, оделась, сказала строго:

— Берегите себя. Я буду контролировать ваш режим сна, — и ушла.

Азин встал, умылся, рассмеялся. В голове не было тягостного шума, и глаза ясно, четко видели все окружающее, и все мускулы казались налитыми силой. Выходит, что эта блондинка помогла. А он даже ее не поблагодарил. Это свинство, надо исправить ошибку. Хотя она и много на себя берет, -но подчиняться ей приятно, больше того, необходимо. Она права. Такая слабенькая на вид девчонка, а командиров полков выставила. Злились, наверное. А вообще-то надо следовать принципу — пусть каждый знает свое место и обращается строго по команде. Работать будет легче. В штаб идут все, а всех принять невозможно. В строю дивизии двадцать три тысячи душ...

Вечером Вера Кузнецова со своим крошечным чемоданчиком снова появилась в штабе. Азин замахал руками, сказал улыбаясь:

— Чур-чур! Все равно спать не буду. Сегодня -в бывшей гимназии в честь нас, победителей, состоится бал.

Получил персональное приглашение. Как быть — не знаю? Ведь это в режим дня не входит.

— Входит, входит, входит! Идите. Отвлечитесь от тысячи ваших забот. Это лучшее лекарство. Вы, наверное, прекрасно танцуете?

— Танцевал. Когда это было, не помню. Ваш совет приму. А сами-то вы пойдете на бал?

— Меня никто не приглашал.

— Тогда я приглашаю. Скажу Зевину, чтобы он освободил вас от всяких неотложных дел. Встряхнитесь, отвлечитесь. Это такое лекарство...

— Издеваетесь. Напрасно! — сказала Кузнецова и быстро вышла из штаба.

«Она с характером, — подумал Азин. — Может такое приглашение и не принять. Гордая...»

На бал Азин пришел со своими штабными работниками и начальниками служб. Музыканты играли вальс. Кружились нарядно одетые юноши и девушки. «Азин, Азин», — пронеслось по залу, и оркестр умолк.

— Играйте, играйте, — крикнул Азин, и звуки вальса снова полились по широкому кругу, но никто не сдвинулся с места. Все смотрели на Азина. «Какой нарядный. Какой красивый... И совсем еще молоденький», — зашептали девушки. Под многочисленными упорными взглядами Азин покраснел и, словно спасаясь от любопытных, предложил рядом стоявшей девушке:

— Разрешите пригласить вас на тур вальса.

Девушка вспыхнула, покорно кивнула головой, и они понеслись по широкому кругу, сопровождаемые восторженными восклицаниями молодежи. Вальсируя, Азин заметил медсестру Кузнецову в нарядном светло-голубом платье, подчеркивающем ее молодость и красоту. Решил пригласить ее на второй танец, но не успел: ее подхватил кто-то из местных парней, да и его наперебой атаковали незнакомые юные партнерши. В 11 часов Вера подошла к Азину, тихонько напомнила:

— Время позднее. Заморили вас гимназисточки. Пора отдыхать.

Он посмотрел на ее чистое, румяное, задорное лицо, послушно повторил:

— Да, пора отдыхать...,,

...18 ноября 1918 года по указке интервентов и при непосредственной помощи английских частей полковника Уорда в Омске был совершен переворот. Из состава бывшего белогвардейско-эсеровского правительства были вышвырнуты лидеры эсеров Авксентьев, Роговский, Зензинов, Аргунов, Совет министров сосредоточил всю полноту власти в руках адмирала Колчака, провозгласив его «верховным правителем всея России» и «верховным главнокомандующим всеми белогвардейскими войсками». Одновременно Колчак был произведен в полные адмиралы.

Перед тем как стать главковерхом, Колчак побывал в Америке, Японии, Китае и получил соответствующие инструкции от своих хозяев — американско-английских империалистов. По генеральному плану интервентов армии Колчака должны были соединиться в районе Котлас — Вятка с англо-франко-американскими войсками, высадившимися на советском Севере.

Американские монополисты поставили для армии Колчака 600 000 винтовок, более 1000 пулеметов, несколько сот миллионов патронов, пушки, танки, самолеты, склады продовольствия и обмундирования — в общей сложности на сумму, превышающую 500 миллионов долларов.

С наименьшей щедростью снабжали своего ставленника английские государственные деятели, приславшие Колчаку 100 000 винтовок, более 2000 пулеметов, 500 миллионов патронов, орудия, танки и 200 000 комплектов обмундирования. Эти поставки были выгодны — новый главковерх расплачивался чистым золотом, вывезенным белогвардейцами из Казани.

Хорошо вооруженные и обмундированные дивизии Екатеринбургской группы белых войск обрушились на обескровленные в непрерывных боях красноармейские части 3-й армии Восточного фронта. Бойцы 29-й и 30-й дивизий Красной Армии сражались героически, но враг, имея почти двукратное численное превосходство, прорвал позиции и двинулся к Перми.

21 декабря пал Кунгур, а через три дня части 3-й армии оставили Пермь...

Для спасения отступающей 3-й армии командующий

Восточным фронтом С. С. Каменев двинул на Кунгур дивизии 2-й армии.

На штабном совещании командарм Шорин ознакомил начдивов с оперативной обстановкой, тонкой, похожей на шпагу указкой прочертил по карте путь наступления и в заключение сказал:

— Для того чтобы облегчить тяжелое положение третьей армии приказываю: двадцать восьмой дивизии, продолжая наступление на своем правом фланге вдоль Казанбургской железной дороги на Красноуфимск, левофланговой ударной группировкой дивизии в составе четырех стрелковых полков, двух дивизионов артиллерии и двух приданных полков пятой Уральской дивизии нанести удар во фланг сибирской армии генерала Гайды в общем направлении на север — на Медянское — Ординское и овладеть городом Кунгур. Не скрою, наступление на Кунгур осложняется чрезвычайно трудной обстановкой: суровые морозы, вьюги, снегопады, бездорожье. Будем наступать с открытыми флангами. Иного выхода нет. Мы наносим отвлекающий удар, спасаем третью армию от гибели...

«Доводы предельно ясны и оправданы большой целью», — подумал Азин, и неумная, растущая тревога за судьбу дивизии заполнила его сердце. Такой сложной и трудной задачи не приходилось до этого решать. Полки еще не прошли период формирования. Недавно созданные учебные школы еще не выпустили младших командиров и специалистов: артиллеристов, пулеметчиков, разведчиков, телефонистов. Учебу придется завершать в боевой обстановке. Это весьма сложная задача.

...Наступление проходило в исключительно тяжелой обстановке. Скупые суровые записи в «Журнале военных действий» 28-й стрелковой дивизии свидетельствуют о беспримерном мужестве, стойкости, храбрости азинцев:

«10 января 1919 г. На участке Полтавского (251) полка бой, начавшийся в 12 час. 9.1, окончился только к 24 часам... Позиции остались за нами...»

«12 января. Противник оказывает сильное сопротивление крупными силами. Деревня Алмаз и выселок Дубровин переходили несколько раз из рук в руки. Температура на участке дивизии 40°...»

«15 января. Температура — 38°. Полтавский полк снова занял дер. Алмаз...»¹

Стужа была такой свирепой, что раненые цепенели, засыпали, превращались в ледяные сугробы. Метель слепила глаза, заметала дороги. И все-таки полки дивизии шли вперед, на Кунгур. Выбили врага из населенных пунктов Калтаево, Янопаево, Ишимово, Самарская, Бикбаево, Уинский завод. 28-я дивизия вышла к Кун-ГУРУ> угрожая тыловым частям колчаковцев.

Командующий Сибирской армией белых генерал Рудольф Гайда вынужден был снять некоторые свои части с других участков фронта и бросить их против ударной группы 2-й армии. На фронте 28-й дивизии появились полки генерала Вержбицкого.

Ударную группу 2-й армии, состоявшую из шести полков, атаковали тринадцать пехотных и два конных полка белогвардейцев. Несмотря на численное превосходство противника, азинцы, отражая контратаки, продвигались к Кунгuru и заняли пригородные деревни Карево, Овчинникове, Кукуй и село Ординское.

А в это время части 3-й армии под натиском белогвардейцев отходили на запад, за реку Каму. Когда Азин перестал получать боевые донесения от своего соседа — командира отдельной бригады Николая Ивановича Вахрамеева, начдив сразу же сообщил командарму Шорину, что связь с частями 3-й армии утеряна и далеко выдвинутые вперед полки ударной группы могут быть окружены и уничтожены противником. Командарм приказал любой ценой удерживать занятые позиции.

— «Любой ценой!» — е глубокой тревогой и болью произнес Азин, передав только что полученную телеграмму новому комиссару дивизии Г. Н. Пылаеву. — Мы выполняем приказ в такое время, когда против каждого нашего бойца стоит полдюжины колчаковцев, когда на морозе отказывают пулеметы. Металл не выдерживает, цепенеет, а люди стоят без сна, отдыха, горячей пищи. Два месяца бессменно — на линии огня.

Пылаев встал, хотел что-то сказать, но в эту минуту совсем близко лихорадочно часто застрочил станковый пулемет, пася гулкие винтовочные выстрелы. Две пули прошили стекло и застряли в стенке вагона.

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 358, л. 2, 3, 4.

Азин выскочил из вагона и сразу же увидел: Из синей рошши широкой цепью стремительно несутся на лыжах к штабу солдаты в белых дублених полушубках. Идут легко, не опираясь на палки, и, не целясь, палят из карабинов по вагонам полевого штаба дивизии. В придорожной канаве лежат несколько бойцов из комендантской команды, связисты, разведчики. В центре у пулемета Ян Гробляус. Силы были неравными, и Азин пробежал вдоль состава и поднял всех штабных работников по команде «в ружье».

Неожиданно пулемет замолчал. И лыжники обрадовались, лихо гаркнули «ура!» и еще быстрее устремились к железнодорожному полотну. Азин бросился к пулемету. Номерные лежали в луже крови. Азин отнес тяжело раненного Гробляуса в канаву, лег на его место и повел тело пулемета слева направо, срезая точными очередями лыжников. Не заметил, как кончилась лента. Крикнул:

— Давай, давай новую.

— Вот она, вставляй, — спокойно сказал Пылаев, вырвал ленту из окоченевших рук номерного и передал начдиву.

— Молодец, комиссар! — похвалил Азин, ловко и быстро вставил ленту и так же точно, расчетливо повел огонь по изрядно поредевшей цепи. С радостью заметил, что ряды защитников полевого штаба пополнились штабниками и что стреляют они быстро и довольно метко.

Лыжники не выдержали кинжального огня, повернули к рошце, но многие не успели добежать до нее, остались лежать на снегу.

Азин встал, вытер мокрое от пота лицо, сказал Владимиру Бауэру:

— Вышли команду: пусть соберут оружие, лыжи, документы. Жаль, что их мало было. Лыжи нам очень нужны.

Азин допросил легкораненных лыжников. Выяснил, что у противника имеется несколько лыжных батальонов. Вызвал Бауэра, приказал:

— Обшарьте все окрестные деревни, соберите триста пар лыж. Мужики здесь богатые, к нам относятся враждебно и лыжи делать не будут. Поищите рабочий народ — столяров, плотников. Дайте им наказ — каждому

сделать десяток пар лыж. Хорошо заплатите. На это дело денег не жалейте.

Бауэр выполнил задание начдива. Азин поставил на лыжи всех разведчиков, создал отряды лыжников в каждой бригаде. Используя опыт врага, летучие отряды азинцев проникали в тылы, нападали на штабы, склады боеприпасов, орудийные батареи противника.

Напряженные, непрерывные бои измотали дивизию. Просматривая списки убитых, раненых, обмороженных, Азин с болью убеждался в том, что мороз вырывает из строя больше бойцов, чем пули и снаряды противника. Усталые люди засыпали на снегу и не просыпались. Вырвавшиеся вперед полки было трудно обеспечивать патронами и снарядами. Противник с каждым днем усиливал атаки. 3 февраля, после упорного боя, части 1-й бригады оставили Уинский завод и отошли к селению Аспа. Растерявшийся командир бригады Ганихин созвал командиров полков и, с трудом владея собой, спросил:

— Что будем делать? Куда отступить?..

Давно не бритые, исхудалые, потерявшие уверенность в стойкости своих бойцов, командиры угрюмо молчали.

У крыльца раздался топот копыт. Все насторожилось. Дверь распахнулась, и в комнату торопливо вошли Азин и Пылаев.

Бледный, трясущийся Ганихин поднялся, хотел что-то сказать, но Азин дважды хлестнул его по опущенным плечам нагайкой и, не владея собой, яростно крикнул:

— Бежишь, мерзавец! Открыл дорогу белым, предал товарищей...

— Успокойся, успокойся, товарищ Азин,— прикрывая собой съежившегося, закрывшего лицо ладонями Ганихина, сказал Пылаев.— Плеткой делу не поможешь.

Азин молча ходил по избе, вглядываясь в измученные, неузнаваемые лица командиров. Встречаясь с бешеными, темными от гнева глазами начдива, командиры опускали головы, и на их обветренных скулах выступали тяжелые багровые пятна.

— Что, стыдно? В глаза смотреть стыдно,— с глубокой горечью сказал Азин.— Вы первые отступили без приказа, заляпали позором одну из лучших страниц истории дивизии. Что вы здесь обсуждали?

Командиры полков еще ниже опустили головы.

— Что же вы молчите? — тихо спросил Азин.— Что, язык не поворачивается?..

Встал Андрей Хренов, не глядя на начдива, сказал:

— Должны были обсудить что делать? Куда отступить?

— Вот как! Забудьте это проклятое слово — отступление. Тот, кто оставит позиции без приказа, будет расстрелян,— совершенно спокойно сказал Азин.— Враг ждет не дождется, когда же мы дрогнем и побежим, как бежали из-под Кунгура и Перми полки третьей армии. Трусов не трудно уничтожить...

Азин резко отодвинул Ганихина от стола, сел на табуретку, сказал:

— Идите к своим бойцам. Приведите в порядок батальоны. Всех, кто вносит панику, присылайте ко мне, в штаб бригады.

Вечером перед строем бойцов 1-й бригады были расстреляны шесть трусов, отказавшихся от службы в сторожевом охранении.

— Зарыть предателей, вычеркнуть из списков, забыть о том, что они были красноармейцами, — сказал Хренову Азин. Медленно подошел к безмолвным, оцепеневшим от стужи и стыда бойцам, заговорил взволнованно, горячо, неистово:

— К нам идут подкрепления. Ленин, партия поднимают всю страну на разгром Колчака. Нам нужно продержаться еще месяц, и мы снова пойдем вперед и напишем новые героические страницы в историю 28-й Железной дивизии. Я знаю, вы очень устали. Пятьдесят дней в бою, но заменить вас мы не можем. Резервов пока нет. Можно рассчитывать только на стойкость, дисциплинированность, войсковую спайку. Один за всех и все за одного несут ответственность перед родной Советской властью. Я верю: вы смоете вчерашний позор завтра в бою.

И полки 1-й бригады выполнили наказ начдива, отбив 5 февраля семь ожесточенных атак противника.

...4 марта 1919 года войска корпуса генерала Пепелева перешли по льду Каму между городами Осой и Оханском и глубоко вклинились в оборону советских частей. Колчаковцы наносили удары в стык между 2-й и

3-й армиями. 7 марта белогвардейцы взяли Оханск, на следующий день — Осу.

Одновременно перешли в наступление дивизии Западной армии генерала Ханжина. Имея огромное численное и огневое преимущество, колчаковцы потеснили уставшие части 5-й армии. 10 марта пал Бирск, а через четыре дня наши войска оставили Уфу.

Над 2-й армией нависла опасность окружения. Было принято единственно правильное решение — отойти, спасти от гибели далеко выдвинутые вперед 28-ю и 5-ю стрелковые дивизии. Отступали организованно, изматывали контратаками силы врага.

Под станцией Чернушка Азин получил приказ реввоенсовета армии: для прикрытия отхода частей и организации вывозки хлеба оставить бригаду, придав ей кавалерию и часть легкой артиллерии.

Глядя на Пылаева, сказал:

— Трудно, но необходимо. Хлеб—это жизнь для москвичей и петроградцев. Поезжай, комиссар, в полки, разясни бойцам обстановку. А я соберу всех, кого можно поставить в строй.

Вести разъяснительную работу Пылаеву не пришлось. Когда комиссар прибыл на позиции, два ударных полка белогвардейцев двинулись на станцию. Солдаты в дубленых полушубках и валенках смело шли по заснеженному полю, стреляли, что-то кричали, но слова относил ветер. Шли в полный рост...

Пылаев сразу же заметил, что пулеметы молчат, видно, замерзли, а может быть, кончились патроны. И бойцы не шевелятся, словно уснули, прикрытые снежным одеялом. Усталость сковала людей или мороз? И Пылаеву стало не по себе. Он понял: надо поднять этих безмерно уставших людей. И он побежал вдоль цепи, крича:

— Огонь, огонь! Товарищи, огонь!

И сугробы ожили. И по цепи полетели слова:

— Комиссар, комиссар... огонь... требует...

Бойцы вскинули согретые своим теплом винтовки и не спеша, привычно, деловито стали расстреливать идущих в атаку белогвардейцев. И пулемет на левом фланге заговорил неторопливо, сурово, беспощадно.

Атаку отбили. Через полчаса белогвардейцы обрушили на рубеж огонь шести батарей. Снег у станции

Комиссар 28-й стрелковой
дивизии Г. Н. Пылаев

Чернушка почернел. И снова из лощины на широкую поляну выбежали цепи атакующих. И по тому, как старательно и быстро двигались они на безмолвные позиции, все поняли — перед ними офицерские батальоны. Командиры приказали — не стрелять, беречь патроны. И, когда цепи атакующих приблизились на сто шагов, комиссар Пылаев вырвался вперед и возгласом «Вперед! В атаку!» поднял бойцов.

И, как всегда, первыми покинули снежные окопчики коммунисты. Рукопашная схватка была ожесточенной, короткой. Офицеры не выдержали — отошли. Их отступление прикрыла артил-

лерия. Снаряд, разорвавшийся перед Пылаевым, опрокинул его рослого коня. Оглушенный падением комиссар поднялся, застонал и снова опустился на снег.

— Комиссара убили... Комиссара наповал...

Эти слова ошеломили прискакавшего на позиции Азина. Соскочил с лошади, приподнял голову Пылаева, заикаясь, спросил:

— Георгий Николаевич! Жив? Георгий...

— Жив. Ногу зацепил осколок,— сказал Пылаев.

— Вот как ты агитируешь, комиссар. Нельзя так, нельзя,— покусывая дрожащие губы, с трудом проговорил Азин.

Взрывная волна разорвавшегося снаряда сбила начдива. Потер ушибленное колено, вскочил, крикнул:

— Санитары, сюда! Носилки! Шубу. Вынести комиссара. В лазарет...

...До вечера отбили шесть атак. Хлеб вывезли. Отступающие армейские части прикрыли, спасли...

Отступая, полки 28-й стрелковой дивизии наносили врагу яростные контрудары. 27 марта 1919 года в боевом приказе № 8536 начдив Азин отмечал:

«Частями 40-го и 250-го полков вчера после короткого штурма взят обратно Мензелинск. Полки движутся по тракту Мензелинск — Бирск. Успеху содействовали 39-й и 43-й полки, которые теперь повернуты из-под Мензелинска обратно на восток к Янаулу и Бураеву. Кроме этих полков, в нашу дивизию прибывает Казанский полк сегодня к вечеру.

Теперь приказываю 1-й и 2-й бригадам какой бы ценой ни стоило удерживать занимаемый фронт и быть готовыми к отражению зарвавшихся бандитов. Вчера особой доблестью отличился 246-й полк, разбив 12-й Верхнеудинский полк. На днях отличился 249-й полк, разбив 20-й Акмолинский полк. Последние дни дали нам трофеи 6 пулеметов и 75 пленных.

Вперед опять пойдем, как шли всегда. Командарм 2 и я шлем низкий поклон войскам 28-й, героически отражающей врага. Вперед, к новым победам с союзнейшей Венгерской Советской Республикой» *.

Части сибирской белой армии усилили натиск на Куеду, Рыбак, Янаул. Им удалось испортить мост на участке Янаул — Рыбак. Для дивизии настали тяжелые, страшные дни: прекратился подвоз патронов и снарядов. И начдив Азин с глубокой душевной болью обращается 28 марта к своим командирам:

«...Приказываю соблюдать крайнюю экономию патронов. Норма 10 патронов на день и то 9 патронов без промаха должны быть. Мост 29. 111. будет восстановлен...»¹².

Но к вечеру 28 марта противник ценой больших потерь занял станцию Рыбак. Отбить утраченные позиции не удалось. 30 марта Азин вынужден был снова отдать приказ о соблюдении «наивысшей экономии патронов. Патроны придут не ранее трех дней»³.

Измученным связным из полков, требовавшим патронов, Азин с глубокой болью говорил:

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 93, л. 75.

² Там же, л. 77.

³ Там же, л. 80.

— Передайте командиру — патроны отбивать у противника. Полагаться на штык и приклад.

И бойцы штыками и прикладами отбивали нападающего врага. В эти смертельно опасные дни особую доблесть и мужество проявили красноармейцы 43-го стрелкового полка под командованием Василия Ивановича Чуйкова, ныне Маршала и дважды Героя Советского Союза. Бойцы-азинцы отходили последними, прикрывали отход товарищей по оружию скупым, но метким огнем, используя трофейные патроны и снаряды.

На левом фланге армии части 7-й стрелковой дивизии не выдержали сильных ударов белогвардейцев и покатались к Воткинску, не задерживаясь на промежуточных рубежах обороны. Начальник дивизии бывший подполковник царской армии Романов изменил Советской власти и, захватив секретные документы, перешел на сторону врага.

Не устояли на своих позициях также части 5-й Уральской (позже она стала называться 21-й стрелковой) дивизии и стали отходить к Каме. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, полки колчаковцев глубоко вклинились в расположение войск армии, стали окружать 28-ю дивизию. В начале апреля противник перерезал железную дорогу западнее Бикбардинского завода. Единственный выход из создавшегося положения — немедленно вывести полки из окружения. Так думали бойцы и командиры, но начдив Азин думал иначе. В тылах дивизии скопились огромные запасы хлеба, приготовленного для отправки в голодающие рабочие центры страны. Только из Челнов вывезли миллион пудов хлеба. Зерном были забиты склады и эшелоны на станциях Уром, Сюгинская, Агрыз. Нельзя было оставлять врагу драгоценнейшее оборудование заводов Ижевска и Воткинска. Нельзя было оставлять в беде дрогнувшие части 7-й и 21-й стрелковых дивизий. Только 28-я Железная могла спасти их от гибели. И Азин приказывает «стоять насмерть». 8 апреля в штаб дивизии прибыла директива командарма 2 Шорина:

«...В целях воспрепятствования противнику развивать наступление от Воткинска в тыл левому участку 28-й дивизии, а также для облегчения выхода частей 7-й и 21-й дивизий из района северо-восточнее Воткинска, приказываю:

3-й и 4-й Петроградские и 1-й Советский полки передаются в распоряжение начдива 28.

Начдиву 28 девятого апреля указанными полками перейти из района их нахождения в наступление на фронт Воткинск в районе Талица с задачей отбросить на север части противника, наступающие на Ижевск, и принять на себя отходящие части 7-й и 21-й дивизий»¹.

Наступившая весна сделала дороги непроходимыми. Валенки бойцов набухли от воды, превратились в пудовые гири. В грязи проселочных дорог, в разлившихся ручьях застревали обозы, походные кухни, орудия. И в этой сложной, тяжелой обстановке 28-я дивизия еще раз подтвердила высокое звание Железной.

Мужество и стойкость помогли героическим 1-й и 2-й бригадам сдерживать пятикратно превосходившие силы врага, выполнить приказ начдива, удержать рубежи. В этих неравных боях армейские большевики вдохновляли на бессмертные подвиги своих товарищей по оружию.

...В разведке колчаковцы захватили двух красноармейцев — Егора Веселова и Василия Благих. В штабе полка офицер предложил пленникам высокую награду, если они сообщат некоторые сведения, интересующие командование «армии-освободительницы». Разведчики переглянулись, рассмеялись. Веселов сказал:

— У вас валюты не хватит, чтобы нас купить.

Тогда пленников попытались сломить огнем и железом. Герои вынесли все пытки. Они молчали, когда им щипцами сдирали ногти, молчали, когда выжигали на груди звезды. И только когда повели на расстрел, Василий Благих твердо и спокойно бросил в лицо палачам:

— Мы не скажем вам, где и какие наши силы. Мы коммунисты и коммунистами умираем¹².

...Вторая батарея 1-го дивизиона была окружена колчаковцами у села Колченки. Вырвались два орудия, два — остались. Лошади выбились из сил. Командир батареи коммунист Алферов открыл губительный огонь прямой наводкой по наседавшему врагу. Когда кончились снаряды, артиллеристы залегли у орудий и, стреляя из винтовок, отбили несколько атак колчаковцев.

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 93, л. 96.

² Газета «Красный воин» от 29 марта 1919 года.

Когда на помощь героям подоспел пехотный батальон, раненые артиллеристы разили врага, используя последние патроны. Почти все батарейцы погибли, но не отдали орудия белым.

28-я Железная стрелковая дивизия выполнила свой долг. Герои-азинцы спасли для Советской Республики миллионы пудов зерна, ценное заводское оборудование, десятки железнодорожных эшелонов. Полки отважных и стойких бойцов спасли от гибели тысячи своих товарищей по оружию из 21-й и 7-й стрелковой дивизий, прикрыв их отход за реку Каму.

28-я стрелковая вышла из вражеского окружения, сохранив обозы, артиллерию, склады боеприпасов и обмундирования. В приказе № 8699 от 10 апреля 1919 года начдив Азин, обращаясь к своим бойцам, писал:

«...Геройские войска 28-й дивизии, объявляю вам от имени командующего армией и своего имени искреннюю благодарность за стойкость, героические труды и умелое руководство командного состава в деле отхода частей. Особенно проявили героизм, умение, стойкость герои артиллеристы, вывезя в полном порядке и сохранности всю могучую артиллерию.

С вами, герои, непобедима Революция, и я уверен, что противник будет отброшен с разливом рек в Каму...»¹.

После продолжительных яростных боев на берегах Камы 28-я дивизия по приказу командарма, изматывая силы врага на промежуточных рубежах обороны, постепенно отошла к берегам реки Вятки.

Член Реввоенсовета Восточного фронта видный деятель коммунистической партии С. И. Гусев назвал отход 2-й армии от Кунгура к Вятке беспримерным, легендарным.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Михаил Иванович Калинин прислал 8 мая 1919 года командарму Шорину специальную телеграмму. В ней тов. Калинин от имени ВЦИК передавал сердечное приветствие и глубокую благодарность доблестной 28-й стрелковой дивизии, стойко и мужествен-

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 93, л. 99.

но защищающей Советскую Россию против темных банд Колчака.

Телеграмма заканчивалась знаменательными словами:

«Считаю своим долгом довести до сведения Рабоче-Крестьянского Правительства о героических и самоотверженных боях славной дивизии.

Слава героям — красе и гордости нашего Социалистического Отечества»¹.

Эта телеграмма была прочитана во всех ротах, батареях, эскадронах и командах и встречена бойцами с огромным воодушевлением.

В первых числах мая части дивизии понесли большие потери. Бои шли непрерывно, а когда кончались патроны, азинцы отбрасывали рвущихся к Казани колчаковцев неистовыми штыковыми контратаками. Обстановка за течение суток резко менялась, но Азин не мог проявлять инициативу, связанный по рукам и ногам приказами командарма Шорина, привыкшего ставить задачи каждой части дивизии. При разговоре 1 мая 1919 года по прямому проводу с Шориным Азин попросил:

— Разрешите проявлять свою инициативу.

Командарм из Казани довольно несвязно ответил:

— В районе данной задачи.

Любую замену, перемещение полков Азин вынужден был выпрашивать у командарма по телеграфу. Терялось драгоценное время. Гибли замечательные люди. Только 4 мая 1919 года командарм Шорин разрешил частям дивизии переправиться на правый берег Вятки и занять оборону от Сокольных гор до устья реки Казанки.

В тот же день начдив Азин в своем приказе № 9039 потребовал:

«...По занятии позиций на правом берегу р. Вятки установить прочную связь вправо и влево, охранение, наблюдение промежуточными постами и постоянными разъездами. Особенная бдительность должна быть с наступлением сумерек и на рассвете, противник переправляться¹

¹ К 20-летию освобождения Удмуртии от колчаковщины. Материалы и документы. Ижевск, 1939.

через реку днем не будет. Позиции для 28-й дивизии на правом берегу хорошие, цепь гор вполне обеспечивает удержание последних. Командиры и комиссары частей должны проявить максимум энергии к приведению в боевой порядок и в былую мощь свои части.

В добрый час! Готовьтесь к наступлению и новым победам. Неустрашимые герои, верные сыны Революции, воспряньте духом и поставьте своим боевым лозунгом: «Смерть или победа! За Советскую власть — вперед!»¹.

Бойцы-азинцы получают агитационную литературу. Август 1919 года

Начальник артиллерии дивизии А. П. Гундорин получил от Азина указание установить обладающие высокой точностью огня Макленовские батареи на Грохановских высотах, вести тщательнейшее наблюдение за рекой Вяткой днем и ночью, не пропускать суда противника к Каме.

Бойцы на правом берегу Вятки получили возможность привести в порядок обувь и обмундирование, стали получать горячую пищу, регулярно ходить в баню.

¹ ЦГАКА, ф. 1:328, д. 100, л. 3.

А на предмостном укреплении у железнодорожного моста через Вятку днем и ночью шли жестокие бои. Отбив атаку, бойцы сразу же готовились к отражению нового натиска неприятеля. Часто по вызову комбрига Н. А. Тамулевича на помощь защитникам моста приходили артиллеристы и команда бронепоезда, открывавшие точный огонь прямой наводкой по цепям противника. Потеряв надежду взять предмостное укрепление лобовыми атаками, белогвардейцы направили на бомбежку моста самолеты, полученные от американцев и англичан. Воздушные атаки успешно отражались огнем артиллеристов и пехотинцев; летчики, попав в полосу огня, торопливо сбрасывали бомбы в реку Вятку.

В ожесточенной схватке у реки Казанки погиб смертью героя 15 мая 1919 года любимец Железной дивизии командир бригады Алексей Иванович Северихин. Азин не поверил этой страшной вести, пока своими глазами не увидел труп боевого товарища и друга. Долго сидел неподвижно, обхватив ладонями ноющие виски. Перед глазами проплыли памятные дни совместных боев, от первой встречи в Вятке до выхода из огневого вражеского кольца. Сколько раз Северихин водил бойцов в атаки, выполнял самые трудные и опасные задания, и смерть проходила мимо. В Ижевск комбриг Северихин ворвался первым и столкнулся с бегущим ему навстречу белым офицером. Командир вражеского отряда стрелял в упор в Алексея Северихина, но, видно, дрогнула рука, промахнулся... Трудно подобрать достойную замену большевику Алексею Ивановичу Северихину. Равного ему по отваге, мужеству, военной сметке в дивизии нет.

А через три дня дивизия потеряла еще двух своих любимцев — под деревнями Заструги и Сосновка попали в плен тяжело раненные политические комиссары бригад Илья Аронштам и Владимир Сергеев. Их пытали жестоко и долго. Поломали руки, выкололи глаза. Комиссары стойко и мужественно приняли мученическую смерть.

С болью в сердце и с верой в грядущую победу Азин обращается к бойцам дивизии с пламенным призывом отомстить за смерть героев, разбить врага, вернуть утраченные во время отступления районы:

«Звездоносцы, боевые орлы 28-й стрелковой дивизии! За год существования нашей дивизии тернист, но славен путь борьбы пройден вами. Не одна лавровая ветвь вплетена вами в победный венец пролетарской Революции, —■ их много. Славные бои с чехословаками под Казанью, взятие Чистополя, Елабуги, Сарапула, Ижевска — вот те кроваво-красные рубины, которые вкраплены вашими руками в страницы боевой истории дивизии. Победным шествием, сплошным триумфом был для вас минувший год. Но ежедневные бои в тридцатиградусные морозы, тяжелые переходы по глубоким сугробам снега, физическая усталость и численный перевес противника сделали свое пагубное дело, и вы должны были отступить. С болью в сердце вы уходили из мест, купленных ценою крови наших дорогих товарищей; тяжел был путь отступления, но вы с честью вышли из-под ударов наймитов капитала, чтобы здесь, за рекой Вяткой, собраться с силами и вновь обрушиться на заклятого врага Великой Революции.

Довольно отступления! Ни шагу назад! Революция призывает нас идти за рубеж Урала!

Прочь усталость! Революция не знает отдыха. Наши ряды пополнены свежими бойцами, противнику нанесен первый удар, он дрогнул и, оторопев, шарахнулся назад. Там, впереди, где свирепствует власть монархиста Колчака, раздается стон наших братьев-бедняков, ждущих избавления от тирании буржуазии, терпеливо ожидающих вашего прихода. Вперед, на Колчака, не медля ни минуты! Вперед, не отставая от своих доблестных соседей. На вас надеется Советская Россия. К вам обращены взоры пролетариев всех стран.

Вперед за Советскую Россию! Да здравствует победа над врагом — капитализмом!»¹.

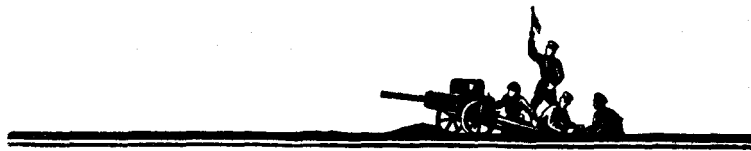
Этот приказ был зачитан перед строем бойцов у развернутых красных знамен, на которых было вышито — «Смерть Колчаку».

По распоряжению начдива во всех частях и подразделениях были проведены специальные тактические занятия на темы: форсирование реки; переправа войск

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 93, л. 160.

всех видов оружия через реку; огневая поддержка переправляющихся частей; выбор позиции после переправы— исходная позиция; наступление на противника: фронтовое, фланговое; резервы; обеспечение флангов и тыла; охрана переправ.

Крестьяне окрестных сел и деревень по просьбе агитаторов политотдела дивизии привезли в район Мамадыша свои рыбацкие лодки. В прибрежных рощах готовились плоты. Бойцы тренировались, готовились к форсированию широко разлившейся реки Вятки.

VI. ТОЛЬКО ВПЕРЕД

1

По призыву Центрального Комитета Коммунистической партии весь советский народ поднялся на борьбу с армиями Колчака. С апреля по июль 1919 года на Восточный фронт было послано 11 тысяч коммунистов. Общая мобилизация трудящихся дала Восточному фронту 110-тысячное пополнение.

Особое внимание Восточному фронту уделял Председатель Совета Обороны В. И. Ленин. В телеграмме членам Реввоенсовета Восточного фронта — Гусеву, Лашевичу и Юреневу — 25 мая 1919 года В. И. Ленин указывал:

«Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной; напрягите все силы; следите внимательно за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население; следите за политработой; еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги; прочтите эту телеграмму Муралову, Смирнову, Розенгольцу и всем видным коммунистам и питерским рабочим; известите получение; обратите сугубое внимание на мобилизацию оренбургских казаков; вы отвечаете за то, чтобы части не начали разлагаться и настроение не падало.

Ленин»¹.

¹ В. И. Ленин. Из эпохи гражданской войны. Партиздат, 1934, стр. 52.

С предельной краткостью вождь партии изложил в этом историческом документе важнейшие вопросы, умелое решение которых обеспечивало победу.

Коммунисты, комсомольцы, революционные рабочие, влившиеся в войска Восточного фронта, подняли боеспособность, дисциплину, организованность, политико-моральное состояние частей и подразделений. Резко улучшилось качество партийно-политической работы. Все это позволило всем армиям Восточного фронта перейти в решительное контрнаступление.

Настало время, когда 2-я армия, залечив раны и пополнив ряды новыми бойцами, получила директиву о форсировании рек Вятки и Камы и освобождении оставленного весной района. Соседняя 5-я армия уже победоносно продвигалась вперед, громя противника, очищая от колчаковцев родную землю.

Командарм 2 решил главный удар нанести по левому флангу противника. Эту задачу Шорин возложил на самую боеспособную 28-ю стрелковую дивизию, которая к 22 мая сосредоточилась в районе города Мамадыша. Волжская военная флотилия, прибывшая из Нижегородского затона, получила задание оказать огневую поддержку 28-й дивизии.

Части 7-й и 21-й стрелковых дивизий задолго до начала наступления были стянуты к сохраненному бригадой Тамулевича железнодорожному мосту через реку Вятку. Противник учел нескрываемое намерение наших войск вести фронтальную атаку и собрал на этом участке значительные силы для встречного удара.

Готовясь к наступлению, начдив Азин особое внимание уделил разведке и наблюдению. После удачных поисков его неуловимых разведчиков в полевой книжке начальника дивизии появились списки полков противника и их командиров с обстоятельным описанием не только воинского звания и должности, но и характерных привычек, достоинств и недостатков каждого.

Еще 20 мая по приказу Азина было проведено пробное форсирование реки Вятки вторым батальоном 39-го полка. На рассвете бойцы на лодках и плотках переправились на левый берег, сбили охранение противника и зацепились за деревню Свиные Горы. Организовав круговую оборону, смельчаки оттянули на себя вражеский полк.

Накануне форсирования Вятки 22 мая Азин получил приказание командарма Шорина передать в распоряжение начдива 7 третью бригаду 28-й дивизии, а также два дивизиона артиллерии. Это распоряжение явно не вязалось с решением командарма о том, что главный удар наносит 28-я дивизия.

— Выполнение задачи несколько осложняется, — растопыряв на столе потертую карту-двухверстку, сказал Азин комиссару Пылаеву. — Сейчас же кое-что пересмотрим в нашем плане. Двести сорок девятый поставим головным. Там лучше всех подготовились — первыми собрали самодельную флотилию. На моряков надейся, а сам не плошай.

— Полки преобразились. Бойцы рвутся в бой, — сказал Пылаев, наблюдая за быстрыми, ловкими руками начдива, наносящими пометки на карту. — Можно надеяться, что моряки нас не подведут. На днях я беседовал с командиром десантников Иваном Кожановым. Отряд у него заметно вырос. Матросы высадутся одними из первых.

— Кожанова я знаю. Встречался в прошлом году. Смелый, знающий дело командир, — с уважением заметил Азин. — Передам распоряжения и поеду в Мамадыш, в 249-й полк. Надо еще раз все проверить...

...Для переброски полков 2-й бригады были использованы пароходы «Мотылек» и «Александр Эльбосфер», прибывшие из Казани, и первый дивизион канонерских лодок. В ночь на 25 мая в районе села Анзирка по приказу Азина началась переправа через Вятку. Третий батальон 249-го полка быстро и бесшумно погрузился на пароход. На верхней палубе было установлено 13 пулеметов и два бомбомета.

Азин вместе с командиром 249-го полка Чернецовым стоял на берегу и с тревогой смотрел на удалявшийся пароход. Пристаней нет. Вода стоит высокая, старики говорят, что такой широкой и сердитой Вятка не была вот уже тридцать лет. Удастся ли причалить к берегу? И что ждет смельчаков у села Анзирки?

В ста шагах от берега пароход сел на мель. Колчаковцы услышали шум и открыли по десанникам пулеметный и ружейный огонь.

И тогда Азин послал в небо белую ракету. По этому сигналу открыл огонь дивизион артиллерии, умело спря-

тайный Алексеем Гундориным в прибрежных складках местности, ударили по врагу орудия канонерских лодок «Пронзительный», № 307 и боевого судна «Елизавета». И с палубы парохода по огневым точкам противника одновременно хлестнули длинными очередями 13 станковых пулеметов. Колчаковцы не выдержали такого массированного огня и отошли на запасные позиции. А тем временем с парохода были спущены длинные доски и по ним бойцы ринулись вниз, в воду, по которой еще плыли мелкие, колючие льдинки. Поторапливая друг друга, проклиная колчаковцев, красноармейцы шли к берегу, держа над головой винтовки и подсумки с патронами. Пулеметы спускали и перевозили на специальных плотиках. Не задерживаясь ни минуты на берегу, мокрые, цепенеющие от лютой стужи бойцы 3-го батальона штыками и прикладами уничтожили гарнизон села Анзирки и заняли круговую оборону, прикрывая огнем товарищей, плывущих к ним на помощь. К 6 часам утра 249-й и 40-й стрелковые полки были переброшены на левый берег Вятки. Ломая сопротивление противника, бойцы 249-го полка к вечеру достигли линии сел Дюмдюн — М. Шуня — М. Еловое (Архангельское), 40-й полк прикрывал переправу¹.

Как только два полка закрепились на левом берегу, по приказу Азина началось форсирование реки у деревни Самодуровки. Под прикрытием огня батареей Гундорина и судовых орудий боевые суда Волжской военной флотилии в первом часу ночи 25 мая начали переброску красноармейцев на левый берег Вятки. Вода кипела от разрывов вражеских снарядов. Бойцы спокойно и умело обстреливали озаряемые вспышками позиции белогвардейцев. Бесстрашно спускались в холодную воду и стремительно двигались к чернеющему берегу. Ничто не могло остановить героев.

Бойцы 245-го полка с ходу выбили противника из села Баженовки.

Противник предпринял ожесточенные атаки на 40-й полк, прикрывавший переправу. Переправившийся на левый берег начдив Азин смело двинул 249-й полк на села Марты и Старые Арманы — в тыл наступавшей¹

¹ Сборник воспоминаний непосредственных участников гражданской войны 1918—1922 гг. Кн. II. Москва, 1922, стр. 101.

группе противника. Этот маневр спас от гибели 40-й полк и позволил перебросить полки первой бригады.

После двухдневного яростного боя части Железной дивизии на широком фронте прорвали сильно укрепленные позиции. Это была победа славного боевого взаимодействия. Вместе с пехотинцами успешно сражались против колчаковцев моряки десантного отряда Ивана Кожанова. У деревни Котловки матросы разбили офицерский батальон и «непобедимый Таланский отряд».

Командир батальона моряков Федор Гудков с пробитой правой рукой вел своих бойцов в атаку. Вторая пуля задела легкое и вывела из строя комбата. Сильно укрепленные свингорские позиции белых пали, 27 мая 1919 года азинцы и кожановцы одновременно ворвались в Елабугу.

Героизм и высокое воинское мастерство начальника десантного отряда Ивана Кузьмича Кожанова и командира батальона Федора Федоровича Гудкова Реввоенсовет Республики отметил высшей боевой наградой — орденом Красного Знамени.

За два дня две бригады 28-й дивизии продвинулись вперед на 55 верст и разбили 1-й Красноуфимский, 2-й Кыштымский, 58-й Павлодарский, 59-й Саянский, 10-й Байкальский и 12-й Верхнеудинский белогвардейские полки.

Командарм Шорин, занятый проталкиванием вперед 7-й дивизии, наступавшей вдоль железной дороги Вятские Поляны — Агрыз, к большой радости Азина прекратил на время мелочную опеку, дал возможность действовать самостоятельно. Обладая похвальной смелостью и природной сметкой при решении сложных тактических вопросов, начдив 28-й двинул полки вперед, не обращая внимания на открытые фланги и потерю связи с соседней 7-й дивизией. Азин на сто процентов использовал преимущества внезапного нападения и, разрезая на две части дивизии противника, 1 июня ворвался в город Агрыз.

В дополнительной оперативной сводке 2-й армии за 1 июня 1919 года сообщалось:

«...Лихим налетом конницы 28-й дивизии занят Агрыз, захвачено 700 пленных, 800 винтовок. Преследуя в беспорядке бегущего противника, конница ворвалась в деревню Юкси, что в 20 верстах южнее Ижевска. Отступ-

ление противника настолько поспешно, что он не успел взорвать железнодорожный мост через реку Иж близ Агрыза. Мост в полной исправности»¹.

Победа под Агрызом была омрачена ранением комиссара дивизии Пылаева. Получив эту печальную весть, Азин прискакал в село Армолу к своему верному другу. С болью в голосе сказал:

— Опять в атаку полез. Нельзя так рисковать, дорогой мой, нельзя.

— Три пули. Пулеметной очередью прохватили, — покусывая бледные губы, сказал Пылаев. — Я ведь меньше под огнем бываю, чем ты, а вот не повезло. Говорят, под Елабугой под тобой трех коней убили... Рискуешь больше моего. Меня заменит Лукин, а вот тебя из наших никто не заменит.

— Отдохни. Ишь, разговорился, как на митинге, — поправляя окровавленные повязки, сказал Азин. — Я Зевину скажу, пусть приставит к тебе медсестру Кузнецову. Руки у нее чудодейственные, в момент вылечит.

— Спасибо. Пока я ждал перевязку, нацарапал заметку, что-то вроде обращения к бойцам. Включи в приказ.

Азин взял покрытый багровыми пятнами листок, прочел:

«Коммунары 28-й дивизии!

Кровь, пролитая на полях Осинского, Кунгурского, Красноуфимского, Сарапульского и Елабужского уездов в схватках с монархистскими бандами Колчака, крепко спаяла нас в одну коммунистическую семью.

С болью в сердце отзывалась каждая наша потеря, и с рвущимся от боли сердцем уходил от нас каждый боец.

Раненный тремя монархическими пулями под селом Армолу, я вынужден временно оставить родную для меня коммунистическую семью. Но я по-прежнему горю сердцем быть в вашей семье, вместе с вами, бойцами-коммунарами 28-й дивизии, наносить смертельные удары монархическим бандам Колчака.

Вперед, товарищи, за светлое будущее! Лишь только зарубцуются раны, я и многие другие товарищи¹

¹ ЦГАКА, ф. 143, д. 267, л. 364.

Командующий 2-й армией
В. И. Шорин

вернемся к вам рядовыми бойцами с новыми силами»¹.

— Молодец, комиссар! Приказ будет прочитан перед строем. Поправляйся, дорогой!— с глубоким волнением произнес Азин, порывисто поцеловал бледную щеку Пылаева и вышел из санчасти.

...Продолжая наступление, полки 28-й дивизии разбили 9-й Иркутский и 11-й Верхнеудинский полки белых и в 7 часов вечера 2 июня 1919 года заняли Сарапул.

В Сарапуле победители были неожиданно обстреляны прорвавшейся к городу речной флотилией белогвардейцев, состоящей из 12 вооруженных судов.

Азин связался с Гундориным и приказал немедленно отогнать огнем батарей неприятельские корабли.

В это время в городе была всего лишь одна 2-я батарея 2-го легкого артдивизиона. Командир батареи Калмыков смело выбрал открытую позицию на берегу реки за городом. Батарея выдвигалась под шквальным пулеметным и орудийным огнем противника. Расчет и кони первого орудия погибли. Красноармейцы второго орудия Петр Лаунов, Николай Белеев и Дмитрий Парамонов на руках выдвинули орудие на позицию. Пули и осколки звонко хлестали по щиту и стволу орудия, рыли землю вокруг героев. Наводчик Петр Лаунов вогнал снаряд в борт парохода «Кент» и крикнул товарищам:

— Давай, давай, мы его сейчас, окаянного, выкупаем!

Второй снаряд попал в машинное отделение. Пароход накренился на бок и медленно погрузился в воду.

Наводчик сменил прицел и послал снаряд во второе белогвардейское судно. Взрывная волна смела бегаю-¹

¹ К 20-летию освобождения Удмуртии от колчаковщины. Материалы и документы. Ижевск, 1939.

щих по палубе матросов. Еще один точный выстрел — и пароход пошел ко дну.

Пули перебили ноги заряжающего Дмитрия Парамонова, и он упал у ног наводчика. Николай Белеев схватил снаряд из рук раненого, передал Лаунову, сказал с горечью:

— Удирают, гады, полным ходом. Не достать.

Вражеская флотилия скрылась за поворотом реки. Петр Лаунов перенес огонь на позиции вражеских пулеметчиков.

Наблюдавший за неравным огневым поединком начдив Азин приказал Гундорину немедленно представить героев к высшей боевой награде. Красноармейцы Петр Лаунов, Дмитрий Парамонов и Николай Белеев приказом Реввоенсовета Республики от 7 декабря 1919 года были награждены орденами Красного Знамени.

В Сарапуле азинцы захватили 200 вагонов с военным имуществом и до батальона солдат противника.

3 июня передовые части 7-й дивизии достигли Агрыза, и Азин сразу же снял свои левофланговые части и двинулся на Ижевск. Наступать было очень трудно. Бойцы вплавь преодолевали многочисленные речки. В лесисто-болотистой местности на головы красноармейцев опускались тучи комаров и мошкары, которые забивали глаза, уши и ноздри. От бесчисленных укусов опухали лица и руки. Отступая, белогвардейцы поджигали торфяные болота, и дымный смрад отравлял наступающих. Физически слабые бойцы теряли сознание.

В начале июня Сибирская армия генерала Гайды перешла в наступление, стремясь через Вятку прорваться к Котласу и соединиться с англо-американскими интервентами. 3 июня колчаковцы захватили город Глазов и, продвинувшись вперед к Вятке, к вечеру заняли Агрыз.

Организатор обороны Советского государства В. И. Ленин 4 июня направил в Реввоенсовет Восточного фронта следующую телеграмму:

«Крайне обеспокоен потерей Агрыза и особенно Глазова. Приняли ли экстренные меры? Выяснили ли причины? Предреввоенсовета Республики был в восторге от III армии; что с ней случилось?»

Ленин»¹.

¹ Ленинский сборник XXXIV, стр. 161.

Не полагаясь на 7-ю дивизию, оставившую Агрыз, командарм приказал Азину срочно перебросить два полка пехоты с двумя батареями на помощь своим соседям.

Азинцы с марша вступили в бой, вышибли белогвардейцев из Агрыза и отбросили их к станции Юськи.

5 июня колчаковцы попытались переправиться у села Галанова на правый берег Камы и нанести удар по частям 28-й дивизии. Азинцы встретили лодочную флотилию противника дружным и метким оружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Несколько лодок было разбито. Колчаковцы вынуждены были возвратиться назад и перейти к обороне.

Продолжая наступление вдоль правого берега Камы, 28-я стрелковая дивизия обошла левый фланг колчаковских войск под Ижевском. К 7 июня город был охвачен полукольцом атакующих азинцев.

Стремясь любой ценой удержать Ижевск, белогвардейцы создали три линии обороны, восстановили старые окопы и ходы сообщений, прикрыли позиции рядами проволочных заграждений. Две отборные дивизии корпуса генерала Гривина защищали Ижевск. Солдаты были одеты в новенькое американское обмундирование, имели заграничное оружие, много патронов.

Сражение за Ижевск началось утром 7 июня 1919 года. И снова, как восемь месяцев назад, начдив Азин руководил полками, штурмующими укрепления врага. Бой продолжался сутки. Противник оказал упорнейшее сопротивление у деревень Коровай-Норья, Верх-Лудзи, Норья. На помощь усталым азинцам пришла бригада Бахтина (3-й и 4-й Петроградские полки) из 7-й стрелковой дивизии. В ночной рукопашной схватке белогвардейцы были выбиты с выгоднейших позиций и стали отходить к Воткинску. Азин бросил для преследования и уничтожения противника свою гвардию — 28-й конный полк.

Рано утром 8 июня полки 28-й Железной вступили в Ижевск. Азин со своими ординарцами и связными проскакал к заводу. Обрадовался — плотина цела! А вот завод встретил зияющей пустотой цехов. Белогвардейцы вывезли оборудование, сохранилось лишь несколько станков, зарытых рабочими в землю. Это был своеобразный подвиг. Труженики завода рисковали жизнью —

колчаковцы отметили свое временное хозяйничанье террором. Только по Сарапульскому уезду белогвардейцы замучили и расстреляли 8298 человек.

К вечеру из соседних лесов и деревень стали сходить-ся в Ижевск рабочие-оружейники. И июня в Ижевске состоялся митинг, на котором было принято решение:

«...Мы, рабочие Ижевских заводов, в знак благодарности нашим освободителям будем изготавливать винтовки с удвоенной энергией, ибо мы знаем, что только вооруженный народ может быть свободным, только с оружием в руках может добиться конечного торжества...»¹.

Ижевцы сдержали свое слово. 18 июня они восстановили мартиновскую печь и начали выпускать по 500 винтовок в день.

...Преследуя отступающих колчаковцев, полки 28-й стрелковой дивизии 11 июня подняли красные флаги над многострадальным Боткинском.

В боях за Воткинск были разбиты две дивизии колчаковцев — Боткинская и Акмолинская. Только один 249-й стрелковый полк в ночном бою захватил 700 пленных, 2 орудия, 13 пулеметов, более 200 000 патронов. А было в полку в это время всего-то 552 бойца...

На окраине Воткинска у кладбища пулеметной очередью был убит конь Азина. Оглушенный падением, начдив с трудом поднялся, схватился за ногу и снова опустился на землю. Подскакал ординарец Стек.

— Коня! — крикнул Азин.

Стек соскочил на землю, вытащил бинт.

— Кузнецова перевяжет, — сказал Азин, сел на коня ординарца и поскакал к своим товарищам-кавалеристам.

2

Из Воткинска Азин направил командарму Шорину свой план дальнейшего разгрома деморализованных дивизий противника. Начдив 28-й предлагал немедленно переправиться на левый берег Камы и двинуться прямо на Красноуфимск и Екатеринбург. К этому времени суда Волжской флотилии, очистив путь от мин, пришли в Сарапул и готовы были к переброске пехоты на левый¹

¹ Газета «Красный воин» от 13 июня 1919 года, № 138.

берег Камы. Войсками М. В. Фрунзе была разгромлена уфимская группировка противника и освобождена Уфа.

Бывший полковник Шорин, привыкший к спокойной позиционной войне, отклонил предложения Азина, назвал их «партизанскими» и направил армию по правому берегу Камы в северо-восточном направлении. Путь наступающих был удлинён на 150 верст. На преодоление этого расстояния ушло семь дней.

Азин был очень огорчен отказом Шорина от плана укороченного наступления на Екатеринбург, но никому об этом не сказал.

Начальник санслужбы Зевин и особенно медсестра Кузнецова настаивали на госпитальном лечении Азина, но он шутливо отмахнулся:

— До свадьбы заживет. Пешком не хожу, рана легкая, незаметно засохнет.

И на следующий день с группой разведчиков латышей на дрезине выехал «на уточнение переднего края». Незаметно проскочили свои позиции. Затормозили, заметив на поляне у дороги солдат в иностранных мундирах. Сидевший у пулемета Азин не удержался, длинными очередями срезал белогвардейцев. Поднялась пальба.

— Гони назад! — крикнул Азин.

Когда миновали полосу обстрела, Карл Стек сказал укоризненно:

— Опять рисковали жизнью. Ведь они могли обойти нас. Расстрелять или взять в плен.

• — Велик почет без геройства не живет, — рассмеялся Азин. — Обойти нас могут, взять в плен — никогда! Пять человек, а какую мы панику подняли... Палят и палят. Свои своих бьют...

Разведка проводилась во всех полках дивизии. Собрав обстоятельные сведения о противнике, Азин нанес новый удар по колчаковцам. Полки 28-й дивизии вышли на линию сел Опалиха — Мясниково — Большая Мостовая. В оперативной сводке за 16 июня 1919 г. сообщалось:

«На участке левой группы 28-й стрелковой дивизии после 62-часового боя части сбили многочисленного (11 полков) противника. Ни контратаки противника, ни броневые машины, ни ураганный огонь судов не могли сдержать натиска боевых орлов 28-й дивизии, разбивших

врага и взявших у него около 150 пленных, пулеметы и другие трофеи. Преследование продолжается»¹.

Вечером, подытоживая прожитый день, Азин с нескрываемым торжеством обвел черным ретушным карандашом 11 вражеских полков. На двух из них поставил крестики. Комиссару Лукину, наблюдавшему за этой работой, сказал с гордостью:

— Самое приятное занятие — списывать в расход неприятельские полки. По мирной профессии я бухгалтер. Никогда не думал, что мне доведется вести такой невероятный дебет-кредит. Особенно меня радует вот эта рамка с крестиком ■ — «бессмертный ударный полк имени генерала Гайды». Подумать только: «бессмертный», «ударный». Колчаковская гвардия. Красавцы в иноземных мундирах. На них держали равнение все белогвардейские полки. А наши ребята из 250-го полка загнали этих героев в Каму и потопили, как котят. Из всего «бессмертного полка» осталось сто пятьдесят пленных. Бедный Роберт Гайда рвет с досады свои волосишки...

— А полк «Имени Иисуса Христа» — тоже прославленное воинство, — сказал Лукин. — В атаку вел какой-то важный батя, весь в золоте, с крестом в руках. Не довел. Срезали. Как в вашей бухгалтерии эти христовцы представлены?

— Отправлены к шефу ■ — Иисусу Христу, — сказал Азин. — Вот траурная рамочка и крестик. Бухгалтерия точнейшая...

...18 июня 1919 года командарм приказал начдиву 28 Азину начать переправу на левый берег Камы.

В тот же день Азин разработал детальный план форсирования Камы. Еще машинистки штаба размножали приказ, а у крыльца уже сидели связные, лучшие бойцы кавалерийского полка. Азин вышел к бойцам, передал своему любимцу Лахмутову пачку папирос, сказал ласково:

— Курите, орлы!

— Подымите с нами, товарищ начдив, — сказал Лахмутов, передавая по кругу папиросы.

— Некогда, друзья! Да ведь я некурящий. Иногда приходится дымом от комаров спасаться.¹

¹ ЦГАВМФ, ф. 143, д. 267, л. 222,

— Ох и свирепый здесь гнус,— сказал рядовой Иван Петров. — Лезет без спросу во все щели. Первый союзник колчаковцев.

Кавалеристы посмеялись, закурили. Азин спросил:

— Как себя Андрей Мамин чувствует?

— Стараются загладить свою вину,— сказал Лахмутов. — После памятной беседки с вами — приказы выполняет быстро и точно. Ни одной провинки за ним не замечали.

— Если бы Мамин всегда брал с вас пример, не было бы у него ошибок,— сказал Азин и торопливо зашагал в штаб.

Лахмутов покраснел, на его пухлых губах появилась улыбка. Он вспомнил день, принесший ему славу. Он вез пакет из штаба 28-й в соседнюю 7-ю дивизию. На конверте пометка «аллюр, три креста». До соседней добрался благополучно, получил такой же срочный пакет и помчался обратно. Подъехав к реке, невольно схватился за щеку и трижды зло выругался: по Вятке плыли огромные льдины, сталкивались, с хрустом ломались, покрывались пеной. И боец понял, что лошадь ему не поможет, надо с ней расставаться. Снял седло, погладил верного друга по влажной шее и, всхлипывая, пошел к реке. Прыгая с льдины на льдину, рискуя жизнью, перебрался на противоположный берег. Пакет доставил вовремя. Начдив, выслушав бойца, сказал:

— Молодец. Товарищ Ладонин, оформите документы на представление связного Лахмутова к ордену Красного Знамени. Заслужил! Герой!

...Машинистки закончили работу. Петр Ладонин, преданнейший и вернейший помощник Азина, быстро подготовил пакеты, и связные развезли их по указанным адресам.

К вечеру 18 июня командир 3-й бригады Гонихин сосредоточил свои части в селе Рождественском. Туда же подтянулись саперные роты инженерного батальона. Начальник артиллерии Алексей Гундорин, получив приказ «лично руководить мортирным и Макленовским дивизионами», подобрал удобные для стрельбы позиции, установил орудия и доложил начдиву о полной готовности прикрывать огнем переправу.

Передовая дивизионная база снабжения передвинулась на станцию Галево. Туда же прибыл санитарный поезд Зевина.

Задержались только средства переправы: Волжская флотилия никак не могла догнать пехоту 28-й дивизии. Пароходы прибыли 20 июня, и вечером началась переправа 3-й бригады. Огонь батарей противника был подавлен точным разящим ударом артдивизионов Гундорина. К утру 21 июня 244, 246, 252-й стреловые полки при поддержке 1-го легкого артдивизиона и 4-го эскадрона кавполка выбили противника из укрепленных позиций и заняли села Еловое и Кудошево.

Части 21-й дивизии заняли позиции 20-й и 1-й стрелковых бригад, успешно форсировавших 22 июня Каму у пристани Ножовка.

В приказе по 2-й армии от 23 июня отмечалось:

«...28-я стрелковая дивизия, сбивая арьергард противника, правым флангом вышла на фронт Н. Дишурина, Акбашево, а левым флангом выходит на линию Уймушево, Гиблово, ведя бой за обладание этими пунктами...»¹.

Таким образом, и Каму первой форсировала 28-я Железная дивизия.

В своих приказах Азин постоянно обращал внимание комбригов «на безусловное прочное поддержание связи с частями и со мной, используя все средства для своевременного доставления сводок и получения боевого приказа из полевого штадива»². Стремясь всячески улучшить боевое управление частями дивизии в условиях скоротечного боя, Азин смело выдвигал свой полевой штаб вплотную к цепям наступающих полков.

Поспешно отступая, противник часто не успевал снять свою телефонную связь, и Азин умело использовал эту оплошность. Он хорошо изучил манеру разговаривать и лексикон офицеров старой царской армии и, включаясь в сеть колчаковцев, весьма искусно добывал у неприятеля сведения и отдавал приказание. Прекрасно поставив разведку, Азин как бы заочно познакомился с командирами колчаковских частей, стоявших на его

¹ ЦГАВМФ, ф. 143, д. 255, л. 54.

² Там же, л. 58,

боевом участке. 23 июня он по телефону перехватил приказ 4-й сибирской дивизии, что «в районе Осы к северу и югу от нее действуют 4-я — 7-я сводные сибирские дивизии противника... Задача 4-й дивизии упорно оборонять восточный берег реки Тулва тремя полками, четвертым полком перейти в наступление на Осу с целью ликвидировать нашу переправу в этом районе...»¹.

Полученные от противника сведения начдив Азин использовал при решении боевой задачи. Его полки переправились через реку Тулву в слабо защищенном районе, не потеряв ни одного бойца, и вскоре достигли новой водной преграды — реки Ирен. Попытка колчаковцев задержать азинцев на этом выгодном рубеже не увенчалась успехом. 29 июня 28-я Железная под ожесточенным огнем врага первой форсировала реку Ирен и, громя неприятеля, устремилась к Екатеринбург.

Боевые успехи перешедших в решительное контрнаступление армий Восточного фронта получили исключительно высокую оценку Советского правительства. 25 июня 1919 года Совет Обороны принял постановление:

«В последних боях с бандами колчаковцев особое мужество и энергию проявили наша пятая, вторая и Туркестанская армии. Разбив неприятеля на голову и развивая энергичное неотступное преследование, эти армии заняли ряд особо важных стратегических пунктов и городов. Во внимание к особо выдающемуся мужеству красноармейцев и командного состава этих армий и в награду за особо ценные заслуги их перед революцией,

Совет Обороны постановил:

1. Объявить особую благодарность красноармейцам и командному составу пятой, второй и Туркестанской армий.
2. Ввиду того, что при неудержимом стремлении вперед части уходили далеко от своих органов снабжения и красноармейцы и командиры вынуждены были приобретать продовольствие за свой счет, — выдать всем частям этих армий, участвовавшим в боях, денежную награду:

¹ ЦГАВМФ, ф. 143, д. 255, л. 56.

а) строевому составу — в размере месячного оклада Содержания,

б) нестроевому составу — в размере полумесячного оклада содержания.

Председатель Совета Обороны
В. Ульянов (Ленин)»¹.

Постановление Совета Обороны вдохновило воинов 28-й стрелковой дивизии на новые славные боевые дела.

Каждый день Азин получал от командиров частей донесения, в которых с предельной лаконичностью излагались подвиги бойцов-героев. Вместе с комиссаром Лукиным начдив определял, как отметить заслуги каждого отличившегося красноармейца и командира. Лучших из лучших представляли к высшей боевой награде — ордену Красного Знамени. Материалы о боевых делах отважных и стойких воинов печатались в дивизионной и армейской газетах. Коммунисты-агитаторы рассказывали о героических делах азинцев товарищам по оружию.

30 июня взвод инженерного батальона восстанавливал сожженный колчаковцами мост через реку Ирен у села Межевого. Белогвардейцы установили на бугре пулемет и повели огонь по саперам. Красноармейцы Шишунов, Кочетов, Наумов, Лазарев, Рубцов под прикрытием артбатареи переплыли через реку, захватили вражеский пулемет и его огнем отбросили солдат противника от берега. Приказ начдива был выполнен — мост восстановлен. На следующий день о мужестве и воинской сметке саперов знали все бойцы дивизии.

Равняясь по героям, шли полки 28-й стрелковой дивизии к сердцу Урала — Екатеринбургу. На линии заводов В. А. Артынский, Бисертский и Сылвинский противник пытался остановить атакующих, но был опрокинут. У Михайловского, Нижне-Сергиевского и Уткинского заводов колчаковцы, опираясь на сильно укрепленную полосу выгодных позиций, задержали дивизии 2-й армии.

Азин посоветовал командарму Шорину обойти укрепленный район и ударом с тыла сломить сопротивление *

* Ленинский сборник XXXIV, стр. 178.

колчаковцев. Осуществление этой задачи Шорин возложил на начдива 28-й Железной.

По приказу Азина была создана сводная бригада. Лучшие полки дивизии прорвались трудными горными проходами на завод Марьинский и далее на завод Мраморский и по линии железной дороги Челябинск — Екатеринбург совершили глубокий рейд. Удары бригады по тылам белогвардейцев решили участь укрепленных позиций на линии Михайловский, Бисертский и Сылвинский заводы. Разгромленные дивизии колчаковцев отступали на Екатеринбург¹. Преследуя противника, части 28-й дивизии захватили на Билимбаевском и Шайтанском заводах огромные склады с военным имуществом и продуктами.

13 июля 1919 года начдив Азин поставил перед своими бойцами ответственную и почетную боевую задачу:

«...Овладеть к 12 часам 14 июля Екатеринбургом...»

В сражении за Екатеринбург особенно отличились конники и артиллеристы дивизии. После освобождения Красноуфимска Азин вызвал в полевой штаб командира 28-го кавалерийского полка Берзина, старого фронтового друга, и дал ему задание: выслать эскадрон в рейд по тылам врага и на железной дороге Казань — Екатеринбург в районе станции Дружинино взорвать мост и задержать поток отступающих колчаковцев.

— Не скрою, операция трудная и опасная, — сказал в заключение Азин. — Но чем больше опасности, тем больше славы. Так говорил когда-то Петр Первый. И еще приведу одно крылатое выражение: «Воюют не числом, а умением».

— Слышал такую истину, — улыбнулся Берзин. — Когда выходить?

— Сегодня вечером. Какой эскадрон пошлешь?

Берзин подумал, постучал пальцами по ножнам сабли, сказал:

• — Второй. Лобанов — бывалый, сообразительный, бесстрашный командир.

— Не возражаю. Саперов-подрывников выделит Головки. Соберешь их вместе с командным составом диви-

¹ В. Ш о р и н . Борьба за Урал. Гражданская война 1918-1921 гг., т. 1. Москва, 1928, стр. 161—162.

Зйона и обстоятельно проинструктируешь. Подчеркни главную задачу — надо прорваться к Дружинине и взорвать мост. Пусть избегают крупных столкновений с противником.

— Ясно,— сказал Берзин.— Задание будет выполнено.

—■ Последний вопрос для полной ясности. Есть ли во втором эскадроне партийная ячейка?

— Есть в каждом эскадроне. Только вот за последние бои многие коммунисты вышли из строя.

— А я что тебе говорил: береги большевиков, без них пропадешь. Это цемент, скрепляющий полк. Без коммунистов нельзя воевать...

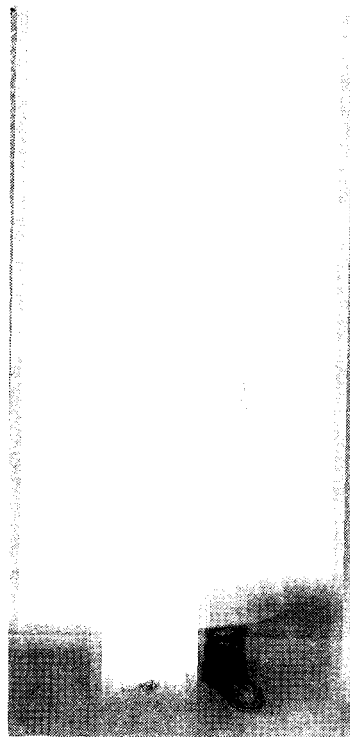
— Разве их убережешь? Первыми бросаются в атаку. Во втором эскадроне все коммунисты. Билет иметь необязательно, надо, чтобы душа была партийной. В этом суть.

— Да, в этом суть! — подчеркнуто повторил Азин понравившиеся ему слова. —Желаю успехов!

...Вечером 2-й эскадрон вышел из Красноуфимска и углубился в лес. По пути вырубili сторожевую заставу противника и конную разведку. Берегли тишину, действовали только клинками.

Утром незамеченными спешили в кустарнике у подножья кособора, в 350 шагах от моста. И только замаскировались, как по железной дороге к Екатеринбургy промчался белогвардейский эшелон.

Командир эскадрона Лобанов выждал, когда стихнет стук колес, и вместе с командиром 1-го взвода

Командир эскадрона
А. Г. Лобанов

Сидоровым, вахмистром коммунистом Рогозинниковым и подрывником из Полтавского полка Васильевым, прикрываясь кустами, побежали к мосту. Сапер умело и спокойно подложил взрывчатку, подключил бикфордов шнур и сказал:

— Все в порядке, товарищ эскадронный. Будем ждать гостей.

Отползли за высокий валун. Затаились. Лобанов, поглядывая на часы, злился, что время ползет очень медленно, бойцы волнуются, нервы напряжены до предела. Все переглянулись, когда показался эшелон. Колеса стучали лихорадочно быстро. Вагоны приблизились к мосту и... проскочили минированный участок.

— Ты что там наворожил? — сердито спросил Лобанов сапера. — Где же твой порядок?

— Сам не пойму, — смутился Васильев. — Пойдем посмотрим.

Осмотрели заряд. Оказалось — бикфордов шнур перетерт. Не сработал.

Сапер сменил шнур. Спрятались за валун. Стали ждать. Со стороны разъезда донесся отдаленный гудок паровоза. Над лесом вытянулась длинная темно-серая лента дыма.

— Идет пассажирский, — шепнул Сидоров. — В рай, без пересадки...

Лохмотья дыма проплыли над валуном, и сразу же громыхнул тяжелый взрыв. Паровоз и два первых вагона вместе с обломками моста рухнули в глубокий овраг. Все смешалось — лязг и хруст вагонов, дикие вопли перепуганных белогвардейцев и стоны тяжелораненых и раздавленных.

Взрыв был сигналом атаки. Кавалеристы, стреляя из карабинов, оцепили эшелон. Потрясенные ужасом белогвардейцы не оказали серьезного сопротивления. В плен попали штабные работники, интенданты, медики, какие-то пьяненькие офицеры с роскошно одетыми дамами. Их обезоружили, отвели в соседнюю рощу.

По приказу Лобанова конники заняли круговую оборону. И только окапались, как подошел новый эшелон колчаковцев. У моста завязался неравный ожесточенный бой. В течение часа эскадронцы отбили несколько яростных атак белогвардейцев. Кончились патроны, когда к рубежу героев подошли полки 28-й стрелковой диви-

*1

Командир ^ беспощадного батальона Коржаненко
(первый слева) с группой бойцов. 1919 год

зии и разгромили атакующих колчаковцев. Через полчаса подкатил еще один эшелон с отступающими белогвардейцами. Его встретили шквальным огнем пулеметов и орудий.

У станции Дружинино полками 28-й Железной было разгромлено 16 вражеских эшелонов.

Азин поблагодарил Алексея Григорьевича Лобанова и его бойцов за образцовое выполнение боевого задания и послал 1-й и 2-й эскадроны кавалерийского полка на Екатеринбург, поручив своей гвардии произвести разведку и, если обстановка позволит, ворваться в город. Каждый эскадрон получил от начдива самостоятельную задачу.

Следом за конниками двинулись к Екатеринбургу пехотинцы.

В семи верстах от города кавалеристы наткнулись на белогвардейскую разведку, двигавшуюся на двух грузовиках по Сибирскому тракту. Почуввав опасность, колчаковцы торопливо повернули назад, но путь оказался забитым повозками беженцев. После короткой перестрелки белогвардейцы бежали в лес, оставив кавалеристам две исправные автомашины.

Возле пограничного знака, разделяющего Европу и Азию, конники устроили короткий привал, подзакусили и двинулись к городу. В двух верстах от Екатеринбурга эскадроны разделились. Командир Его эскадрона Михаил Бубнов повел наступление по Сибирскому тракту, а Алексей Лобанов, выполняя указание начдива Азина, двинул эскадрон к Верх-Исетскому заводу.

Высланные в город конные разведчики донесли эскадронным, что на станции два эшелона колчаковцев.

Вечером вплотную к городу подошел головной 247-й стрелковый полк.

Колчаковцы встретили азинцев пулеметным огнем броневых автомобилей. Роты продвигались вперед короткими, стремительными перебежками.

А в это время конники 2-го эскадрона галопом промчались по улицам Верх-Исетского поселка, проскочили мост через реку Исеть, ворвались на главный проспект и заняли городской почтамт. Знаменщик эскадрона яро-¹

¹ А. Г. Л о б а н о в . Освобождение Екатеринбурга. Сборник «В борьбе за власть Советов». Свердловск, 1957, стр. 233—234.

славский рабочий Иван Флегонтов водрузил над почтамтом красный флаг.

На соседнюю улицу выскочили две бронемшины колчаковцев и открыли беспорядочную пулеметную стрельбу по плотине и кафедральной площади.

Конников выручили вступившие в город артиллеристы. По приказу начарта Алексея Гундорина орудия ударили прямой наводкой по бронемашинам. Огонь вели испытанные мастера; один из броневигов прямым попаданием был сброшен в канаву, а второй поспешно скрылся.

Азинцы двинулись к железнодорожной станции и в упорном бою уничтожили отряд белобандитов, поджегший вагоны и станционные постройки. В огне погибли пленные красноармейцы, наглухо закрытые в теплушках.

Еще шла борьба с огнем, угрожающим городу, и кое-где гремели выстрелы, а ликующий начдив Азин сообщал командованию радостную весть: Екатеринбург, сердце седого Урала, стал советским.

В городе было захвачено более 1000 человек пленных, пулеметы, орудия, бронемшины и другие военные трофеи.

Белогвардейцы не успели расстрелять брошенных в тюрьму коммунистов. Азинцы выпустили на волю 200 узников-смертников.

Весть о славных победах воинов 2-й и 5-й армий долетела до Кремля. Великий Ленин 19 июля направил в Революционный Военный совет Восточного фронта специальную телеграмму:

«Прошу от моего имени поздравить с победами 2 и 5 армию»¹.

3

...28-я стрелковая дивизия получила долгожданный, заслуженный отдых. С 22 мая по 15 июля ее бойцы непрерывно атаковали врага, освободили десятки городов и тысячи сел и деревень. Днем и ночью шли герои вперед — к победе, и никакие преграды не могли остановить их. От Вятских Полян до Екатеринбурга прошли с боями около 900 верст. На войне нет прямых линий,

¹ «Правда» от 23 февраля 1938 года, № 53.

Азин побеждал неприятеля умелым маневром, выходом в тылы вражеских войск. Преодолели широкие реки и топкие болота, прошли по лесам и горам; сколько уничтожили белых, не считали, а вот в плен взяли более 15 000.

Подытожив пройденный путь, начдив Азин и вернувшийся в строй комиссар Пылаев обратились к своим бойцам с теплым, приветственным словом:

«Звездоносцы 28-й дивизии!

Вы дружно ударили по колчаковским бандам на Вятке, смело сбили их с Камы и с целого ряда других укрепленных позиций и с гордостью орлов, высоко неся красные знамена, вошли в сердце Урала — Екатеринбург.

Рабочие и крестьяне Урала со слезами на глазах приветствовали вас, как освободителей от буржуазного гнета.

От имени рабочих и крестьян всей России, от имени Советской рабоче-крестьянской власти, ставящей задачи освобождения эксплуатируемых всего мира, приветствуем вас, как борцов-освободителей, и выражаем свое товарищеское спасибо за совершенные подвиги. И вновь зовем к новым победам над мировыми грабителями — буржуазными бандами.

Да здравствует 28-я стрелковая дивизия, как отряд международной Красной Армии»¹.

По представлению командования 28-й стрелковой дивизии более 200 бойцов и командиров, проявивших особое мужество, героизм и стойкость в великом походе от Вятских Полян до Екатеринбурга, были награждены орденом Красного Знамени. За высокое воинское мастерство, храбрость и отвагу начальник артиллерии дивизии Алексей Павлович Гундорин, комбриг 2 Николай Александрович Тамулевич, командир 251-го стрелкового полка Лука Васильевич Головкин были отмечены благодарностью в приказе по 2-й армии и награждены ценными подарками.

В светлый праздник дивизии превратился день, в который телеграф принес весть о награждении 247-го и 250-го стрелковых полков орденом Красного Знамени и 249-го стрелкового полка Почетным революционным Красным знаменем.¹

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 69, л. 117,

Начдив Азин, военком Пылаев и работники штаба дивизии стояли на самодельной трибуне, а перед ними на широкой площади ровными шеренгами выстроились полки и специальные подразделения 28-й стрелковой дивизии.

Первыми к трибуне под торжественный марш сводного оркестра подошли бойцы и командиры 247-го стрелкового полка. Азин подтолкнул локтем Пылаева, сказал тихонько:

— Посмотри, какие красавцы. Побрились, помылись, приоделись—не узнать. Бывшие партизаны, чеверевцы.

Прозвучала команда «Смирно!», и в наступившей тишине командир полка Ренфельд громкой выразительно прочел волнующие и радующие бойцов слова:

— «Награждается орденом Красного Знамени для прикрепления его к имеющемуся Почетному революционному Красному знамени за отличие в боях с врагами социалистического Отечества 247-й стрелковый полк.

8 июня 1919 года в бою за овладение г. Ижевском, когда противник упорно оборонял этот пункт, батальон 247-го полка, выполняя поставленную ему задачу, по своей инициативе ударил во фланг противника и тем решил бой в нашу пользу. 14 июля 1919 года под городом Екатеринбургом полк сбил противника с укрепленных позиций у села Решеты, на протяжении 5 верст, к вечеру взял город Екатеринбург, отбил несколько контратак на этот город и прочно закрепил его за нами»¹.

И не по команде, по велению сердца, переполненного счастливой гордостью, бойцы дивизии подняли высоко

Начальник артиллерии
28-й стрелковой дивизии
А. П. Гундорин

¹ ЦГАКА, ф. 4, д. 107, л. 123,

и звонко молодецкое, родное ратное «ура». Вместе с ними кричали «ура» местные ребятишки, с завистью поглядывающие на поблескивающие винтовки и пулеметы. И снова гремела музыка, ровняла ряды и вела на свое место счастливых—247-й стрелковый полк, дважды награжденный за легендарные подвиги на полях сражений за честь и свободу любимой Родины.

К трибуне подошел 250-й стрелковый полк. Азин с улыбкой смотрел на молодцеватых, подтянутых, хорошо снаряженных бойцов. Он почти всех знал по фамилии, ведь с ними начинал свой ратный путь у города Вятки, штурмовал Казань, прошел дважды по всему Прикамью и достиг сердца Урала.

Комиссар Пылаев тихо заметил:

— Жаль, Северихина нет. Это его питомцы.

— И Аронштама нет на этом празднике, и многих, многих других,— с грустью сказал Азин. — В этом ордене — слава и павших и живых...

И, слушая уже знакомые слова приказа Реввоенсовета, Азин вспоминал величавый, легендарный путь бывшего третьего сводного, ныне 250-го стрелкового полка.

Это он отходил последним за Вятку, прикрывая грудью товарищей по оружию. Это он первым переправился через разлившуюся Вятку у села Архангельское, сбил противника с береговых позиций и обеспечил успех общего наступления.

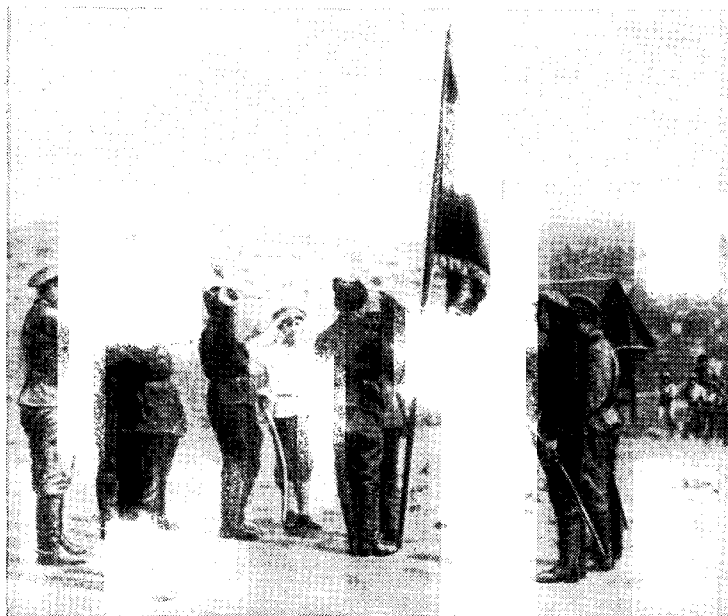
14 июня 1919 года под селом Бабки, когда колчаковцы выставили одиннадцать полков и все суда флотилии, стремясь окружить и разбить вторую бригаду красных, это он, воистину железный полк, ударил во фланг и тыл неприятеля, очистил от врага неприступные позиции, прижал к реке Каме и предал смерти прибывший из тыла Отдельный бессмертный ударный полк имени генерала Гайды.

Это он 12 июля 1919 года при наступлении на Уткинский завод ночью прошел по трудным лесным тропинкам, ворвался в тыл неприятеля, перерезал железнодорожный путь на Екатеринбург и взял в огневые клещи 16 эшелонов 4-й сибирской дивизии.

И, когда командир полка Ефимов произнес последнее слово приказа, взволнованный, переполненный ликованием Азин бросил с трибуны на площадь:

— Честь и слава двести пятидесятому!
И дивизия подхватила эти слова и повторила трижды:
— Слава, слава, слава!

И так же тепло и торжественно приветствовали собравшиеся на площади полки своих собратьев из 249-го Краснознаменного полка. Они заслужили высокую награду. Их кровью вписаны в легендарную историю дивизи-

В. М. Азин вручает Красное знамя ВЦИК 251-му стрелковому полку. Вольск, август 1919 года

зии самые яркие страницы: 2 июня 1919 года при взятии города Сарапула полк в течение суток с боем прошел 60 верст и сбросил в Каму обезумевшего от страха врага. В бою под селом Бабки 249-й полк был атакован с фланга колчаковской кавалерией. Герои подпустили лавину конницы на 600 шагов и расстреляли ураганным пулеметно-ружейным огнем. 23 июня в сражении под Елпачихой бойцы 249-го разбили две колчаковские дивизии, захватив много пленных. Эти дивизии шли на город Осу,

не дошли, закончили свой путь бесславной гибелью под Елпачихой...

После парада перед бойцами дивизии выступили с большой разнообразной программой артисты театральной группы политотдела под руководством Александра Федоровича Долина. Горячо аплодировали исполнительнице русских песен Галине Зеленой, артистам Мореву, Ярошенко, Лукману, Айтову.

После спектакля начались танцы и пляски. Русские начали с «Комаринской» и «Барыни», украинцы породовали гопак, белорусы — крыжачком, а какой танец исполняли мадьяры, латыши, башкиры, татары, удмурты, большинство из присутствующих не могли определить. Больше всех удивил публику своей необыкновенной пляской китаец Ваня. Настоящей его фамилии никто не знал, но все знали, что он был на «барже смерти» и вел счет «убитым генералам», отмечая покойников на прикладе винтовки ему одному понятными значками. Он был великолепным стрелком и страшно не любил слово «отступление». Как правило, товарищи вытаскивали его из окопчика. Ваня рассмешил всех стоящих в огромном кругу, и в награду его качнули — несколько раз подбросили, по его выражению, «в самую тучу».

Гуляли до позднего вечера. Гуляли бы и до утра, но неумолимые трубы протрубили сбор.

...Отдыхать долго не пришлось. 19 июля начдив Азин получил приказ о переброске 28-й дивизии на Южный фронт.

Жители Урала и Прикамья с исключительной теплотой и радушием провожали своих освободителей. Каждая остановка в пути превращалась в праздник для отъезжающих и провожающих. Произносили речи, пели песни, танцевали, смотрели концерты театральной группы.

Самым радостным и памятным был митинг в Елабуге. В это время у Елабужской пристани стоял знаменитый агитационный пароход «Красная звезда», направленный В. И. Лениным на Волгу и Каму для разъяснения населению насущных задач текущего момента. На пароходе были кино, своя типография, радио, большой запас пропагандистской литературы. В агитационный коллектив вошли старые коммунисты, прекрасные ораторы. Возглавляла коллектив Надежда Константиновна Крупская,

Как только полевой штаб 28 прибыл в Елабугу, начдив Азин решил посетить пароход «Красная звезда». Комиссару Пылаеву сказал:

— Пойду передам супруге Ленина привет от всей дивизии и непременно приглашу ее в гости.

Снял свой казацкий наряд и надел новенькую солдатскую гимнастерку, галифе, начищенные до блеска сапоги.

Азину повезло: Н. К. Крупская, почти ежедневно выступавшая на митингах, в этот час была на пароходе.

Азин представился, передал от имени бойцов Железной дивизии привет и наилучшие пожелания Надежде Константиновне, попросил:

— Приходите к нам в гости. Бойцы будут очень рады видеть и слышать вас.

— У нас есть более достойные агитаторы,— улыбаясь, сказала Крупская.— Мне среди военных почти не пришлось выступать.

— У нас пропагандистов своих хватает. Могут под лютым огнем речи произносить. А вы человек особенный— супруга Ленина. А к Ленину, а значит, и к вам наша любовь и преданность безграничны, неизмеримы. Не обижайте нас, Надежда Константиновна.

— Хорошо, приду,— согласилась Крупская.— Конечно, не в качестве гостьи, а как самый простой агитатор. И не вздумайте устраивать чествование. Никаких церемоний— это главное условие.

■— Постараемся,— смущенно сказал Азин.— Бойцы у нас дисциплинированные, хорошие. Могу похвалиться — вы найдете самую чуткую, самую внимательную аудиторию. Увидите подлинных героев.

— Я слышала о вас и ваших красноармейцах прекрасные отзывы от местных жителей,— сказала Крупская,— только однажды, кажется в Воткинске, одна женщина сказала мне, что у вас очень рука тяжелая, беспощадная.

На обветренных, загорелых щеках Азина выступили густые пятна румянца. Ему не хотелось говорить о себе, тем более оправдывать самого себя. Сказал, не глядя в лицо собеседницы:

— Приходится иногда принимать крайние меры. Мы не можем щадить дезертиров, перебежчиков, предателей, одним словом, заклятых врагов Советской власти. Ведь они нас не щадят. В феврале под Куедой наш санитар Корней Демьянов снял с колючей проволоки семь плененных красноармейцев, совершенно раздетых колчаковцами. Спасти не удалось. Мороз сорокаградусный. А сколько наших лучших товарищей погибло в Казани, Ижевске, в Екатеринбурге...

— Это я знаю. В Воткинске белогвардейцы расстреливали вместе с родителями детей, «корчевали большевистское отродье»,— с болью в голосе сказала Крупская и, желая переменить тему разговора, спросила:— Скажите, а каково моральное состояние бойцов дивизии? Ведь они почти не имеют отдыха.

— Моральное состояние хорошее,— уверенно произнес Азин.— Втянулись, привыкли. А главное, командиры и политработники поняли свой кровный долг — вовремя и сытно кормить, хорошо одевать и обувать подчиненных, добрым словом поднимать настроение. Правда, некоторые об этом забывали, приходилось напоминать, а иногда лишать должности и переводить в строй.

— А как вы с комиссаром ладите?

— Комиссары у меня замечательные. Политком дивизии Георгий Николаевич Пылаев — человек смелый, настоящий большевик, сам в атаки водит. Недавно орден Красного Знамени получил.

— А теперь вы на юг едете. Желаю вам удачи,— поглядывая на часы, сказала Крупская.

Азин встал, попросил:

— Передайте Владимиру Ильичу наш пламенный красноармейский привет и пожелание доброго здоровья и всяческих успехов. И еще скажите: двадцать восьмая дивизия свой долг на Восточном фронте выполнила с честью и на Южном фронте непременно добудет новую славу.

— Спасибо. Все передам,— улыбаясь, сказала Надежда Константиновна.— Завтра приеду в вашу дивизию.

Н. К- Крупская выступила с докладом о текущем моменте на митинге бойцов 250-го Краснознаменного стрелкового полка. Послушать ее пришли также все работники

штаба и специальных служб дивизии. Бойцы и командиры горячо поблагодарили дорогую гостью.

Взволнованная исключительной теплотой и радостью своих слушателей, Надежда Константиновна оставила в боевом журнале дивизии памятную запись:

Н. К. Крупская выступает на митинге в 250-м стрелковом полку

«Товарищи! Трудящиеся всей Советской России произносят Ваше имя с уважением и гордостью. Не только за то они уважают Вас, что Вы сражались с отчаянной смелостью, сражались, как львы, но главным образом за то, что Вы, не жалея жизни, боролись и боритесь за правое дело.

Вы защищаете Советскую власть. До сих пор во всех странах власть принадлежала только помещикам и капиталистам. Лишь Советская власть принадлежит целиком трудящимся.

Товарищи, Вы боретесь за то, чтобы дать возмож-

ность Советской России приняться за строительство новой жизни, где не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетающих и угнетенных, где все будут братьями...

Вы сражаетесь, товарищи, за правое дело, и позвольте пожелать Вам дальнейших успехов в Вашей борьбе с врагами трудящихся.

Да здравствует славная Красная Армия.

Да здравствует 28-я дивизия»¹.

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 69, л. 117.

VII. НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

1

1 августа 1919 года трудящиеся Прикамья на пристанях Сарапула простились со своими освободителями — бойцами 28-й Железной, направляющейся на Южный фронт.

В штабе дивизии, разместившемся на пароходе «Лермонтов», поочередно побывали рабочие делегации Сарапула, Ижевска, Воткинска и других городов Удмуртии и, поблагодарив своих боевых друзей, пожелали дивизии новых ратных успехов в сражениях за Советскую власть.

На берегах реки собрались огромные толпы по-праздничному одетых людей. По сигналу Азина оркестры заиграли «Интернационал», и пароход «Лермонтов» медленно отошел от причала. Девушки махали платочками, торопливо смахивали слезы: далеко уезжают любимые, а вернутся ли назад — не известно. Мужчины подбрасывали вверх фуражки и кричали «ура». А вокруг, переключаясь, гудели фабрики и заводы, паровозы и пароходы.

День был солнечным, безветренным, теплым. Азин в праздничной розовой рубашке, без шапки стоял на палубе и, вытянув руки, сжимал их в воздухе, прощаясь с тысячами близких и дорогих товарищей по борьбе. Гудки стихли, когда пароход скрылся за изгибом реки, за зеленым островом.

На сердце Азина было легко и радостно. Торжественные проводы — это лучшее подтверждение уважения и любви простого народа к своей защитнице — Красной Армии, это ярчайшее выражение боевых заслуг 28-й Железной перед Советской Россией. Никогда еще родная дивизия не была такой боеспособной, могучей, дисциплинированной. Все полки и специальные подразделения цолностью укомплектованы людьми и боевой техникой.

В пути Азин готовил полки к предстоящим тяжелым сражениям. В одном из приказов, начинающемся лермонтовскими словами:

«Не спи, казак, во тьме ночной,

Чеченец бродит за рекой»,

начдив разработал принципы борьбы с новым противником—белоказаками. В приказе говорилось:

«Как бы хорошо ни была дисциплинирована и управляема кавалерийская часть, она не страшна для умело управляемой пехоты, готовой, не теряясь, ежеминутно отразить кавалерийскую атаку с любой стороны». Особое внимание в приказе уделялось умению управлять огнем, дисциплине огня.

В Саратов пароход «Лермонтов» прибыл в 16 часов 6 августа 1919 года. Еще в пути были сняты праздничные знамена и флаги. Встреча была официальной, непродолжительной. Работники Реввоенсовета 10-й армии и штаба Особой группы, возглавляемой бывшим командармом 2 В. И. Шориным, поднялись на пароход. Начдив Азин охарактеризовал состояние дивизии и ее движение по Каме.

Многочисленные представители высших военных властей сбивчиво и нервозно изложили фронтовую обстановку и потребовали ускорения продвижения головной первой бригады.

— Пароходы идут на скорости «самый полный»,— спокойно сказал Азин.— Судя по вашей информации, Саратов надежно прикрывает тридцать девятая дивизия...

— В том-то и беда, что части тридцать девятой деморализованы непрерывными атаками неприятеля,— сказал старший из штаба Особой группы.— Они не в силах сдерживать белогвардейцев. Вся надежда на вашу Железную...

— Бойцы устали, третью неделю находятся в пути,— сказал Азин,— но мы сделаем все, что в наших силах.

Представитель губкома партии пригласил штаб дивизии побывать в оперном театре Очкина. Вечером Азин, штабные работники и начальники служб с большим удовольствием прослушали оперу «Евгений Онегин».

В полдень 7 августа в Саратов прибыли головные пароходы первой бригады. После короткой остановки они двинулись дальше, к пристани Князевка. Сюда же прибыл «Лермонтов». Части разгрузились и ушли в близлежащие населенные пункты.

8 августа Азин получил от командующего Особой группой Шорина приказ выступить с одной бригадой на фронт и не допустить проникновения противника к железнодорожной магистрали Саратов — Москва.

Полки первой бригады заняли оборону на широком фронте: Липовка (65 верст западнее Саратова), Сосновка, Поповка (40 верст юго-западнее Саратова) и Широкий Буерак.

Установив связь с 38-й стрелковой дивизией справа, комбриг 1 Тамулевич утром 10 августа выслал сильные группы разведки, которым удалось захватить «языков» на разных участках фронта. При опросе пленных выяснилось, что противник имел задание к исходу дня 15 августа с ходу овладеть Саратовом, но появление свежих полков 28-й дивизии приостановило наступление вдоль Камышинского тракта.

Данные разведки Азин передал Шорину. Стремясь опередить неприятеля и сорвать его планы, командующий Особой группой войск, не дожидаясь прибытия основных сил 28-й дивизии, 11 августа приказал 10-й армии перейти в наступление. Главный удар наносила 1-я бригада 28-й дивизии.

Полки бригады остановили и отбросили назад части противника, но, не получив поддержки от соседей, вскоре вынуждены были перейти к обороне. Контрудар азинцев сорвал планы белогвардейцев по захвату Саратова.

К 22 августа все части 28-й дивизии высадились на пристани Золотое и сразу же двинулись на позиции. На следующий день, после напряженного боя, полки Железной выбили белогвардейцев из Камышина. Не задерживаясь, наращивая удары, 28-я стрелковая дивизия 1 сентября заняла посад Дубовка (60 верст севернее Царицына). В упорных, кровопролитных сражениях полки дивизии 4 сентября подошли к станции Котлубань,

заняли Ерзовку и важные высоты южнее ее на подступах к Царицыну.

Не получив необходимой и столь заслуженной передышки, 28-я стрелковая дивизия по приказу командарма 10 Клюева двинулась на штурм Царицына.

По приказу № 1075/оп командующего армией Клюева в сражении за Царицын должны были участвовать наряду с 28-й дивизией также 38-я дивизия, кавалерийская бригада Жлобы и суда Волжской военной флотилии.

Обращаясь к командирам частей, Азин требовал:

«Нашей дивизии приказано к вечеру 5 сентября взять Царицын и выйти на фронт Гумрак — Разгуляевка — Крутенькая — Вороновка — Ельшанка... Ввиду важности настоящей операции части ни в коем случае не должны терять между собой связь и первая цепь должна быть обязательно непрерывной. Быть всегда наготове для встречи кавалерии и иметь в достаточной близости артиллерию, которой смело действовать при появлении автомобилей и танков противника...» *.

Для прорыва укрепленных позиций неприятеля начдив 28 выделил свою лучшую — 2-ю бригаду, составленную из краснознаменных полков 247, 249, 250 и 246-го. К бригаде придавались 28-й кавалерийский полк, пять легких и две мортирные батареи.

На участке штурма противник имел двойное численное превосходство (до четырех тысяч штыков), четыре кавалерийских полка, несколько артиллерийских батарей, бронепоездов, бронеавтомобилей и танков.

Твердо и неукоснительно выполняя приказ командарма, начдив Азин на рассвете 5 сентября двинул полки 2-й бригады в наступление. Проверил, сосредоточились ли полки 38-й дивизии в районе Алаево — Шишкин — Широков. Донесения разведки насторожили и обозлили начдива: оказывается, соседи еще только собираются выдвигаться на указанный командармом рубеж. Таким образом, 28-я дивизия должна была только своими силами прорвать стену проволочных препятствий врага, взять траншеи полного профиля, принять на себя удары всех частей противника. Командарму 10 Клюеву Азин послал телеграмму о нетерпимой медлительности начдива 38

* ЦГАКА, ф. 1328, д. 359, л. 41.

Харченко, поставившего под угрозу срыва операцию по освобождению Царицына.

Первое донесение от комбрига 2 Пуринга было радостным, окрыляющим: «Противник, не оказывая сильного сопротивления, оставил село Орловку и отошел на укрепленные позиции... Заняв Орловку, 249-й стрелковый полк ворвался в окопы и захватил 500 пленных».

Второе донесение было тревожным и тяжелым. Комбриг сообщал о том, что 250-й полк не мог пробиться через многорядный проволочный забор и залег на открытом поле. В это время противник обстрелял 249-й полк из 30 орудий и, бросив лавину конницы, вырубил защитников Орловки и вышел в тылы бригады. Положение спас 28-й кавалерийский полк, отчаянным контрударом отбросивший казачью конницу за проволочные заграждения.

Азин с ординарцами и разведчиками поскакал в штаб бригады. Приказал Пурингу остатки 249-го полка отвести в резерв, а на его участок выдвинуть 246-й и 247-й полки, вновь перейти в наступление и занять указанные в приказе населенные пункты. От Пуринга Азин поехал к командиру 250-го полка Рыбакову. На пути встретил работника штаба дивизии Александра Кочубеева, который сообщил отрядную весть:

— Левый фланг 250-го полка совместно с десантным отрядом моряков заняли Французский завод.

— А что на правом фланге?

— Правый фланг в окопах противника отражает атаки конницы,— ответил Кочубеев.

— Надо помочь второй бригаде,— сказал Азин.— Увидишь начштаба Овчинникова, скажешь — я поехал к Тамулевичу.

А в это время командир 1-й бригады Тамулевич руководил боем с отбитого у противника древнего вала. При содействии кавалерийской бригады Текучева полки бригады отбросили белоказаков к хутору Котлубанскому. Из балки Котлубань вылетели с гиканьем и свистом лихие рубаки генерала Улагая. Мчались сомкнутым строем, взметнув тысячу клинков над гривами резвых, сильных коней. Атаку отбили ружейным и пулеметным огнем. Артиллеристы Гундорина меткой стрельбой отогнали за линию железной дороги батареи противника.

Работник оперативного отдела штаба 28-й стрелковой дивизии А. Н. Кочубеев. Направлен в Арскую группу Азина В. И. Лениным

Прибывшему Азину комбриг Тамулевич доложил:

— Операция разворачивается успешно. 251-й полк прошел древний вал против хутора Грачевский и продвигается к станции Котлубань, а 248-й выходит на линию железной дороги левее станции Котлубань.

— Имеете ли связь с частями 38-й дивизии?— спросил Азин.

— 38-я еще не выдвинулась на позиции.— хмурясь, ответил Тамулевич.— Фланг кавбригады Текучева не прикрыт.

— Какая вопиющая безответственность! — гневно воскликнул Азин.— Придется вводить в дело третью бригаду. Твердо держите занимаемые позиции.

— Постараемся, товарищ Азин,— сказал Тамулевич. Азин со своими ординарцами поскакал в штаб 3-й бригады. На полдороге его догнал связной от Пуринга и, тяжело дыша, сообщил:

— Комбриг приказал доложить — кавалерией, броневиками и танками противника 250-й полк отброшен от Французского завода. Противник непрерывно атакует. Бригада потеряла более тысячи человек.

Связной всхлипнул, закрыл глаза ладонью.

— Успокойся, Володя, успокойся,— тихо, ласково сказал Азин.— Передай комбригу Пурингу — с позиций не отступать, занять круговую оборону. Броневики и танки подрывать гранатами.

Володя хлестнул коня и поскакал к командиру 2-й бригады.

Не прошло и десяти минут, как показался связной от Тамулевича:

— Беда, товарищ Азин,— сказал он глухо, зажимая ладонью рану на виске,— Кадеты разбили конницу Те-

кучева и окружили бригаду. Давят танками, бьют с бронепоездов, заливают свинцом из броневишков. При нашей батарее нет снарядов: Комбриг спрашивает, что делать.

Азин достал из кармана бинт, подъехал вплотную к связному. Перевязывая рану, думал, что предпринять, как спасти 1-ю бригаду. Сказал глухо, с глубокой болью:

— Отходить на исходные позиции. Бригаду свести в сводный полк под командой комбрига Тамулевича. Понял, Романов?

— Передам,— крикнул связной, круто поворачивая коня.

Оглушенный страшной вестью Азин вытер платком враз вспотевшее лицо, с трудом выговаривая слова, произнес:

— Такого горя у нас еще не было.

Повернулся к своему ординарцу — Другу Стеку, крикнул:

— Карл, пулей лети в третью бригаду и скажи Крупенникову: начдив приказал надежно прикрыть отходящие части первой бригады.

Стек кивнул головой, хлестнул коня и поскакал, протянув за собой ленту пыли.

После короткого раздумья Азин помчался к Пурингу. Возглавив поредевший, потерявший своего командира 28-й кавполк, начдив отбил атаку неприятельской конницы. Полки 2-й бригады закрепились на высотах севернее Французского завода.

Уже темнело, когда Азин разыскал остатки 1-й бригады. Уцелевшие от гибели и плена стрелки лежали в цепи южнее хутора Широков. Начдива встретил начальник штаба бригады Георгий Акимович Груздев и довольно несвязно стал перечислять потери.

— Сколько осталось живых? — перебил Азин. — Где Тамулевич?

— Вместе с комиссаром Стельмахом собирают уцелевших бойцов. Понемножку подходят.

— Куда отошла бригада Текучева?

— По приказу комбрига Тамулевича группируется в хуторе Широков, держит связь с 38-й дивизией.

— Тамулевичу передайте — немедленно представить обстоятельное описание боя частей бригады,— распорядился начдив и, ощущая непомерную усталость во всем теле и непереносимую головную боль, медленно поехал

к полевому штабу. Он никак не мог поверить, что за день боя потерял четыре полка. Погибли герои, прошедшие тысячи верст под шквальным огнем врага, герои, освобождавшие Казань, Агрыз, Сарапул, Ижевск, Красноуфимск, Екатеринбург, Камышин, Дубовку... Они не привыкли отступать. Они сражались мужественно и стойко, но не могли винтовочным огнем остановить бронированные машины врага. Генерал Врангель одержал победу, бросив в бой всю технику, полученную от своих хозяев — капиталистов Америки и Англии.

В полевом штабе Азин приказал помначштаба Илье Черепову донести командарму об исходе боя и потерях за 5 сентября. Стремясь прогнать усталость, умылся до пояса холодной водой, растер крепкое, мускулистое тело полотенцем. Надевая чистую рубашку, сказал Стеку:

— Никак не могу избавиться от головной боли. На сердце так тяжело, как будто всю родню похоронил.

— Четвертые сутки без сна и отдыха, — укоризненно заметил Стек. — Надо уснуть хотя бы на два — три часа.

— Сам знаю, но не могу. Давай поужинаем, может, легче будет.

Ординарец Шуклин быстро накрыл стол, поставил две объемистые тарелки свежего творога и кувшин молока.

— Где ты достал? — удивился Азин.

— Я ваш вкус знаю, — улыбнулся Шуклин. — Кушайте на здоровье.

...В 10 часов вечера в штаб зашел озабоченный, хмурый Александр Кочубеев и молча подал Азину только что полученную телеграмму. Это был приказ командующего 10-й армией Клюева:

«В ожесточенном бою на фронте 28-й дивизии противник ввел свежие силы и почти целиком уничтожил полки 1-й бригады этой дивизии в районе Варламов — Зотов. Чтобы не дать противнику развить свой успех, приказываю: первое — частям 28-й дивизии с рассветом 6 сентября продолжать наступление на Царицын и взять его. Второе — 38-й дивизии энергичным ударом сбить противника и к утру 6 сентября захватить станцию Котлубань и выйти на указанный для дивизии участок по приказу номер 1076/оп. Третье — 2-й бригаде 32-й дивизии со всей артиллерией ночным маршем двинуться в общем направлении на Прудки со всеми мерами охранения

СС
СО

В. М. Азин с работниками штаба 28-й стрелковой дивизии. 1919 год

с целью выхода в район Прудки—хутор Широков. Четвертое — 39-й дивизии удлинить свой фронт влево для связи с 38-й дивизией»¹.

Прочитав телеграмму, Азин передал ее комиссару Пылаеву, привычно развернул карту, посмотрел на взятые утром и оставленные к вечеру пункты и закрыл лицо руками. Вздрыгнул, почувствовав на плече легкую теплую руку Пылаева, заговорил быстро, раздраженно:

— Шорин напугал Клюева приказом «взять Царицын любой ценой». Когда старшие начальники произносят эти слова, они не представляют, какие потери несут бойцы в неравных боях. Урок не пошел впрок. Командарм не отказался от порочного плана освобождения Царицына силами одной дивизии. Ясно, что противник имеет тройное численное преимущество и десятикратное огневое. Бронепоезда, броневики и танки голыми руками не возьмешь. Значит, нужно собрать в одну штурмовую группу тяжелую артиллерию армии для подавления огневых средств противника, сосредоточить все силы для разгрома сильного, опытного, люто ненавидящего нас врага.

— По плану командарма в операции участвуют две дивизии и бригада,— робко заметил Пылаев.

— Можно сказать — три! — с горечью воскликнул Азин.— По четвертому пункту приказа 39-я дивизия удлиняет свой фронт влево, вместо того чтобы бить противника вместе с нами. Приказ командарма распылает силы армии, позволяет противнику громить нас поочередно.

— Трудно будет поднять бойцов в атаку,— сказал Пылаев.— Ведь им придется идти по трупам боевых товарищей.

— Придется, комиссар,— сказал Азин.— Приказы издаются для того, чтобы их выполняли. Вот так и мы с вами — излили боль и гнев, и вроде легче стало, а приказ-то выполнять придется. Командарм требует от нас невозможного. Еще вчера мы не знали этого. Впервые за два года работы начдивом я должен поставить своим бойцам невыполнимую задачу. Это самое страшное и самое тяжелое — писать приказ, не имея надежды на его выполнение.¹

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 85, л. 171.

— Попробуем опротестовать приказ,— неуверенно предложил Пылаев.— Еще есть время. Пусть передадут наш участок свежей дивизии — 38-й или 39-й.

— Поздно!— сказал Азин.— Армия уже приступила к выполнению плана командарма, точнее сказать, приказа командующего Особой группой войск Шорина. Старик по привычке ставит нас на самое трудное, самое горячее дело. Передайте комиссарам распоряжение — провести во всех ротах, эскадронах, батареях краткие беседы с установкой: возьмем Царицын, добьем Деникина! Надо поднять народ на самый высокий подвиг.

— Ясно,— тихо сказал Пылаев.— Сделаем все возможное.

...Через час связные развезли боевой приказ № 10866 начдива 28 Азина по всем указанным им адресам.

Впервые Азин вписал пункт, который до этого тяжелого дня считал излишним: «Мои заместители комбриг 1 Тамулевич и комбриг 2 Пуринг».

Неравный изнурительный бой продолжался три дня. 8 сентября в 15 часов 30 минут десантный отряд Ивана Кожанова высадился в районе Рынка. Пароходы «Память Урицкого» и «Карл Маркс» обстреляли Городище и холмы у водокачки, где были сосредоточены главные силы гарнизона белогвардейцев. Одновременно в пригород Царицына прорвались бойцы 250-го полка. Попытка Азина пробиться с 246-м полком к Французскому заводу не удалась, Врангель бросил в бой свои отборные полки, головорезов личной охраны, броневики и танки. Бойцы сражались мужественно и упорно, но преодолеть провололочные препятствия под шквальным огнем противника не могли. Под Азиным было убито две лошади. Падая, он разбил лицо, содрал кожу с локтей и колен.

Фланговым стремительным ударом бронемашин, танков и кавалерии Улагая противник смял 246-й полк. Ординарец Стек спас контуженного начдива, вывез его с поля боя.

Сражение продолжалось до поздней ночи. Азин доложил командарму о невосполнимых потерях в полках 2-й и 3-й бригад. Начдив 38 Харченко донес о гибели шести полков своей дивизии. И только тогда Ключев отдал приказ об* отходе обескровленных частей на исходные позиции.

До последнего патрона бились с врагом герои моряки и бойцы 250-го Краснознаменного полка у Французского завода. Отрезанные от своих частей, израненные матросы и красноармейцы штыками проложили дорогу к Волге, вырвались из когтей смерти.

2

...Азин надеялся, что после ожесточенных, кровопролитных боев 5—9 сентября командарм предоставит дивизии крайне необходимый отдых, и тогда в предельно короткий срок удастся залечить тяжелые раны, пополнить ряды бойцов, подобрать взамен погибших новых командиров. Но в ночь на 10 сентября из штаба армии был получен приказ, в котором предлагалось 28-й дивизии оставаться на занимаемом рубеже, прочно укрепившись и ведя деятельную, постоянную разведку.

Начдив Азин приказал свести поредевшие полки в батальоны. Работая ночами, бойцы отрыли траншеи, поставили проволочные препятствия против конницы, соорудили «волчьи ямы» против броневинов и танков противника.

Вдохновленные успехами своих войск на орловском и воронежском направлениях, белогвардейцы ежедневно атаковали утомленные непрерывными, упорными боями красноармейские части царицынского направления. Противник умело использовал свое преимущество в коннице и в артиллерии, в бронепоездах и броневиках, нанося удары в плохо прикрытые стыки советских дивизий и бригад.

На участке 28-й дивизии все атаки противника успешно отражались хорошо организованным залповым огнем пехоты и меткими выстрелами артиллерии. Азинцы удержали в своих руках ключевые высоты, нанесли в сентябрьских оборонительных боях большой урон противнику.

В октябре генерал Врангель бросил на защитников высот у Пичуги и Ерзовки свежие силы, стремясь окружить и уничтожить лучшие части 10-й армии. В оперативной сводке 28-й стрелковой дивизии за 11 октября 1919 года сообщалось:

«...На всем участке дивизии идет ожесточенный бой. Противник при поддержке бронеавтомобилей, танков,

тяжелой и легкой артиллерии значительными силами конницы и пехоты ведет усиленное наступление. Воздушная эскадрилья противника забрасывает наши пехотные части и флот бомбами»¹.

Бой продолжался с 9 часов утра до 11 часов ночи. Азинцы отбили девять упорных, жарких атак белогвардейцев и удержали в своих руках обугленную, изрытую снарядами высоту 471. В этот день после тяжелой контузии выбыл из строя комиссар дивизии Г. Н. Пылаев.

Герои-азинцы, отбив ошеломляющий натиск врага, утром 13 октября нанесли контрудар по белогвардейцам, сбили противника с высот севернее Ерзовки и продвинулись к Французскому заводу, находившемуся на окраине Царицына.

В 6 часов 30 минут Азин получил от комбрига З. Крупенникова донесение о том, что «противник повел наступление на высоты севернее Ерзовки, идет сильный бой. Положение тяжелое».

Комбриг не просил помощи, зная, что у Начдива в резерве нет ни одного батальона, но он понимал, что появление Азина в цепях атакующих равносильно вводу свежей бригады.

Начдив собрал ординарцев и связных и выехал к высотам у Ерзовки. Высокое облако пыли и дыма закрывало грохочущие позиции. Но вот из этого облака показались темные фигурки бегущих красноармейцев. Азин хлестнул нагайкой коня, догнал отступавших, крикнул:

— Стой! Назад!

— Азин, Азин! — пронеслось по толпе, и потерявшие мужество бойцы остановились, развернулись в цепь и двинулись к оставленным позициям.

Начдив догнал прихрамывающего красноармейца, спросил сердито:

— Какого полка бегуны?

— Мы из 283-го. Кадеты навалились конницей и танками и сбили...

— Вам не привыкать бегать, — сказал Азин. — Ненадежные вы соседи...

— Ваши тоже пятаются. Против железа не устоишь, — угрюмо огрызнулся раненый. — Вот что делает Антанта проклятая...

¹ ЦГАВМФ, ф. 562, д. 10, л. 481

— Все равно победа будет за нами,— сказал Азин,— Иди на перевязочный, герой...

— Повернул, так пойду со всеми. Меня никто не заменит,— и раненый пошел дальше, опираясь на винтовку.

Появление Азина остановило отход батальонов 3-й бригады; бойцы отбили атаку вражеской конницы, но не могли огнем винтовок остановить грозно рокочущие, неумолимые танки. Начдив послал ординарца Абдраштова к начарту Гундорину с приказанием: немедленно остановить танки.

Вражеский снаряд разорвался в стрелковой цепи, осколки его разворотили живот лошади Азина, и она тяжело рухнула на землю. Карл Стек соскочил со своего коня, подбежал к начдиву, но он сам поднялся, хотел стряхнуть пыль с бурки и закричал пронзенный страшной болью. Из правой руки неудержимой струей хлестала кровь. А по цепи понеслась страшная весть:

— Начдива убили...

Ординарцы подхватили Азина, посадили на лошадь Стека. Танки надвигались, и начдив поскакал вдоль цепи, крича:

— Назад, в лощину...

Черные от пыли, задыхающиеся от усталости бойцы поползли по исклеванному снарядами полю.

Пулеметная очередь срезала коня под Азиным. Поднимаясь с жесткой земли, начдив увидел, как рядом с головным танком встал оранжевый столб огня и заморское «чудище» вдруг остановилось, заглохло.

— Молодцы, артиллеристы! — крикнул Азин.— Уложили наповал.

К Азину подскакал старший ординарец Крутольянов, схватил за ворот, рывком втянул на коня и, придерживая сильной рукой, вывез из пекла боя. У лощины Азин рвущимся от боли голосом спросил:

— Ты куда меня везешь?

— Известно куда — к Зевину.

— Не дури!—строго сказал Азин.—Возьми в моем кармане бинт, перехвати руку повыше локтя. А я посмотрю, что вокруг делается.

Крутольянов ножом разрезал рукав гимнастерки, наложил тугий жгут, а затем перевязал рану начдива. Повязка сразу же покраснела.

— Поедемте в госпиталь, товарищ Азин,— попросил Крутольянов.— Кровь не унять. Я за вашу жизнь перед всей дивизией отвечаю.

— А я перед Москвой, перед Лениным за всех бойцов отвечаю,— сказал Азин.— Смотри, казаки сбили бригаду 32-й дивизии и заходят к нам в тыл. Их надо задержать. Гони к Волжской флотилии.

Крутольянов не пожалел коня. Азин побледнел от потери крови, на лице выступили крупные капли пота. Голова кружилась. Он с трудом держался в седле.

На пристани у Пичуги стояли боевые суда Волжской флотилии — «Ольга» и «Братство». Азин вызвал командира «Ольги» Ивана Дойникова, попросил:

— Выручай, браток, своими пушками. Казаки окружают дивизию. Надо их отогнать.

— Чем можем — поможем, товарищ Азин,— сказал Дойников.— А вам надо бы в госпиталь.

— Успею! Главное — казаков отбить. Это чья машина стоит?

— Ваша санитарная.

— Действуй, браток, действуй! — крикнул Азин и побежал к машине. Шоферу приказал:

— Пулей лети к артиллеристам. Струсишь — пристрелю.

Крутольянову сказал:

— Разыщи десантный отряд Кожанова и попроси от моего имени выделить человек 400 в ложину между Дубовкой и Царицыном и прикрыть ее на два часа. Только на два часа. Ясно?

— Мне-то ясно, а вот вы никак не хотите понять, что кровь уйдет — и помрете...

— Пулей лети! — прикрикнул Азин.

Машина спотыкалась на выбоинах, межах, Азин не мог сдержать боль и ругал Деникина, Врангеля и всю Антанту.

Две батареи Азин перехватил на дороге и заставил развернуть орудия и бить в упор по кавалерии противника. А казачья лава уже приближалась к дороге, и казалось, нет силы, способной остановить эту завывающую, неистовую, яростную лавину. Но вот в цепи конницы поднялись высокие кусты разрывов, и Азин не выдержал, сказал хмурому шоферу:

— Заговорила флотилия. Хорошо работают моряки...

И сразу же гулко, в упор по скачущим казакам ударили орудия батарей. Накрытые картечью, всадники падали на землю, и черная поляна вскоре покрылась трупами. А орудия гремели непрерывно, от взрывов дрожала земля, и казачья лавина распалась на ручейки и потекла назад, подстегиваемая залпами двух десятков орудий.

— ■ Хорошо встретили, а еще лучше проводили, — сказал Азин довольным артиллеристам. — Снаряды есть?

— Дюжины две осталось, — ответил заряжающий Мельников. — С утра бьемся...

— Соберите все снаряды и одним взводом следуйте за мной, — распорядился Азин. — Поехали в лощину к Дубовке.

Шофер робко заметил:

■ — Бензин кончается, товарищ начдив.

— Ничего, до Дубовки дотащишь. А обратно, может быть, и не придется. Война, — поправляя повязку, заметил Азин. — Гони. Представь, что на броневике едешь. И все будет в порядке.

Снаряд разорвался в тридцати шагах от машины, осколки и комья земли застучали по кузову. Шофер вытер ладонью мокрое лицо, сказал тихо:

— Торчим на поле, как мишень. Со смертью играем...

— Эх ты, размазня! Пойми, дурная голова, дивизию спасаем. Если бы рука действовала, я один бы поехал.

• — Ия еду. К бабушке в рай без пересадки.

...Азину удалось привести в порядок батальоны, потерявшие командиров, и стянуть их в лощине. В это время на помощь азинцам подошли моряки отряда Кожанова. Атаку обнаглевших казаков отбили пулеметным огнем. Прорвавшихся вплотную к лощине уложили гранатами.

К вечеру части дивизии отошли на новые позиции к Дубовке. В штаб к Азину приехал встревоженный Зевин, осмотрел рваную, кровоточащую рану, пощупал пульс, послушал сердце и сделал категорический вывод:

— Дело скверное, товарищ Азин. Пуля раздробила кость. И пульс плохой, и сердце с отклонениями от нормы. Необходима срочная госпитализация.

— А воевать вы будете, уважаемый Яков Лазаревич? Не могу я оставить дивизию в такую тяжелую минуту!

— Я с вами работаю два года и не помню, когда

у нас были легкие минуты. Нельзя рисковать самым дорогим — жизнью. Десять часов с открытой раной — это верное заражение крови.

— Сегодня я никуда не поеду. Нужно ввести в курс дела моего заместителя Овчинникова. Кровь у меня надежная, не беспокойтесь, — сказал Азин.

— Завтра я отправлю вас в Саратов, — повысил голос Зевин. — Ваша неограниченная диктатура кончилась, я команду ранеными.

— Не теряйте времени, Яков Лазаревич. У вас без меня достаточно пациентов. Продиктуйте срочные приказы и сам придите к вам... посмотреть, как вы транспортируете раненых.

Обиженный Зевин ушел.

Азин подозвал начштаба Черепова, сказал:

— Илья Яковлевич, пишите донесение командарму: из опроса захваченных пленных на участке Царицынского тракта установлено, что против 28-й дивизии действуют 2, 3, 4, 5, 8 и 9-й батальоны кубанских пластунов, 6-я дивизия и Сводно-горская дивизия.

Азин положил тяжелую, плотно замотанную руку на стол, спросил:

— Написали? Отлично. Пишите дальше. Полки дивизии не выполнили боевого задания, так как ее соседи — 32-я и 38-я дивизии — снова не поддержали ее активными действиями и первыми оставили позиции. Только благодаря исключительной храбрости бойцов 28-й дивизии, матросского отряда Кожанова и моряков Волжской флотилии истекающим кровью полкам удалось вырваться из вражеского окружения. Подпись — моя...

Черепов прочел написанное, робко спросил:

— Не кажется ли вам оценка соседей очень резкой? Может, смягчить формулировку?..

— Ничего не меняйте. Пусть командарм подумает о том, как надо обеспечивать наступательные операции такого масштаба, как царицынская. Отправьте на телеграф, и приступим к приказу по дивизии.

— Донесение надо подписать.

— Правая отказала, давайте нацарапаю левой.

Покусывая губы, Азин с трудом вывел свою фамилию, сказал с горечью:

— Голова кружится... Руки и ноги дрожат. Препротивнейшее состояние...

Карл Стек поставил на стол стакан молока, сказал:

— Подкрепиться надо. Главное — не поддаваться.

Азин залпом выпил молоко, поманил рукой Черепова.

— Продолжим, Илья Яковлевич. Пишите: приказ № 218 по 28-й стрелковой дивизии. Дубовка. 13 октября 1919 года. В 8 часов 13 сего октября предательская пуля в бою под Ерзовкой ранила меня в правую руку с раздроблением кости. Переноса тяжкую боль, я вынужден временно выйти из строя. Передавая временно командование дивизией своему заместителю, я твердо верю, что до сего времени славящаяся многочисленными победами над врагами вверенная мне дивизия не падет духом и не потеряет веру в окончательную победу над затуманенной армией царского генерала Деникина.

— Прошу помедленнее, — взмолился Черепов.

— Хорошо, — охотно согласился Азин и стал диктовать медленно, твердо произнося каждое слово. — Казачество Дона и все население юга России видит, как припешники царского ставленника выкачивают безвозмездно их хлеб, десятками тысяч пудов отправляют его в Англию, откуда на обмен получают танки, пушки, снаряды, автомобили и обращают их на уничтожение прав трудового народа.

Испытав все прелести царского режима, трудящиеся массы юга ждут освобождения. Освобождение им может дать только Красная Армия.

Славные бойцы дивизии, командир и комиссары, сомкните теснее ряды, и вперед, только вперед, ни шагу назад...¹

Азин левой рукой подписал приказ, ознакомился с донесениями комбригов и, чувствуя страшную слабость во всем теле, чуть слышно сказал Черепову:

— Мне очень... плохо...

Черепов позвонил Зевину. Через несколько минут прибыла медсестра Вера Кузнецова с двумя санитарями, и Азина увезли на перевязочный пункт.

Всю ночь Азин бредил, звал погибших боевых друзей, порывался встать с постели, и тогда Вера клала на его горячий лоб маленькую сильную ладонь и, осторожно пригибая голову к подушке, просила:

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 70, л. 158.

■ — Тихо, тихо... Успокойся, родной мой...

К утру Азин уснул и проспал до обеда. Открыв глаза, увидел перед собой усталое, заплаканное лицо Веры. Левой рукой неловко пригладил волосы, сказал ласково:

— Всю ночь не спала. Бедная сестреночка. Отдыхай, а я пойду в штаб, узнаю, что там нового.

— Никуда не пущу, — покусывая пухлые, красные губы, твердо сказала Вера. — Вы так много потеряли крови... Пульс все время меняется. Всю ночь воевали.

— Кричал? Ругался, наверно?

— Все было. И ругались, и плакали. Понимаю, что тяжело вам. Все понимаю...

— Это хорошо. Так вот, пойми — я не могу лежать в постели. Пойду к Овчинникову. Помогу ему. Часа через три вернусь...

Вернулся поздно вечером. Молча выслушал справедливейшие упреки Зевина и Кузнецовой, сказал улыбаясь:

— Я выпался и чувствую себя великолепно.

— А рука? — грозно спросил Зевин. — Вы знаете, что такое гангрена?

— И знать не хочу. Пощадите, — Азин поднял левую руку. — Как только Овчинников войдет в курс дела, я сам поеду в Саратов. Вы думаете, мне жить надоело? Мне двадцать четыре года. Я так еще мало сделал. Все впереди.

— Если вы не будете слушаться советов врачей, вы ничего больше не успеете сделать, — сурово и многозначительно произнес Зевин. — Мы не можем держать вас здесь с такой тяжелой раной. Завтра поедете в Саратов.

Азин уехал в Саратов через шесть дней по категорическому настоянию своих боевых друзей Тиллиба и Мамченко.

В госпитале раненую руку Азина положили в гипс.

— Если кости правильно срастутся, рука будет действовать. Одновременно следует заняться восстановлением нервной системы. Вы ярко выраженный неврастеник. Надо забыть все дела, думать только о здоровье.

— Постараюсь, — пообещал Азин, но как только врач ушел, стал думать о самом родном, самом важном — о своей дивизии. Вынужденная бездеятельность для начдива, привыкшего работать 20 часов в сутки, была

страшно тягостной, непереносимой. Азин жадно читал газеты — вначале свою дивизионную, затем армейскую и центральные. Ежедневно два часа тренировал пальцы левой руки, особое внимание уделяя навыкам письма. Если правая откажет, надо уметь писать, стрелять, рубить левой рукой. В строй надо вернуться, не потеряв ни одного боевого качества. Больше того, здесь кое-что можно и приобрести, надо только не лениться. И Азин изучал военную и политическую литературу, непрестанно пополнял свои знания. Книги помогли ему убить неизбежную госпитальную скуку.

Прошло три недели. Соскучившийся по дивизии Азин попросил лечащего врача снять гипс и выписать его из госпиталя.

— Мы сами знаем, когда и что нужно делать, — раздраженно сказал врач. — Кости раздроблены, вам придется лежать месяцы, а может, и годы, если вы хотите остаться с рукой.

— Месяцы, годы! — рассмеялся Азин. — Для такой роли я не подхожу. Я должен вернуться в дивизию. Вызовите главного врача.

— Неужели вы думаете, что без вас не обойдутся? — язвительно заметил врач. — Вы отвоевали. Мы вас комиссуем...

— ■ Перестаньте болтать! — не выдержал Азин. — Меня только смерть может списать. Ясно? Зовите главного.

Осторожный, предельно вежливый главный врач напомнил Азину условие — «в госпитале думать только о здоровье» и довольно долго убеждал своего беспокойного пациента о том, что о возвращении в строй в настоящее время не может быть и речи, кости еще не успели срастись.

— Черт с ними! — воскликнул Азин, — Пусть правая лежит в гипсе, воевать можно и с одной рукой. Когда Советской власти угрожает смертельная опасность, все строевые! Понимаете — все, кому дороги завоевания революции. На этом и закончим разговор. Я не привык отменять свои решения.

— Это неслыханный... это безумный шаг, товарищ Азин, — обиделся врач. — Вы можете действовать, как вам заблагорассудится, но я снимаю с себя всякую ответственность.

На следующий день правую руку освободили от гипса. Пальцы ее не действовали. Главный врач сказал с горечью:

— Вот видите, вы же инвалид и подлежите снятию с учета.

— Ошибаетесь, батенька, я еще повоюю...

...В конце ноября 1919 года Азин вернулся в дивизию...

3

Боевые успехи, достигнутые в ноябре 1919 года Красной Армией на Южном фронте, благотворно сказались на боевых действиях советских войск на Юго-Восточном фронте. Войска 10-й армии перешли в контрнаступление.

Во второй половине декабря 1919 года 28-я стрелковая дивизия была переброшена в Донскую область, в район станции Арчадынекой. Азин радовался тому, что кончилась полоса оборонительных боев и теперь снова можно побеждать противника, умело маневрируя, нанося неожиданные смертельные удары. И в то же время Азин отчетливо представлял, какие огромные трудности придется преодолеть в длительном, упорном сражении за освобождение Донской области. С наступлением холодов на усталых, давно позабывших об отдыхе бойцов навалился страшный бич — тиф. «Вошь злее кадетской пули», — горько шутили красноармейцы. Возвратившись из госпиталя в дивизию, Азин не нашел в строю многих любимых командиров, комиссаров, бойцов. В тифозном мучительном бреду увезли санитары комбрига Тамулевича, военкомов дивизии Тиллиба и Мамченко.

Опытный, энергичный военный врач Я. Л. Зевин со слезами на глазах ежедневно докладывал начдиву о погибших от тифа бойцах, командирах, санитарях.

— Баня нужна, жаркая баня, — говорил Азин и сокрушенно махал левой рукой, — проклятая степная стора, и помыться негде. Помнишь, под Куедой в сорокаградусный мороз мы все-таки на славу попарили кости и белье.

— Помню, помню, — скупно улыбнулся Зевин. — На деревню налетели лыжники, и мы выскочили из бани в одних исподних.

— Это вы в кальсонах удирали, а я успел штаны, гимнастерку и сапоги натянуть. Сугроб лошади по пузо. Пули над головой высвистывают: «пригнись, пригнись». Двух лыжников я из кольца срезал, остальных сбили ординарцы и разведчики. Какие орлы были! Свинец не брал, а вот эта окаянная тварь опрокинула таких богатырей...

— Мои люди работают самоотверженно, но они не могут справиться с этим страшным злом,— сказал Зевин.— Ведь у нас даже медикаментов нет. Нужны радикальные меры, товарищ Азин. Надо отвести дивизию в глубокий тыл, вымыть бойцов, пропарить и проутюжить все обмундирование. И обязательно сменить нательное белье. Рубашки сопрели, расползаются при стирке.

— Святая наивность! Мы об этом говорим каждый день, но, к сожалению, ничего не можем сделать. Не будет у нас отдыха, дорогой Яков Лазаревич, идем в поход на Дон. Вот в пути мы объявим войну вшивому царству.

И хотя новый командарм, бывший начдив 27-й дивизии, Александр Васильевич Павлов поторапливал Азина, все-таки ему удалось в пути помыть бойцов и «прожарить» обмундирование. Правда, белья чистого раздобыть не удалось, и через две недели эпидемия тифа снова ворвалась в строй бойцов 28-й стрелковой.

В канун нового, 1920 года поредевшие, но не потерявшие боеспособности части 28-й дивизии сбили казачьи полки 6-й Донской дивизии на линии слободы Добринской, хуторов Малобокин и Савинский и 2 января освободили станицу Суровкино.

Комбриг 3 Наумов донес начдиву Азину о том, что в Суровкино захвачено 150 пленных, 2 орудия, 2 автомобиля, много снарядов и другие трофеи. Противник лихой атакой был опрокинут и, побросав оружие, бежал в Ново-Цимлянскую. При отступлении им уничтожены мосты через реку Чир*.

После наступившего потепления у берегов Чир выступила вода, значительно затруднила форсирование этой реки. Преодолеть водную преграду помогла вдохновляющая весть о взятии 3 января 1920 года Царицына. В решающем бою за город особенно отличилась 37-я стрел-

¹ ЦГАК.А, ф. 1328, д. 541, л. 1.

ковая дивизия, руководимая героем-самородком Павлом Ефимовичем Дыбенко.

Преодолев 5 января Чир, части 28-й дивизии выполнили приказ командарма Павлова и вышли к станице Цимлянской.

Начдив Азин послал комбригу 1 Барсукову приказ о штурме Цимлянской, в которой противник сосредоточил свои обозы и артиллерию. В приказе подчеркивалось:

«...Задачу на сегодня выполнить во что бы то ни стало.

Для успешного действия приказываю применить широкий маневр, действовать кулаками, а не в нитку, применяя фланговые удары, а центром демонстрируя атаки...

Противник должен быть взят в плен...»¹.

Одновременно начдив приказал комбригу 3 Наумову «246-м полком с приданной ему артиллерией оказать самое широкое содействие по занятию станицы Цимлянской и захвату противника, действуя в полной согласованности с 1-й бригадой»^{1 2}.

Противник, имея тройное численное превосходство, упорно оборонял Цимлянскую, но удержать ее в своих руках не мог. Выполняя приказ начдива Азина, полки 3-й и 1-й бригад после пятичасового ожесточенного боя заняли Цимлянскую. В станице были захвачены крупные обозы противника, пленные, пулеметы и орудия. Особенно обрадовали Азина отбитые у врага седла и нательное белье. В Цимлянской бойцы горячо благодарили своих командиров за горячую баню и чистое белье.

Еще в начале декабря 1919 года начдив Азин просил командарма Ключева о расформировании 248, 252 и 244-го стрелковых полков, чтобы доукомплектовать поредевшие шесть пехотных полков и сформировать кавалерийскую бригаду двухполкового состава. В ходатайстве указывалось: «Для формирования кавбригады имею 800 седел и полный аппарат бригадного управления. Ответ ожидаю срочно»³.

Учитывая опыт боев под Царицыном, Азин пришел к правильному выводу: нужно свести на нет преимущество противника в стремительно атакующей коннице,

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 419, л. 8.

² Там же.

³ ЦГАКА, ф. 1328, д. 123, л. 47.

иметь сбою кавалерию, способную выполнять сложные и трудные маневры в степной, изнурительной войне.

Занятый передачей дел А. В. Павлову, командарм Ключев не ответил на ходатайство начдива 28. Однако Азин не отказался от своего плана посадить пехоту на коней. Новому комиссару дивизии Владимиру Николаевичу Хрупкому начдив посоветовал:

— Надо пленных привести в нашу советскую веру. Придется с ними много поработать, чтобы поставить к нам в строй. В кавалерию их принять рискованно, а для пехоты они, после прояснения мозгов, подойдут.

И после толковой, доходчивой, разъяснительной работы военных комиссаров пленных рассортировали и большую часть из них, изъявивших желание служить трудовому народу, перевели в полки 2-й бригады.

Своих гвардейцев-пехотинцев Азин посадил в седла. Они довольно быстро научились владеть клинком, а стрелками они были опытными, великолепными.

Прошедшие 9 и 10 января дожди весьма осложнили переправу 28-й дивизии через До«. Героическими усилиями всех бойцов дивизии 14 января был преодолен разлившийся, пенящийся от снарядов противника Дон. И на этот раз части 28-й Железной первыми среди дивизий 10-й армии форсировали трудную водную преграду. Полки 2-й бригады прикрывали своим огнем переправу соседней 20-й дивизии, которой командовал выдающийся герой гражданской войны, краснознаменец Михаил Дмитриевич Великанов.

Головная 3-я бригада 28-й дивизии, выполняя приказ Азина, 15 января разрезала части 6-й Донской дивизии противника. Герои-азинцы отбили яростные контратаки 1, 4, 7, 51 и 61-го пехотных полков и 18-го Морозовского кавполка и не только удержали станицу, но и отбросили «донцов-молодцов» к станице Каргальской.

16 января летописец 28-й дивизии Петр Ладонин занес в «Журнал боевых действий» знаменательные строки: «...Соседи отстали. Дивизия расположена на дневку»¹.

Полки, по численности равные ротам, твердо следуя азинской традиции — побеждать храбростью, упорством, отвагой, вырвались далеко вперед. Фланги обнажились,

¹ ЦГАК.А.Ф. 1328, Д. 541, л. 4.

и начдив Азин вынужден был приостановить наступление.

Противник 17 января отеснил части 32-й дивизии к хутору Морозов, и Азин вынужден был произвести перегруппировку своих сил и ударом во фланг неприятеля восстановить утраченные соседями позиции.

Преследуя белогвардейцев, части 1-й и 3-й бригад захватили в станице Каргальской обоз и 25 пленных 1-го сводного полка. Дальше двигаться не могли: кончились патроны.

Снова 28-я стрелковая вырвалась вперед. На ее усталые, истекающие кровью полки навалилось несколько полков 1-го Отдельного Донского корпуса. В «Журнале боевых действий» день 20 января был отмечен предельно короткой, но очень весомой, многозначительной записью:

«...В связи с пассивностью 32-й и 20-й дивизий противник главные силы сосредоточил против 28-й дивизии. Бой переходил в рукопашные схватки. В 22 часа 30 минут противник конными частями повел наступление (со стороны хутора Потапова) на 1-ю бригаду, но огнем артиллерии был отбит и рассеян».

Ведя непрерывные бои с неприятелем, 28-я дивизия 25 января первой вышла к реке Маныч и, заняв станицы Ельмитинскую и Платоновскую, «обеспечивала правый фланг 10-й армии впредь до подхода 9-й армии...»

Проведя тщательную разведку берегов Маныча и допросив пленных и беженцев, начдив Азин разработал и успешно осуществил форсирование реки юго-восточнее Казенного моста. Бой у переправы продолжался с 17 до 24 часов 2 февраля. Бойцы Железной вновь проявили непоколебимое мужество и стойкость и, заняв именье Супру и зимовник Кузнецова, нанесли жестокое поражение 1-й Кавказской дивизии. В этом бою азинцы захватили в плен 400 солдат противника, взяли 10 пулеметов и более сотни винтовок.

В метельную морозную ночь со 2 на 3 февраля отряд комбрига Пуринга внезапным, лихим ударом разбил уцелевшие от гибели части 1-й Кавказской дивизии. Храбрецы захватили 700 солдат, 4 офицеров и 18 пулеметов противника. В отряде Пуринга было всего сто всад-

ников. В тот же День начдив Азин представил старого боевого товарища к высшей боевой награде. 16 июля 1920 года комбриг Иван Петрович Пуринг был награжден Реввоенсоветом Республики орденом Красного Знамени.

Как только белое командование установило, что на левый берег Маныча высадилось всего лишь три батальона красных, оно сразу же бросило к переправам свой 4-й конный корпус. Весь день 3 и полдня 4 февраля азинцы отбивали атаки противника. Имея 2500 сабель и 12 орудий, командир корпуса Голубинцев не мог сдвинуть с позиций три неполных батальона героев 28-й Железной.

После этого боя Азин объединил обескровленные полки 1-й и 3-й бригад в один сводный отряд под командованием комбрига Ивана Евграфовича Наумова, придав ему легкий и Макленовский артдивизионы.

Имея два сводных отряда пехоты и один дивизион кавалерии, Азин четыре дня удерживал плацдарм на левом берегу Маныча. И только после того как противник ввел в бой свежие резервные части, отошел на правый берег.

Посоветовавшись с командирами и политработниками, Азин решил обратиться к командарму Павлову с просьбой вывести дивизию в резерв для пополнения ее личного состава.

В ответ получил приказ:

«...28-й дивизии сосредоточенными силами перейти в решительное наступление на зим. А. Королькова — зим. Пишванова — зим. Попова; согласуя свое дальнейшее продвижение с продвижением соседних дивизий, выйти на линию Средне-Егорлыкское — х. Беляев (оба пункта включительно)»¹.

Азин не ожидал такого ответа. Долго размышлял над тем, как выполнить приказ. Если бы иметь возможность сосредоточить силы, как требует командарм. Если бы иметь хотя бы два полка полного состава, два полка времен августа 1919 года. Тогда Азин не предполагал, что таким суровым и тяжелым окажется Юго-Восточный фронт. От полков остались одни названия, а боевые задания надо выполнять такие же сложные и трудные, ка-

¹ ЦГАКА, ф. 1328, д. 419, л. 25.

кие возлагались на боеспособные, укомплектованные бригады. И после томительного, изнуряющего раздумья Азин пришел к выводу, что сосредоточить силы нельзя (полки сведены в отряды), а вот собрать в один кулак все огневые средства дивизии и сосредоточенным огнем пробить себе дорогу можно и нужно. Орудия сохранились, а количество пулеметов удвоилось за счет потерь противника.

Познакомив со своим планом военкома Хруцкого, начальника штаба Овчинникова и начарта Гундорина, начдив Азин отдал приказ о форсировании Маныча. Артиллерия и пулеметы, стянутые в 1-й сводный отряд, сбили белогвардейцев с позиций в районе Казенного моста. Преследуя противника, сводный отряд Наумова занял зимовник Я. Королькова.

Справа форсировала Маныч кавалерийская дивизия известного героя гражданской войны Г. Д. Гая, а слева — 2-я бригада 50-й стрелковой дивизии.

На следующий день сводные отряды 28-й дивизии совместно со 2-й бригадой 20-й дивизии после продолжительного упорного боя заняли зимовник К. Королькова. Противник четырежды бросался в контратаки, но вернуть утерянные позиции не мог.

Опросив пленных, Азин установил, что против его сводных отрядов действовали три полка кавалерийской бригады генерала Голубинцева.

На рассвете 16 февраля части 28-й дивизии перешли в наступление и после длительного боя с конницей белых заняли зимовник Попов. Стремясь вернуть потерянные позиции, противник трижды бросался на сводные отряды дивизии и трижды, попав под губительный огонь орудий и пулеметов, откатывался назад. Бой закончился

Военком 28-й стрелковой дивизии В. Н. Хруцкий

в 18 часов, генерал Голубинцев отвел свои изрядно поредевшие полки к зимовнику Пишванов.

Довольный исходом боя, Азин поблагодарил Наумова и направился в полевой штадив, развернутый в хуторе Каменке. Ветер хлестал по лицу жесткими крупинками снега. На полпути Азин нагнал какого-то худощавого, туго затянутого ремнем человека в забавном шерстяном шлеме. Человек отскочил в сторону, спросил:

— Товарищ командир, подскажите, где находится 247-й полк.

Азин осадил коня, по голосу и повязке на руке догадался, что перед ним женщина, резко спросил:

— А что вам нужно в этом полку?

— Не кричите! Я в свой полк иду. Под Царицыном попала в плен, бежала в Сарепту, все сослуживцев искала. И вот только что узнала — моя, 28-я Железная рядом, и пошла искать своих.

— Так, значит, вы служили у меня в дивизии?

— Так точно, товарищ Азин. Очень хочется боевых друзей повидать. Командир наш товарищ Ремфельд жив или погиб под Царицыном?

— Ремфельд жив, а вот комиссар полка Глушков ранен, и бойцов много погибло от тифа. Не бойтесь?

— Я в полковом околотке тифозников обхаживала. После плена ничего не боюсь.

— Молодец! Устала? Садись на лошадь.

— Да я теперь еще двадцать верст пешком пройду. Вот только ботинки не по ноге, трут, окаянные.

— Ничего, обмундируем. Как зовут-то тебя?

— Клава. Вернее сказать, Клавдия Ивановна Попцова, санитарка 6-й роты 247-го полка.

— Спасибо, Клавдия Ивановна, — ласково сказал Азин. — За добрую память о своих однополчанах, за верность своей части спасибо. Я позвоню Ремфельду. Расскажу о тебе.

Эта встреча растрогала Азина. Десятки верст шла эта хрупкая, измученная женщина против северного свирепого ветра, чтобы увидеть боевых друзей и вместе с ними продолжать боевой путь, перевязывать раненых, спасать тифозных больных... Если бы можно было оповестить всех бывших бойцов 28-й дивизии, они непременно вернулись бы в свои родные полки. Прибежали бы, как эта Клава Попцова.

В полевом штабе Азин прежде всего просмотрел списки убитых и умерших от тифа. И сразу настроение испортилось. Как много прославленных героев сгорело за минувшие сутки в тифозном бреду. А замены нет и, видно, не скоро будет. Только мощным, хорошо управляемым огнем можно прокладывать дорогу к Новороссийску. Попросил Черепова:

— Вызовите начарта Гундорина.

— Алексей Павлович тоже свалился, — как-то виновато и грустно сказал Черепов.

— Не может быть! — вскочил Азин.

Снял трубку, позвонил в санчасть Кузнецовой, проникновенно, тепло попросил:

— Вера Александровна, дорогая сестричка! В твои хоромы попал Алексей Павлович Гундорин. Любой ценой поставь его на ноги. Знаю — можешь, можешь. Руки у тебя чуткие, золотые...

В штаб вошел Александр Кочубеев и доложил:

— Телеграмма срочная. От командарма...

Азин взял бланк, прочел, озабоченно потер лоб, сказал, с трудом сдерживая раздражение:

— Командарм велит одну бригаду оставить в армейском резерве. С кем же я буду брать Целину? У генерала Голубинцева более тысячи сабель, три бронепоезда, десять батарей. А нам и полтысячи бойцов не набрать. Половина тифозных. Единственная надежда на орудия и пулеметы.

Называя вероятные силы противника, Азин не знал, что в это время для противодействия удару красных со стороны Великокняжеской движется в направлении к станции Торговой донская конница под командой генерала Павлова. По приказу командующего Донской армией генерала Сидорина конная группа (более 11000 сабель) Павлова должна была внезапным ударом разбить ненавистную для белогвардейцев Конную армию С. М. Буденного.

О'С ...Азин работал до полуночи. Уснул за столом, положив голову на здоровую левую руку. Правая висела на перевязи. Проснулся в пятом часу. Поблагодарил Крутольянова за стоявшее на столе любимое кушанье — свежий творог с молоком. Позавтракав, сказал Черепову:

— Поеду в бригаду к Наумову. Донесения частей и приказы командарма направляйте ко мне в зимовник Пишванов.

Протерев слипающиеся глаза, Черепов неожиданно предложил:

— Давайте поменяемся—я вам дам свою кавалерийскую теплую куртку, а вы оставите мне свою бекешу. Уж больно она заметная. Выпал глубокий снег, будете слишком яркой мишенью.

Азин посмотрел на куртку, потом на бекешу, улыбнулся, сказал:

— Вы прогадываете, мон ами¹. Вот вам в придачу мой кушак. Цена небольшая, но он дорог, как память.

...Бой начался в 6 часов утра. Два сводных отряда дивизии — пехотный под командованием Наумова и конный, возглавляемый Шабановым,— при поддержке артиллерии сбили части противника и после ожесточенного боя в 11 часов заняли зимовник Пишванов.

— Задача дня выполнена! — не скрывая гордости, сказал Азин комиссару бригады Стельмаху.— Хорошо бы к вечеру взять Целину. Мороз крепчает. Там бы отогрелись.

— Конница Гая немножко отстала, надо бы подождать,— робко заметил Стельмах.

— Подождать, подождать! — передразнил комиссара Азин.— Не люблю это слово. Если бы у меня была дивизия полного состава, я первым бы вошел в Новороссийск.

— В том-то и беда, что у нас от полков остались одни номера,— сказал Стельмах.— Фланги открыты.

— Знаю! Мне еще вчера комбриг Ковалев из Таманской дивизии посоветовал — подождать, пока не перейдут на левый берег Маныча главные силы. Наступать вместе. Я отказался. Я привык выполнять приказы, хотя они и кажутся невыполнимыми. К весне надо войну кончить.

Близкие разрывы снарядов оборвали разговор. Азин вместе с ординарцами и Стельмахом выехали из зимовника.¹

¹ Мой друг (фр.).— Азин иногда говорил с Череповым по-французски. Кроме того, начдив хорошо владел немецким языком.

— Ой, ой, ой! — испуганно закричал ординарец Якуб Абдрашитов. — Орда. С двух боков катится орда...

С двух сторон, зажимая сводные отряды дивизии в клещи, неслись конные лавы. И Азин понял: в бой введены новые, очень крупные силы, остановить этот страшный поток кавалерии могут только пулеметы. Почему они молчат? И Азин разослал своих ординарцев в пулеметные команды с приказом вести огонь, не жалея патронов.

Отряды дивизии были развернуты на фронте в полторы версты. На правом фланге старая гвардия — отряд конных разведчиков, в центре — пехота и слева — 28-й конный полк двухэскадронного состава.

Заметив стремление противника отделить пехоту от кавалерии, Азин подскакал к начальнику штаба сводного отряда Михаилу Александровичу Смирнову и приказал ему:

— Лети к Шабанову, пусть жметя к пехоте. Отбиваться вместе...

— ■ Слушаюсь! — крикнул Смирнов и помчался к командиру конного полка.

Азин осмотрелся. Вражеская конница, взметнув облако снежной пыли, неудержимо двигалась вперед к берегам Маныча. Артиллеристы непрерывно посылали в ряды атакующих снаряды, но остановить лавину не могли. А пулеметы молчали...

К начдиву подскакал ординарец Абдрашитов. На ресницах его висели замерзшие слезы.

— Худо, товарищ Азин. Очень худо, — плача, прокричал Абдрашитов. — Пулеметы отказали. Говорят, нет глицирина, нет спирта. Мороз загубил пулеметы... Надо уходить быстро-быстро...

— Да, плохо, Якуб, очень плохо, — согласился Азин. — Лети к разведчикам и передай им — пусть отходят, прикрывая пехоту.

Стельмаху Азин сказал:

— Надо прорваться к резервной бригаде и ее контрударом прикрыть отход дивизии.

В ряды пехоты врезались полки вражеской кавалерии. Азин видел, как, отстреливаясь и отбиваясь прикладами, гибли его бойцы. Боль сдавила сердце. Над головой тоскливо просвистели пули. Азин оглянулся. Несколько всадников, яростно нахлестывая лошадей,

гнались за ним. Азин тронул шпорами своего рослого, мускулистого орловского рысака и сразу же оторвался от преследователей. До выхода из «мешка» оставалось каких-нибудь 500 шагов. Наперерез Азину и Стельмаху кинулись шесть казаков. Начдив осадил коня и тремя выстрелами выбил из седел трех всадников. Остальные круто повернули назад.

Стельмах остановил лошадь, крикнул:

— Торопись, торопись, товарищ Азин!

— Догоню,— прокричал начдив и, пустив коня в галоп, почти поравнялся со Стельмахом. От встречного свирепого ветра выступили слезы. Азин рукавом протер глаза. В эту секунду его Рыжий передними ногами попал в запорошенную снегом глубокую канаву, от сильного рывка лопнула подпруга, и Азин с седлом рухнул на землю. Испуганный конь помчался к Манычу. Придя в себя, Азин услышал нарастающий топот. Оглянувшись, увидел вытянутые, летящие на него лошадиные морды, красные, ликующие казачьи рожи, ослепительно белые клинки. Успел выстрелить дважды и, как всегда, не промахнулся. Закрыл глаза, заметив вскинутый над головой клинок. Прогремел выстрел, и казак опрокинулся навзничь. Азин открыл глаза и увидел бегущего к нему Якуба Абдрашитова. Ординарец не мог оставить в беде своего любимого начдива. Якуб был хорошим стрелком, но в карабине его было всего три патрона. А вставить новую обойму не успел — сшибла казачья лошадь.

Длинноусый, тучный есаул прокричал над ухом Азина:

— Тихо, станичники, тихо. Видать, важная птица. Взять живым,— и ловко вышиб шашкой кольт из руки Азина. С пленника сорвали саблю, полевую сумку, куртку. Молодой, веселый казак привычно быстро снял с руки Азина часы. Есаул заметил, прикрикнул:

— А ну, давай сюда, ворюга.

Осмотрев часы, есаул обрадовался:

■— Именные, золотые. Повезло нам, станичники. Ведь это сам Азин. За него пятьсот тысяч наградных объявлено. Вы что его растеляшили? Наденьте куртку, а то еще околеет по дороге.

...Азина привезли в Егорлыкскую. В штабе дивизии пленника допрашивал какой-то важный пожилой полковник. Азин молча выслушал довольно лестное и длин-

ное вступление офицера и вместо ответа сказал презрительно и резко:

— Не валяйте дурака, полковник. Перед вами Азин. Расстреливайте немедленно.

— Что вы? Что вы?—замахал пухлыми ладонями полковник.— Мы с вами офицеры, и, я надеюсь, со временем найдем общий язык. Я слышал о вас весьма похвальные отзывы наших заслуженных генералов...

— Улагая, Врангеля, Голубинцева. Польщен,— рассмеялся Азин.— Они меня должны помнить. Встречались. Однако должен вас разочаровать — я рядовой, меня революция произвела в генералы, и я служил ей как мог.

— Не скромничайте. Служили довольно ретиво. Мы располагаем сведениями, что вы казак, уроженец Ростова-на-Дону. Выходит, мы земляки.

— Ошибаетесь, полковник. Я — латыш. Кончайте! Родней никогда не будете. Азин умрет Азиным!

Молоденький поручик, что-то старательно записывавший за соседним столом, широко открытыми восхищенными глазами смотрел на пленника, о котором в утренних газетах под крупными заголовками «Пойман красный зверь, Азин» были напечатаны сенсационные сообщения, и в них слова «кроважадный» и «чудовище» стояли в каждой строке. Ничего чудовищного! Красивый, удивительно мужественный, бесстрашный человек.

Полковник прошелся по комнате, сказал угрожающе строго:

— А вы подумайте. Мы не будем спешить. Нам нужны талантливые, имеющие боевой опыт генералы. Подумайте, подумайте.

— Убеждений не меняю. Родиной не торгую! — перебил полковника Азин.— У вас под рукой лежит мой партийный билет. Неужели вы думаете, что среди большевиков можно найти предателя?

— Не шумите! Подумайте. Ведь в сущности вы еще юноша. У вас еще все впереди.

— Для друзей я умер 17 февраля. Впереди у меня — виселица,— улыбаясь, сказал Азин.— На легкую смерть не рассчитываю. Ведь вы даже руки мои боитесь развязать. А чего боитесь? Правая не действует, левую — вывихнули. Плохи ваши дела, полковник.

— Убрать,— брезгливо морщась, крикнул полковник.

...На следующий день Азина снова привели в штаб.

Тот же полковник вежливо осведомился о состоянии здоровья и, положив перед пленным лист бумаги, сказал:

— Напишите обращение к своим бойцам, посоветуйте им перейти к нам, и мы отпустим вас на все четыре стороны.

— Совестью не торгую! — ответил Азин.— Предателей я расстреливал. Если даже я напишу такую подлую цидулку, никто в Советской России не поверит, что это идет от самого Азина. Предательство и Азин — несовместимые понятия. Если вы еще не выжили из ума, прекратите эту гнусную возню.

— Мы ожидали подобный вариант собеседования,—■ потирая пухлые синеватые ладони, сказал полковник,— и сами приготовили документик. Почитайте. Очень доходчивое и разумное воззвание к обреченным на неизбежную гибель красным солдатам. Пожалейте их.

— Мне жаль вас, полковник. До седины дожили — разума не накопили. Это вам грозит неизбежная гибель, если вы не прекратите бесполезную борьбу. Красная Армия в ближайшее время разобьет жалкие остатки войск Деникина.

— Цивилизованный мир раздавит одурманенных большевизмом мужиков. Однако вернемся к делу. Если вы даже не подпишете листовку, мы скопируем ваше факсимиле по документикам. Сделаем точнее точного. Ваши соратники будут проклинять вас, начдив Азин. Завтра наши самолеты засыпят вашими листовками побережье Маныча. Так что лучший для вас вариант — перейти к нам на службу. Мы ценим храбрецов, вы делаете блестящую карьеру.

— Пустая затея. Могу сказать одно — ваша-то карьера кончилась. Вы пахнете покойником, полковник.

— Вы хотите вывести меня из равновесия и получить легкую пулю. Напрасно стараетесь, начдив Азин. Ведь я вас не оскорбляю. Наоборот! Хочу вам только добра. Между прочим, командарм Павлов по радио и специальными листовками известил нас о том, что всякое насилие над Азиным встретит соответствующие репрессии над первыми десятью офицерами в чине полковника и выше, захваченными в плен. Видите, как вас дорого ценят. Десять полковников и генералов за одного солдата.

Полковник положил листок в стол, сказал сокрушенно:

— После беседы с вами у меня ужасно болит голова. Редчайший упрямец. Завтра командарм Павлов и прочие и прочие узнают, что Азин жив и служит у генерала Сидорина. Мы не пожалеем бумаги на ваши пламенные обращения к бывшим товарищам по оружию.

— Жизнь отнимете, честь — никогда! — твердо произнес Азин. — Это мое последнее слово.

И начдив 28 больше ничего не сказал. Его били, пытали, полураздетого гоняли по заснеженным улицам станицы. Азин молчал. Полуживым его отправили в ставку Деникина. И там он сказал всего шесть слов:

— Вы дорого заплатите за жизнь Азина!

Палачи повесили начдива 28-й Железной Владимира Мартыновича Азина на площади в станице Тихорецкой Б.

Белогвардейцам не удалось бросить тень предательства на светлое, легендарное имя Азина. Бойцы Красной Армии не поверили вражеским листовкам, обильно рассыпаемым на дорогах наступления. Выражая волю и веру всех бойцов Южного фронта, Реввоенсовет 10-й армии специальным приказом разоблачил гнусные происки белогвардейского командования. В приказе говорилось:

«Сжатые в тиски красными войсками, предчувствуя свою неизбежную гибель, деникинские генералы и офицеры стараются забрызгать грязью имена героев и командиров Красной Армии. Белогвардейские провокаторы сбрасывают с аэропланов печатные листки, подписанные будто бы взятым в плен начальником 28-й стрелковой дивизии тов. Азиным, и от его имени предлагают нашим красноармейцам посылать к Деникину делегатов с просьбой о заключении мира.

Реввоенсовет 10-й армии объявляет, что это воззвание — последнее гнусное сочинение отчаявшихся белогвардейцев.

Начдив тов. Азин был и всегда останется честным, стойким, доблестным борцом за власть трудящегося народа, непримиримым врагом всех насильников и эксплуататоров.¹

¹ Б. М а й с т р а х . Маныч — Егорлыкская — Новороссийск Изд. военлитературы, 1929, стр. 141.

перенесенные бойцами среди глубоких снегов Урала и Сибири, в топких долинах Маныча, в горах Кавказа и гнилых малярийных болотах Мугани»¹.

В знак глубочайшей благодарности правительство Азербайджанской Советской Республики вручило 28-й стрелковой дивизии Почетное знамя с орденом Красного Знамени АССР.

За разгром в декабре 1920 года дашнакских банд ЦИК Армении также наградил 28-ю стрелковую дивизию Почетным знаменем с орденом Красного Знамени республики. Дивизии было присвоено имя Серго Орджоникидзе и наименование «Царицынская».

В годы Великой Отечественной войны 28-я Горская Царицынская стрелковая дивизия одной из первых завоевала звание гвардейской.

...Годы утвердили бессмертие первого начдива 28-й Железной Владимира Мартыновича Азина. Его светлым именем названы заводы, колхозы, школы, улицы, парходы. Верный сын советского народа, коммунист Азин навеки зачислен в легендарную плеяду героев-самородков, выдающихся полководцев героической армии нашего социалистического Отечества.¹

¹ ЦГ АКА, ф. 4, д. 1642, л. 568.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
I. Именем революции.....	И
II. На главном направлении.....	35
III. Рождение Железного.....	69
IV. Дело государственной важности	93
V. Испытание стужей и огнем.....	118
VI. Только вперед.....	144
VII. На Южном фронте.....	175

Николай Дмитриевич Кондратьев
НАЧДИВ ЖЕЛЕЗНОЙ АЗИН

Редактор Н. И. Соловьев
Художник В. В. Васильев

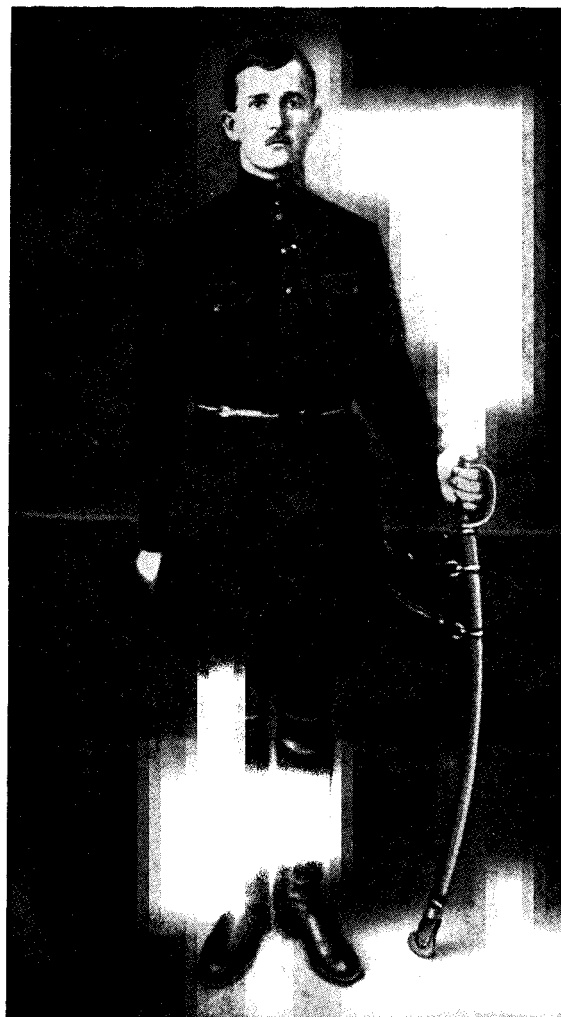
Технический редактор Красавина Л. М.

Сдано в набор 7.8.59 г. Подписано к печати 24.3.60 г.
Формат бумаги 84x108^{1/32} — 6^{5/8} печ. л. — 10,865 уел. печ. л. — 1 вклейка —
1^{1/8} печ. л. — 0,103 уел. печ. л. 10,748 уч.-изд. л.
Г-62526

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-9, Тверской бульвар, 18.

Иза. № 7/179 Цена 4 р. 25 к. Зак. 421

2-я типография Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

Начальник 28-й стрелковой дивизии
Владимир Мартынович Азин